И. Сотников

Хроники одного заедания

Разброд и Шатания

СОДЕРЖИТ НЕЦЕНЗУРНУЮ БРАНЬ

18+

Игорь Сотников

Хроники одного заседания. Книга вторая

«Автор»

2018

Сотников И.

Хроники одного заседания. Книга вторая / И. Сотников — «Автор», 2018

К чему может привести иллюзорный взгляд на мир. А к чему может не привести взгляд на него без иллюзий. В этом и попробуют разобраться два друга, отправившихся в Большой город искать пропавшую подругу, у которой есть для этого всё — кольцо иллюзии и правды.Содержит нецензурную брань.

© Сотников И., 2018
© Автор, 2018

Глава 1
Аналитический мозг

Время собирать камни, – вы, конечно, понимаете, что это не в коем случае не касается камней в почках, хотя некоторая временная связь с происходящим прослеживается, – почему-то всегда приходит именно тогда, когда ты этого, не только пребывая в беззаботности, не ждёшь, а совершенно не готов к такого рода временному событию. Да и тем более ты никогда не был склонен к какому-нибудь накопительству, и если уж быть предельно честным, то скорее придерживался обратной, расточительной точки зрения на себя и на свои отношения с окружающим миром, а тут такие, прямо-таки безапелляционные претензии. Да и вообще, кто, даже не испросив у тебя на то твоего позволения и, не поинтересовавшись обстоятельствами твоей жизни, решил за тебя, что вот, с сегодняшнего утра, для тебя как раз и настало именно это время.

А ведь быть может, именно эти самые обстоятельства жизни, когда ты остался не просто только один, а с опустошённой душой, как раз не способствуют всем этим сборам, да хотя бы по тому, что после вчерашней попытки замириться с новой действительностью и состоянием души в ресторане, для начала нужно прийти и обнаружить самого себя. Хотя в этом всё же что-то есть от сборов этих камней, где твоя голова в данный исторический для тебя момент, по своей внутренней консистенции, ничем не лучше, не хуже, а просто не отличишь от любого рода застывших в однородности материи камней.

– А что такое камень, как не природный минерал, или однородное природное тело, характеризующееся своими свойствами…Я что. С ума схожу? – с надеждой поставил знак вопроса в своём рассуждении Тиша, после чего собрался с тем, что есть, и открыл глаза, чтобы …Для начала хватит и проверки их работоспособности. Что при некоторых ситуациях, – а сейчас отношение Тиши к миру и его места в нём, определённо вписывалось в категорию некоторых ситуаций, – весьма не помешает сделать.

После обнаружения того, что глаза частично (они только открылись, а вот говорить о том, что они дальше себя что-то видели, то это было бы преждевременным утверждением) не подвели, чего про них точно нельзя сказать насчёт вчерашнего вечера, – их вечная тяга к знаниям и любопытство, и всё это в подкреплении ослабления за ними контроля со стороны Тиши, чуть (а это неприемлемо) было не завели его в некоторые двусмысленные отношения, а именно в тупик одного из тёмных помещений ресторана, с некоторыми лицами женского пола, – Тиша, будучи натурой более чем оптимистически настроенной к окружающему миру и к его представительницам, нежели они к нему, да и к тому же при такой жажде во всём организме, пусть стакан с водой будет лучше наполовину полон, чем пуст, что уже облегчает, начал с позитивного осмысления этого мира.

Так он осмотрелся в одну сторону, туда, куда его голова смотрела (после того, как его глаза наткнулись на непредусмотренное памятью препятствие в виде какой-то темноты, его глаза, закрывшись, смотрели глубоко внутрь себя), и вслед за этим сказав: «М-да», – тем самым присоединился к мнению создателя этого мира, который в своё время сказал: «И это хорошо».

Впрочем, то, что Тиша был таким большим единомышленником с творцом всего и вся, не отменяло того, что он иногда поступал вопреки его замыслам, а иногда даже свои поступки корректировал по суеверным соображениям. Так и сейчас Тиша, не желая подвергать себя лишним испытаниям и бедам, а такого рода события он определённо на профессиональном уровне умел притягивать к себе, решил, что сегодня с самого первого шага, будет себя вести осмысленно и без предварительного анализа своих действий, не сделает этого шага.

– Точно. Как терминатор, составлю в своей голове различные таблицы и графики анализа окружающей обстановки и на основании их буду действовать. – Обрадовался Тиша, включив для начала внутреннюю систему обработки внутренних данных под названием «самоанализ». Который после мгновенной самооценки состояния Тиши, пришёл к не очень утешительным для него результатам – во всём организме обнаружена частичная телесная и душевная интоксикация, полу критическое обезвоживание, многочисленные ушибы и раны во всех частях тела, сдавленность и частичное онемение правой ноги, и неповоротливость затуманенной всякими глупостями головы.

– Что ж, так всегда бывает, когда ищешь утешение на стороне. – На основании полученных данных сделал для себя вывод Тиша, который всегда был самокритичен и не пытался переложить ответственность за свои поступки на внешние, непреодолимой силы обстоятельства. – Но почему-то никогда не находишь. – Несколько удручённо пробормотал Тиша, на одно лишь мгновение, при воспоминании своей когда-то, а сейчас чужой Анни, позволив себе отступление от своих жизненных принципов, с нетерпением относящихся к унынию. После чего он свой, сконцентрированный, с фигуральным лазерным наведением на предмет рассмотрения взгляд, с неизменной красной точкой в зрачках, переводит из дальнего прошлого на Анни чуть ближе, на вчерашние встреченные им в ресторане «утешения» своего опустошённого состояния души.

Где первое из утешений, – выхолощенный высокомерием и своей исключительной избранностью фортуной, то есть деньгами, тип у которого своего ничего нет, и всё на нём и в нём от кого-то, – слишком уж быстро сползло под стол, тем самым уклонившись от противостояния с Тишей по поводу своих различных взглядов на окружающий мир и его ценностей. А ведь, судя по виду этого типа, набитого внешними атрибутами богатства по самое не хочу, то ценностей у него было даже с избытком. Правда у Тиши в руках находился не менее существенный аргумент – бутылка – и он, заявив этому хозяину жизни, что всё это пустое, в один удар по его голове пустой бутылкой, расположил его соседок по столу, довольно милых дам, к себе, а его под стол, к ним в ноги.

Ну а это (милые и такие забывчивые дамы) второе утешение, почему-то не только не отвлекло Тишу от себя и от той, о ком он всё последнее время думал, а ещё больше привлекло его внимание к ней, что поспособствовало его увлечённому злоупотреблению слов: «И эта опять пустая», – с сопутствующими возникновению этих характеристик действиями, и последующим погружением в себя.

Когда же всё-таки им была предпринята попытка одуматься, чему поспособствовала улыбка одной из привлекательных особ, которая привлекла его внимание, а затем за собой в темноту лабиринта ходов подсобных помещений, то он только и успел понять, что она его сейчас точно заведёт в такой тупик отношений с действительностью, что выход из него будет только один. Правда, каким этот выход должен быть, Тиша так и не успел понять, что не отменяет того, что он его всё-таки отыскал, раз сейчас находился не в лабиринте у Минотавра, а у себя дома.

– Бывают такие моменты, когда нужно довериться подсознанию, и оно тебя не подведёт и обязательно выведет. – Подытожил результаты своего вчерашнего выхода и связанных с ним выходок Тиша. Но почему-то это его совсем не обрадовало, и Тиша, что даже неожиданно стало для него самого, вдруг нервно взорвался: «Да кого я хочу обмануть?!», – и тут же попытался подскочить вверх. Но ограничение в виде нижней поверхности кровати, под которой, по какому-то невероятному стечению обстоятельств оказался Тиша, через его ударившуюся голову, быстро остудило эту его порывистость. Что заставило его пересмотреть свои резкие взгляды на мир, и вернуться назад.

Вернувшись же в прежнее положение, Тиша, из-за ограниченности пространства в котором он находился, ограничился мысленным почёсыванием ударившейся головы. Что, тем не менее, не отбило у него охоту с прискорбием выражать глубокую озабоченность собой.

– Всё, от и до, придумано, и если я в чём-то и был герой, так это в своей самоотверженности, с которой налегал на вызывающие забвение напитки. И даже их злоупотребления, мне не хватило, чтобы быть тем, кем в своих фантазиях всегда пребываю. – Запричитал Тиша, вспомнив того хлыща за соседним столом, которого он только в своём воображении отправил отсыпаться под стол, когда на самом деле, тот надсмехаясь над ним, в итоге и отправил его прохлаждаться от закипания мозга под кровать. Где Тише все эти его памятливые накопления и неосуществимые желания, сошедшись в одно единое, сон, в результате и выдали ему в свет всю эту картинку его геройства, которого не было.

Но не это больше всего омрачило Тишу, а осознание себя непричастным к необычным людям человеком, подвергло его осомневанию своего я и своего места в мире. – Под кроватью. – Несдержанно усмехнулся приметливый Тиша, но тут же покорил себя и стал серьёзным. Ну а как только стал серьёзным, то вот тут-то и началось его самобичевание.

– Но почему, всё так обычно и предсказуемо происходит. – Запричитал Тиша и тут же параллельно этому ходу своих мыслей, своей надстройкой подумал, что в чём-то близок к религиозным фанатикам, раз использует в своём лексиконе столько самобичующих слов. – А ну, серьёзней! – сам себя в очередной раз укорил Тиша, и продолжил развивать свою основную мысль. – Если корабль любви потерпел крушение, а лоцманшу перестал устраивать сам капитан корабля, а не как она, прикрываясь заботой о его чувствах, заявляет об изменчивости характера обстоятельств жизни, – «Знаю я какого характера эти обстоятельства жизни. Все они кроются в чёрной пиратской бороде Френка Дрейка с Уолл-Стрита. – Вновь в основной ход размышлений Тиши вмешалась его надстройка. Правда, на этот раз он без окрика вернулся к прежней мысли. Ему для этого хватило того, что он почувствовал, что нахождение здесь под кроватью, буквально способствует его росту бороды», – то капитан проявляет себя, как всякий обычный человек. Он припадает к бутылке, или к другого рода сомнительным отвлечениям. А это говорит о том…– Тиша даже в своих мыслях замолчал, не решаясь озвучить то, что это значит.

Но у Тиши нет совсем сил умалчивать то, что всё это значит, и он с болью в душе, вынужден признать эту очевидность. – Так я может быть, самый обычный, ничем не отличающийся от других людей человек. – Тиша открывает глаза, смотрит на находящуюся перед собой нижнюю сторону кровати, чей вид может попытаться оспорить эти его такие больные для него откровения, но не пытается. При этом Тиша, в деле самого себя, никогда не ограничивается полумерами и он всегда в своём изобличении идёт до конца. – Да-да, самый обычный, обычный человек! Всего-то уснувший в самом обычном для необычного состояния месте, под диваном. – Чуть ли не беснуется, крича это Тиша. А ведь такие вещи, даже от себя слышать невыносимо и терпеть нет сил и, наверное, кого другого, уже давно бы загнало в самый угол, но не Тишу, готового идти дальше.

– А это мой потолок. И не только физический, но и пределов моего сознания, выше которого мне никогда не подняться. – Тиша от мысленного отчаяния не сдержался и треснул сжавшейся в кулак рукой по дну кровати. И хотя от удара рукой об деревянное полотно, Тиша кроме физической боли на первом этапе ничего не ощутил, всё же когда он сопроводил эти действиями отборными словосочетаниями, ему почему-то стало легче. И не только потому, что его мысли и организм очистился от нехорошего, но и оттого, что это навело его на дающую надежду мысль.

– Интересно получается. Анни всегда жаловалась на то, что эта, только совсем недавно купленная кровать, так нещадно скрипит, что не даёт ей сна и покоя. Тогда как я ничего такого за ней (за кроватью) не замечал, даже при совместном с Анни опробовании этой кровати. Она тогда ещё смело шутила, что кровать умалчивает эти свои скрипучие достоинства в его при-

сутствии, а всё потому, что мол, она, кровать, как и всякая особа женского рода, не привыкла жаловаться в чужеродные мужские уши. А вот когда она остаётся с ней наедине, то кровать ведёт себя не столь покладисто, и прямо-таки, – можешь спросить у соседей, – все уши прожужжала своим скрипом и стонами. Так вот оказывается в чём дело! – ахнул от зловещей догадки Тиша и вновь треснулся головой об кровать. – А я тогда, как простофиля, смеялся и как маленький ребёнок радовался за Анни, с её-то даром выдумывать такие невероятные, на пустом месте сказки. – «Не на пустом. – Вновь встряло подсознание Тиши. – Свято, или близкое к теплу место, пусто не бывает. – Сделал очередной, сковывающий болью сердце вывод Тиша. – Значит, говоришь, что я тебя совсем не понимаю, в отличие от того пирата «чёрная борода», Дрейка, у которого и бороды-то нет, а одно название. А ведь ты была права. Я только сейчас понял, на чём основано ваше взаимопонимание. – Прикусил до крови губу Тиша».

Но это длится только одно мгновение, – основной болевой удар по сознанию и сердцу Тиши, всё же был смягчён обычными средствами чуть раньше, и у него теперь лишь остались, почему-то только укоры совести за Анни и за себя, – после чего его охватывает какое-то необычное возбуждение, с которым его ход мысли вновь приобретают оптимистический характер.

– А ведь если я, уткнувшись головой в дно кровати, сумел заглянуть, не только поверх неё, ну и куда много дальше, то это как минимум, говорит о том, что это не мой потолок. А это значит… – теперь уже страх перед тем, что можно потерять вновь обретённую удачу, если её оформишь в слова, заставил Тишу умолчать себя. Что потребовало от него не меньших сил и даже физических отвлечений, чем в первый раз. Так он надув свои щёки, как бы демонстрировал крепость своего молчания.

Когда же самый тяжёлый, первый промежуток времени был выдержан, и Тиша не проронил ни слова, то он приступил к анализу к своего нового положения, которое несмотря на всю свою видимую не изменчивость, за этот небольшой промежуток времени уже два раза, от обычного отчаяния, до необыкновенных высот вдохновения, так кардинально менялось. И чтобы не растерять полученного, то требовалось прямо сейчас всё это зафиксировать.

– Надо всего лишь изменить свою фокусировку и положение для наблюдения за предметом рассмотрения. И тогда тебе откроется многое из того, что до этого было недоступно. А это уже что-то. – Продолжая глядеть перед собой на дно кровати, радовался за себя Тиша, видя между тем не кровать, а нечто такое, что не сильно понравится этому Дрейку, которого не мешало бы познакомить с законом всемирного тяготения, с которым на виселице знакомили большинство пиратов. Правда нынче времена другие, более жестокие и поэтому Дрейку придётся запастись терпением, чтобы пережить свои нетерпения, к которым он не склонен по отношению только к самому себе. – Любишь кататься, люби и саночки возить. – На этой завершающей фразе, оставив покое Дрейка, Тиша, вернулся к себе под кровать, где постепенно становится не столь уютно.

– Ну а теперь, как говорится, перейдём от общего к частному. – Сказал Тиша, почувствовав нетерпение своей занемевшей правой ноги, у которой уже не осталось сил продлевать своё придавленное тумбочкой положение. С чем, с желанием разобраться и понять причины создавшегося положения, Тиша окидывает взглядом то положение, в котором оказался весь он и в частности нога, придавленная тумбочкой, которая непонятно каким образом подвернулась ему на ногу (а что непонятно-то. Просто ноги Тиши, в отличие от самого него, с его центром принятия решений, натуры более свободолюбивые. И их не устроило такая ограниченность нахождения в пространстве, где даже себя не согнёшь в коленках. Вот они и вытянули себя из под кровати. А там на свою беду, на их пути стояла тумбочка, которая не совладала с натиском и с тем упорством, с каким по ним молотили ноги Тиши, и в результате пала, в том числе и на ноги Тиши).

Что ж, беглый осмотр подсказывает, что то положение, в котором оказалась нога Тиши, только на её чувственное усмотрение кажется столь затруднительным. А так стоило только Тише поднапрячься и дёрнуть на себя резко ногу, то она всё, вытащена из тисков этой мебельной продукции. Ну а первый успех окрыляет, и Тиша теперь готов ставить перед собой куда более глобальные цели, например, вылезти из под кровати, достичь кухни и там из под крана хлебнуть столько воды, сколько влезет.

– А я впечатлён своей вчерашней храбростью, спать без одеяла на голом полу. – Не став слушать своё консервативное подсознание, заявившее: «А разве то, что ты использовал кровать вместо одеяла, не в счёт», – улыбнулся Тиша, после очередного подведения нового блока полученных данных о своём положении в пространстве комнаты. Где его нахождение на полу, а не на кровати, яростно говорило о его стремлении к независимости от внешних атрибутов жизни, который через свой комфорт настаивают на его пассивном отношении к жизни, и заглушают его потенциал борца и стремление всё изменить.

– Да. Это однозначно был вызов системе. – Сделал промежуточный вывод Тиша, теперь только поняв, что в борьбе с системой, без слома её элементов, где многие из них маскируются под ничего не значащие, случайные, как та же тумбочка, части окружающего мира, никак не обойтись. И не успел Тиша наполниться ощущением своей необходимости, как система наносит ему свой контрудар со стороны имеющей своё должное место и связи в области его телесности, пятой колонны, которой руководит его животное я.

– А с чего это ты решил проявить такое недовольство сложившейся системой взаимоотношений с внешним миром? – вместе с недовольным урчанием живота, до Тиши с какой-то поддёвкой, доносится этот, с намёком на некоторые предшествующие этому событию обстоятельства, вопрос. Мол, тебе ещё совсем недавно, вместе с Анни всё устраивало, а сейчас, как её только не стало, так ты, латентный подкаблучник, почувствовав свободу, вот и принялся беситься.

Но Тиша больше не собирается вступать в дискуссии, тем более с тем, кого он как облупленного, со всеми слабостями в доказательной базе знает, с самим собой и, прикрыв глаза, делает обратный перекат из под кровати на свободную от кроватных ограничений поверхность гостиной.

– Вот это другое дело. – Таким образом поздравляет себя Тиша с первоначально поставленной и выполненной задачей. – А у нас в гостиной неожиданно более светло, чем ранее виделось. – Проговорил вслух Тиша, поняв, что его новая система фиксирования мира, которая есть контрсистема существующей и поддерживающей мировой порядок системе, вполне работает. После чего он себя резко поднимает на ноги и вот тут-то понимает, что резкие переходы из одного положения в другое, не всегда оправданы и если уж собрался изменить своё положение в пространстве, то используй промежуточные станции назначения. А иначе, это тебя приведёт к головокружению и падению. И хорошо, что на этот раз на кровать, а не рядом на пол.

– Вот чёрт. – Ахнул Тиша вместе с головокружением увалившись на кровать. Где ему бы не помешало поваляться и восстановить свои по растраченные силы, но он спиной чувствует какой-то дискомфорт, который ему внушают под кроватные мысли насчёт присутствия здесь пирата Дрейка, и этого хватает Тише, чтобы для начала хотя бы присесть. После чего Тиша с удивлением обнаруживает, что в его квартире началось удивительное природное явление из звездопада мерцающих звёздочек, а это хоть и красиво, но настораживает Тишу, не понаслышке знающего, куда этот звездопад может привести. – Надо срочно что-нибудь от головы принять. – Приходит к выводу Тиша и переводит свой взгляд в сторону шкафа, где на полке всегда стояла пластмассовая коробка, выполняющая роль аптечки.

Но сейчас её на месте нет, да и к тому дверка шкафа раскрыта и из неё торчат уши чьёго-то несанкционированного хозяином квартиры вмешательства – всё перевёрнуто вверх дном. Что в какое другое время, вызвало бы массу вопросов у Тиши, и его рука даже бы рефлекторно

потянулась к трубке телефона, чтобы ею вооружиться против грабителей, но сейчас его волновало лишь только одно. – Куда подевалась аптечка? – головной болью по вискам отдался этот вопрос Тиши к себе, заставив его сжать голову руками, чтобы она сама по себе не раскололась.

И видимо полагаться на свою пропащую память, в данном случае было бесперспективной затеей, раз Тиша не стал ломать свою голову, а только придержав её для успокоения, обратился взглядом обратно в сторону шкафа, где ранее находилась аптечка. И хотя её на месте по прежнему не было, несмотря на огромное желание Тиши обратного, всё же у него появилась определённая надежда на то, чтобы её отыскать – он заметил, что рядом со шкафом на полу валяются бинты, которые скорей всего вывалились из аптечки, когда её раскрыл грабитель, для того чтобы убедиться в ценности находки.

– А чем его мои бинты не устроили? По мне так, вполне необходимая вещь, особенно после того, как я этому зажравшемуся грабителю нос сломаю. – Вполне разумно рассудил Тиша, видя до какой степени деградировали грабители, предпочитая жить одним днём и совершенно перестав заглядывать в будущее. Но дальше сломанного носа Тиша не пошёл, а всё потому, что он заметил, до чего же этот грабитель рассеянный тип, раз он по пути на выход из комнаты, поронял из аптечки тюбики с мазями и ещё что-то в этом роде. А такое халатное отношение грабителя к чужим вещам, надо честно признать, вполне свойственно всем грабителям, которые обоими руками за свободное перемещение имущества в пространстве и между собственниками, но не это главное, а то, что оно даёт Тише надежду на то, что вслед за бинтами и всеми этим мазями, он выронил и так ему необходимые таблетки от головы.

И Тиша, воспылав надеждой и заодно жаждой, которая вновь дала о себе знать, сконцентрировал на себе всё внимание, и с повышенными мерами безопасности, выдвинулся по направлению кухни, куда, судя по вывалившимся на пол из аптечки её содержимого, и проследовал в своё время грабитель, чтобы там, в спокойной обстановке (Тиша там под кроватью ворчал во сне и крутился), разобрать содержимое аптечки и, выбрав для себя самое необходимое, чайком запить. Все знают, что грабители вынуждены работать в самое ненастное время и непогоду, а это, как бы они не храбрились своим железным здоровьем, со временем подтачивает его, и они нуждаются в классифицированной помощи и лекарствах. И если с первым, в виду их принципиального подхода к жизни – отрицания любого вмешательства в их незаконную жизнь законных институтов власти – не могло быть речи, то насчёт лекарств, то тут-то аптечка Тиши оказалась к месту и ко времени.

При этом грабитель тишиной аптечки, оказался на удивление зловредным, избирательным и изобретательным типом. Что и обнаружил за ним или вернее сказать, посредством того бардака, который он устроил на кухонном столе, заметил Тиша, оказавшись там, приведённый по следам рассеянности этого таинственного грабителя.

– Вот же, паразит! – очень метко подметил за этим грабителем Тиша, который из-за своей зловредности не ограничился тем, что и так всё без спросу берёт, но и ведёт себя прямо-таки как дома, нарушая ранее установленные хозяином правила и вещи, которые этот грабитель не только местами пододвинул и переставил, но и как в случае со стульями – все их поронял.

При этом Тиша понимает, что уже поздно так сокрушаться по поводу неисправимости некоторых людей, да и ему не до этого сейчас. И Тиша не обращая внимания на весь этот бардак, подходит к столу, на котором им своевременно примечена коробка служившая в качестве аптечки, и начинает судорожно перебирать остатки её содержимого. Но как Тишей заранее почему-то подспудно чувствовалось, то там ничего нужного ему нет.

– Но я же отлично помню, что были. – В нервной отчаянности возмутился Тиша, явно подозревая того избирательного грабителя, который всё оставил не тронутым, а вот средства от головы избирательно похитил. Что с его-то Тишиной дрожью в руках и импульсацией вен на лбу, вполне нормальная реакция. Правда такая его уверенность в надёжности своей памяти, не

может не вызывать сомнений, хотя, наверное Тиша, просто поспешил, решив, выдать желаемое за действительное.

Но криком, даже на себя, делу не поможешь, и Тиша решает немедленно припасть к водопроводному крану, вода из которого, хотя бы остудит его пыл. Что только отчасти так, когда от второй части, то от этого ему становится муторно и вызывает тошноту. С которой справляться, конечно, лучше в одиночестве и не на кухне, но Тиша вдруг неожиданно замечает на разделочном столе нечто, и это останавливает его стоять на месте, и перебарывать это грозящее вылиться наружу внутреннее возмущение против самого себя и своего возмутительного вчерашнего поведения.

А видит он два стоящих на разделочном столе подарочных футляра из-под колец, которым не только здесь не место, но и откуда они тут взялись, если он уже и не помнит, когда их последний раз видел; и что прискорбно, но и дарил. Правда с Тишей не всё ещё потеряно, если он сумел-таки узнать эти знаковые футляры. Почему знаковые? Да хотя бы по тому, что они что-то да значили для обеих сторон дарения, – дарителя и отблагодарённой, – ну и заодно, приобретались по знаковому случаю – несколько месяцев назад на церемонию предложения его, Тиши, руки и сердца. Ну а то, что футляры оказались разного цвета, – один синий, а другой красный, – то разве важна эта странная прихоть Тиши, выбравшего для футляров разные цвета, если на руках не футляры носить.

Хотя всё же, это не совсем объяснение, да и совсем не объяснение их появлению. И чтобы понять, как так случилось, то нужно слегка вернуться назад, в обозримое им прошлое, когда Тиша готовился осчастливить себя и Анни, сделав ей предложение.

И видимо для Тиши, влюблённого в Анни по уши, до забывчивости себя и до самозабвения, а это тоже самое, что и второе, получить от неё положительный ответ, было столь важно и жизненно необходимо, что он для того чтобы повысить свои шансы на успех, взял и не ограничился одним обручальным колечком, прикупив ещё и вон то, уж больно красивое.

Когда же Анни при виде первого колечка, проявила себя натурой неустойчивой и не сдержанной на слово да, то Тиша в тот же момент облегчённо снял напряжение с находящейся в кармане пиджака руки, которая придерживала второй запасной вариант кольца, готового в случае отказа или неподходящего размера первого кольца, заменить его. А вот здесь-то, насчёт неподходящего размера кольца, Тиша всё же проявил некоторую оплошность и недальновидность своих будущих отношений с Анни.

И разве ему не понятно, что если бы купленное им кольцо для Анни, не подошло бы ей, то и другие его попытки сделать её таким образом счастливой, были бы безуспешны. И тут будет глупо уповать на свою забывчивость и дырявую память, которая забыла все те цифры, какие говорила ему Ани. И когда Тиша довольно изобретательным и хитрым способом, выудил из её уст размеры пальца руки, за между прочим, иносказательно спросив её: «Слушай Анни. А случись мне тебе делать предложение, то на какой физический размер твоего благосостояния, мне нужно будет рассчитывать?», – то ведь Анни всё отлично поняла, к чему клонит этот, такой весь из себя беззаботный на глазах, а в глазах полный растеря, и в ответ сказала именно тот размер для кольца, который только ей и подошёл бы. Что совсем не значит, что он подошёл бы и для вручившего ей кольцо претендента.

Но на этот раз, к огромному счастью всех заинтересованных сторон и лиц, преподнесённое Тишей кольцо пришлось по руке Анни, отчего нервы у Тиши не выдержали и он, забыв обо всём, даже бросился к ней целоваться (перенервничал, вот и растрогался, бывает). Ну а поспешность и на этот раз себя во всей красе показала, вытянув вместе с Тишиной рукой из кармана второе кольцо, которое звонко заявив о себе, на полпути остановило Тишу перед удивлённо выразительным лицом Анни.

– Что это? – спросила Анни Тишу.

– Сейчас всё объясню. – Быстро проговорил Тиша, чья мысль принялась судорожно соображать в поиске сложных объяснений факта его изначальной неуверенности в будущих отношениях с Анни. Правда ему в голову приходили всё больше нехорошие, сбивающие с толку и настроя мысли. – Начало нехорошее. – Осуждающе покачала чем-то там своим, первая, глубокомысленная мысль. – Да уж. Начинать с объяснений совместную жизнь, никому бы не советовал. – Застудила мозг Тиши вторая, советливая мысль. – Если у тебя есть хоть доля сомнения в ваших будущих отношениях, то может не сомневаться, ты в любом случае их дальнейшего развития, будешь страдать. Просто в одном случае, от ностальгии по ушедшему счастью, а в другом, по его хотя бы временной осуществимости. – Своей нотацией завершила добивание Тиши его здравомыслие.

И вот казалось, что Тиша всё, сник и от него ничего стоящего не услышишь. Но нет. И вот он берёт и яростно орёт на своё здравомыслие: «А я никогда не сомневался!», – а затем больше не слушая советов, забыть или вообще, сказать, что монетка упала, лезет под стол и достаёт оттуда второе кольцо. Которое незамедлительно укладывается на стол перед Анни. Анни же со своей стороны вначале внимательно смотрит на кольцо, переводит свой взгляд на Тишу стоящего в должной позиции, на колене, вглядывается в него и, улыбнувшись, говорит ему. – А про запас колечко, получше оставил. – После чего она берёт второе колечко и надевает его на вторую руку, затем сдвигает руки и оценивающе смотрит на них.

– Ну что скажешь? – спрашивает Тишу Анни, краем глаза поглядывая на него. – Какому отдать предпочтение?

И Тиша нашёл должный ответ на этот вопрос, для которого и понадобились эти два, разного цвета футляры.

– И почему? – не могла не спросить его об этом Анни, и не просто так, а в специально выбранный момент, при свете вечерней Луны, когда и цвета в точности не увидишь, что говорит о том, что она об этом спросила лишь так, к слову – а это полностью противоречит первому, не просто так утверждению, что в свою очередь подтверждает истину – до чего же все эти Анни натуры противоречивые.

Что и говорить, а умеет Анни подобрать для своих вопросов самое, что ни на есть удобное время. И конечно Тиша промолчать не смеет и всю самую горькую правду ей говорит.

– В этом имеется своего рода скрытый символизм. Красный футляр. – Пододвигая к себе лежащий перед ними в ногах на кровати красный футляр, говорит Тиша. – Он символизирует горькую правду реальности, которая откроется тому, кто оденет это кольцо. – Тиша внимательно посмотрел на застывшую в своём внимании к красному футляру Анни. – Синий футляр. – Подтянув к себе второй футляр, заговорил Тиша. – Символизирует блаженную неизвестность иллюзии, в которую впадает носитель этого кольца. – Тиша один за одним открывает оба футляра и, развернув их в сторону Анни, загадочным голосом говорит ей:

– Пришло время выбирать. Делай свой выбор.

Анни в свою очередь неожиданно серьёзна. Хотя может быть, она играет. Но если даже так, то она слишком уж достоверно играет, с таким проникновением в глубины смыслов колец, смотря на них. Что, видимо, начинает тревожить и Тишу, который начинает чувствовать себя забытым. И Тиша решает поторопить Анни. – Если хочешь, то можешь носить оба по переменке. – Сказал Тиша, заставив вздрогнуть Анни, которая в своём увлечении забылась и впала в фантазии, из которых её и вывел голос Тиши.

Очнувшаяся Анни натужно улыбается Тише и говорит ему. – А знаешь, я, пожалуй, так и поступлю. – После чего она берёт в руки футляры, приближает их к себе, внимательно смотрит на кольца и, судя по её вспыхнувшему взгляду, её озаряет идея. Вслед за этим она выскальзывает из под одеяла, разворачивается к Тише лицом к лицу и пристально смотрит ему в глаза. Затем приближается к нему близко, близко, почти касаясь краем носа его носа, и закидывает ему за плечи свои руки.

– А теперь полное внимание ко мне. – Сказала Анни Тише, который не против такого предложения и готов полностью внимать. Правда, тем временем, он, несмотря на заявленную готовность: «Я готов!», – не может не отвлечься на руки Анни, которые что-то там за его спиной делают.

– Можете сильно за себя не беспокоиться. Могу вас заверить, вы находитесь в надёжных руках. – Сказала Анни и не успел Тиша ей что-то сказать в ответ, как она яростно впишись в него губами, утопила его сознание на весь этот поцелуй, который длился как минимум бесконечность, что в приблизительных цифрах значит, сколько себя не помнит, а в более реальных соответствиях, не знает. О чём Тише, будь он более благоразумным, то есть менее влюблённым малым, следовало бы более основательно подумать, тем более при такого рода взаимоотношениях, всегда существует опасность проспать на работу. Но Тиша даже не собирался прислушиваться к голосу разума, аргументируя всё тем, что он в поезде на работу, если что, выспится.

Но пока такие вопросы кажутся излишними в медовый месяц, где вопросы из обихода общения и из меню просто исключены. Ну а то, что влюблённые время от времени, с минуту на минуту, обращаются друг к другу с одним и тем же вопросом: «Ты меня любишь?», – то это и не вопрос вовсе, а так, всего лишь своя прелюдия к какому-нибудь только им известному продолжению своих отношений.

Хотя всё же Тиша один раз себе позволил небольшое отступление от этих строгих правил этикета влюблённых, спросив Анни о влиянии на неё обручальных колечек, что даже ослеплённого любовью Тишей стало подмечаться.

– Не пори чушь. – Неожиданно зло ответила Анни, приведя Тишу в умственную прострацию – он даже себе представить не мог, что она умеет злиться, а тут такое. Анни же быстро спохватившись, быстро вымаливает прощение у Тиши. Что разве сложно сделать при его-то к ней отношении. Но и забыть почему-то эту её вспышку и косвенную причину её возникновения Тиша так и не смог.

Правда считать, что её перепады настроения связаны с этим её суеверием, тоже есть своего рода суеверие, и слишком уж лёгкое объяснение для распада такого сложного структурного объекта, практически единого организма под названием «Они», который строился не только на одной единой платформе единодушия, но и включал в себе божественное предназначение со своей любовью, а это такой полноценный ингредиент, что в нём недостающих для объяснения этого мира элементов не обнаружишь. Но этого для них уже не неожиданно хватило, и после молчаливого друг к другу периода отношений, где каждый счёл больше ничем теперь со своим партнёром (а как они смеялись, прочитав это прилизанное, размытое глобалистами обозначение сегодняшних пар, под которое можно было записать кого им будет только угодно) не делиться, а в особенности словами, они так и не делясь своими дальнейшими планами на будущее, исчезли из поля зрения друг друга. И это касалось в первую очередь Анни, в один из самых, само собой ненастных дней, съехавшую от Тиши в неизвестном ему направлении.

– Наверное, так будет лучше. – Сказал то, что и должен был сказать в таком случае, призванный объяснить сложившуюся ситуацию, а на самом деле, своим присутствием на первых порах смирить одинокую действительность Тиши, его друг Глеб.

– Ты так думаешь? – ответно, как и должно, в таких, самых обычных, с кардинальным уклоном случаях расхождения мнений между супругами, выразил сомнение Тиша. На что следует свой логичный ответ от Глеба: «На, бери и рассказывай». И Тиша сегодня ни в чём не может отказать другу Глебу, взяв протянутую им бутылку пива. После чего он не отказывает ему ещё ни раз, а когда все эти предложения заканчиваются в холодильнике Тиши, то они отправляются туда, где можно обстоятельно ни в чём себе не отказывать. Что, собственно, в конечном счёте и привело Глеба пока не ясно куда, а Тишу вначале под кровать, а сейчас на кухню, где перед его глазами стояли эти два футляра, кем, и не понятно с какой целью вытащенные на свет.

Но, наверное, пока не заглянешь внутрь этих коробочек, так и не поймёшь мотивы того таинственного человека, который так умело озадачил и привёл к полнейшей растерянности Тишу. Правда Тиша со своей стороны не желает быть в чьих-то неизвестных руках послушным орудием, – а тот, кто приготовил для него это загадку, определённо рассчитывал на его любопытство, с которым он полезет открывать футляры, – и поэтому он не спешит тянуть свои руки к футлярам, а делает обзор всего стола, на котором кроме этих футляров могут находиться какие-нибудь подсказки. И этот подход не подвёл Тишу, позволив ему заметить на самом краю стола, чуть ли не свешивающую с него, полностью выжатую пластинку из-под каких-то лекарств – её видимо хотели смести со стола, но она из-за не слишком добросовестного подхода к своим спешным действиям того таинственного загадчика, всё же удержалась сверху стола.

При этом Тише и брать в руки эту пустую пластину в руки не надо, чтобы узнать какого рода лекарства она ранее в себе содержала, он уже догадался, что это то, что его больной голове сейчас для успокоения, как раз и требуется.

Теперь же Тиша, поняв до чего же коварен тот загадочный тип, разозлился в серьёз, и он переводит свой взгляд на футляры и больше не думая, открывает вначале красный футляр – он стоял с более удобной стороны к его рабочей, правой руке.

– Что это ещё? – спросил себя озадаченный Тиша, вытаскивая из футляра бумажный свёрток в виде маленького конвертика. После чего Тиша разворачивает этот свёрток и со всё тем же вопросом удивления, кладёт его на стол. Затем непонимающе смотрит на содержимое конверта, – щепотку белого порошка, – и так до тех пор, пока в его поле зрения не попадает та лежащая на краю стола, пустая пластина из под лекарств. Что наводит его на некую мысль, с которой тут же он открывает второй футляр. Ну, а там внутри, точно такой же бумажный свёрток, внутри которого, точно такой же, по крайней мере с виду, порошок.

И этот порошок, как выясняется Тишей при ближайшем рассмотрении, не есть его первоначальное физическое состояние, а он был получен в результате того, что в него растолкли что-то прежде твёрдое. И Тиша даже не сомневается в том, что послужило сырьём для получения этого порошка. Но вот зачем всё это делать, и чему служат все эти манипуляции с таблетками (а это именно были обезболивающие таблетки, растолчённые в порошок), то это для Тиши полная загадка.

– Нет уж. Методом пробы я не собираюсь искать ответы на свои вопросы. – Как-то горько усмехнулся Тиша, глядя на эти лежащие на столе свёртки. Затем поднимает вверх свои глаза и вдруг на настенном, висящем прямо перед ним кухонном шкафу, натыкается на прилепленный к нему бумажный стикер. Конечно, то, что написано на нём, можно прочитать, не снимая с дверки, но почему-то всё на нём написанное расплывается в воспалённых глазах Тиши, и он решает, что будет лучше, если он на них посмотрит, когда они окажутся у него в руках. И Тиша быстро срывает стикер с дверки шкафа, затем присаживается на край обеденного стола и начинает читать написанное на стикере.

«Ты всегда говорил, что именно вера определяет человеческий выбор и единственно реализует его. Так сделай его. Ведь я верю в тебя», – прочитал Тиша написанное.– Это какая-то глупость. – Усмехнулся Тиша, тем не менее, в глубине себя чувствуя, что это далеко не так. И при этом главное, что подтачивало все его уверенности на серьёзность, была надежда (о чём он боится признаться даже самому себе) на то, что именно Анни, так зло с ним пошутила. И что она таким, пока не находящим разумных объяснений способом, хочет его подвести …А вот к чему, то это тоже для Тиши находится вне пределов его понимания. – Да и вообще, с чего это ты взял, что это писала она?! – Тиша через нервный крик попытался оспорить все эти предположения у самого себя. Но уже поздно, он понимает, что только отсутствие убедительных аргументов, вынуждает оппонента переходить на крик. А это значит, что всё то, что

в Тише придерживалось взглядов надежды на пропажу Анни, начало в нём одерживать вверх. И Тиша чтобы окончательно одержать победу в этом споре, утверждающе заявляет:

– А кто же ещё!

И хотя кроме голословных утверждений, никаких более убедительных доказательств предоставлено не было, – а подчерк на стикере, в виду его написания печатными буквами (почему писавший решил дополнить свой текст ещё этой загадкой, то для Тиши это не представлялось сложным разгадать – здесь существовала прямая взаимосвязь между смыслом послания и писавшим его человеком, с его, без ссылок на авторитет своего имени, верой в Тишу), без каллиграфической экспертизы в данный момент не подходил, – этого было достаточно для Тиши, чтобы немедленно, но только опять же по-своему (видимо у Тиши было что-то от Фомы неверующего, раз он не полностью уверовал в своё верование, что за загадчиком стояла Анни), приступить к доказательству веры в себя.

– Выбор есть выбор, а не та предсказуемость, на которую всегда рассчитывает тот, кто готовит эти загадки. Я знаю, что от меня ждёт этот хитрец. – Улыбнулся Тиша. – Смотри, себя не обхитри. – Предупреждающе сказал невидимому наблюдателю Тиша, затем вначале взял один пакетик с порошком, принюхался, затем он его убирает, а на его место перемещает второй пакетик. С ним проделывается точно такая же нюхательная операция. После чего он кладётся на стол, а Тиша ещё раз бросает взгляд на пустую упаковку из под таблеток, таинственно улыбается, и на этот раз берёт один пакетик с порошком и пересыпает его в другой.

– Что? Такого варианта не учёл. Ничего, я не боюсь. А вот ты бойся. Того, чтобы составы веществ не нейтрализовали себя, создав новую реальность. – Усмехается в сторону всё того же невидимого наблюдателя Тиша, затем берёт пустой стакан, наполняет его водой, поднимает со стола пакетик с порошком и без какого-либо промедления высыпает его содержимое в рот и всё запивает водой из стакана. После чего Тиша с грохотом ставит на половину выпитый стакан на стол, отчего он даже слегка разливается, а сам, подняв с пола упавший стул, садится на него и созерцательно смотрит на раскрытые футляры.

При этом Тиша мысленно пытается прочувствовать, в какой стадии всасывания сейчас находится поглощённое им вещество. И хотя всё то, что себе сейчас надумал и вслед за этим, как бы ощутил Тиша, по своей сути были его домыслами, всё же это его достаточно сильно увлекло. А наблюдаемые им, несущие в себе определённый смысловой подтекст футляры, тем временем оказывали на него своё воздействие, генерируя все его мысли в свою специфическую сторону.

– Что, хочешь сказать, что всё то, что сейчас со мной происходит, иллюзия! – улыбнулся Тиша, глядя на синий футляр.

– Ха-ха. А вот твоя напарница, мне говорит совершенно обратное. И кому спрашивается, из вас верить? – Рассмеялся Тиша, и было собрался …Чего уже не важно, так как неожиданно и главное резко, прозвучавший звонок в дверь, выбивает практически все мысли из головы Тиши. Хотя нет, одна всё-таки осталась. И он, вздрогнув, с этой последней мыслью: «Началось!», – осторожно поднимается со стула, чтобы пойти открыть входную дверь.

Глава 2
Дорожная

Существует обиходная, настоянная на себялюбии искренность, с которой подходят или вернее будет сказать, с которой смотрят на себя люди, считая, что все их не любят, а то, что они безобразно себя ведут, то это дело не только десятое и второстепенное, но и есть следствие всей этой нелюбви. А так бы они себя даже очень с хорошей стороны себя показали, только дай повод. В общем, так и просят за этих людей их поступки называть их поводливыми, то есть людьми реакцией.

И, наверное, в число этих людей входил и отличный товарищ и друг Тиши Глеб, который и оказался на пороге дома Тиши, когда тот с такой уверенностью на своё что-то придуманное, отреагировал: Началось.

– А, это ты. – С некоторым разочарованием сказал Тиша, обнаружив за дверьми Глеба, а не какого-нибудь мифического агента Смита, который вдруг немедленно прознал об экспериментах с таблетками Тиши, и тут же решил навестить его, чтобы засунуть в него какое-нибудь следящее устройство. Но вместо него, к некоторому сердечному облегчению Тиши, на пороге оказался Глеб, и Тиша даже слегка разочаровался – так всегда бывает, когда ожидаемое не сходится с реальным.

– А ты кого ждал? – удивился и слегка озлился тронутый таким предпочтением себя незнамо кому Глеб, употребив такой (вполне точный, если посмотреть со стороны на Тишу) эпитет в именовании Тиши. И если бы Глеб не был таким прозорливым человеком, то бы не понял, какую он оплошность вдруг допустил, – Тиша скорей всего, ещё разрывается от сердечных болей, и питает надежду на возвращение Анни, – а поняв, быстро исправляется. – Ладно, извини друг, что это я пришёл. – Что ещё больше запутывает понимание Тиши насчёт того, за место кого пришёл Глеб в таком случае. Но как оказывается, на этом его затруднения в понимании происходящего не заканчиваются, так как Глеб огорошивает его заявлением о его полной готовности.

– К чему? – не скрывая своего удивления, задаётся вопросом Тиша.

– Как это к чему? – теперь уже удивляется Глеб. – К тому, на чём ты вчера так настаивал и ради чего я спозаранку, несмотря на все мои шатания и боли в голове, поднялся и купил нам билеты на дневной поезд. – Заявил Глеб. На что Тиша вот так сразу не бросается его опровергать своим вчерашним невменяемым состоянием, которое одно уже подразумевает не обращать на него большого внимания, правда при этом Тиша также вспоминает, что и Глеб не далеко от него ушёл в своей здравости мысли, – а лучше бы далеко ушёл и тогда бы не случилось всех этих недоразумений, – а пытается для начала вспомнить, что же такое он там вчера придумал. А вот это почему-то, даже при наличии косвенных подсказок со стороны заявлений Глеба о покупке билетов на поезд, ни к чему не приводят.

– Мы едем её искать. – Вдруг сказал Глеб, не дожидаясь пока Тиша там себе что-то в голове сломает. И сейчас-то Тиша всё и вспомнил, как он с кулаками наготове настаивал на том, чтобы Глеб, как первейший друг, оказал ему помощь в деле мордобития.

– Кого? – налившись кровью, озадачил этим вопросом Глеб Тишу и, недолго думая, что говорит о том, какое большое значение он придаёт их дружбе, сразу схватил за ворот рубахи непонравившегося ему типа за соседним столом, который смел в его присутствии одаривать своими пошлыми взглядами понравившуюся Глебу девчонку.

– Да не его. – Своим ответом Тиша неимоверно сильно расстроил Глеба и на время обрадовал того облившегося потом типа. И если насчёт этого типа можно сильно не переживать, Глеб предупредил его о том, что всему своё время, то вот насчёт упомянутого Тишей некого капитана чёрная борода Дрейка, который стал тем мерилом ценностей для Анни, на которые она повелась, то тут Глеб выразил сомнения: А где мы его найдём?

– Где надо. Там и найдём! – яростно заявил Тиша, с тем же волнением для окружающих ударив по столу кулаком. Ну а такая неумолимость в принятии решений, кого хочешь, подвинет на подвиг. Ну а такого яростного защитника семейных ценностей, каким был Глеб, тем более. Правда, он не совсем понял, к чему все эти мистификации со стороны Тиши, употребляющего в обозначении всяких гадов каких-то чёрнобородых пиратов, но потом он обратил внимание на всё того же прилипчивого к его девушке типа, с как выясняется, модной бородкой, и теперь понял-таки, что имел в виду Тиша. – Я ему его козлиную бороду вырву с корнями. – Свирепо посмотрел на этого бородатого типа Глеб и тот всё понял, обмакнув напоследок бородку в бокал с шампанским.

Но всё это дела вчерашних дней, а сейчас в руках Глеба находятся билеты на поезд и, Тише, несмотря даже на не хочу, следует поторапливаться, а иначе Глеб предположит, что он струсил.

– Знаешь, – натягивая на себя джинсы, обратился к развалившемуся в кресле Глебу Тиша, – вчера я был более уверенным в себе. А вот сегодня, я даже не представляю себе, где её искать и имеет ли вообще смысл это делать. – Остановившись на полпути в одной штанине, с надеждой, правда, непонятно на что, посмотрел на Глеба Тиша. Но Глеб даже если он понимает все эти сомнения Тиши, всё равно не собирается отступать от задуманного – вот такой он инерционный человек.

– Ничего. Сейчас в поезде встряхнёшься и всё себе, что нужно представишь. А до чего не хватит разумения, то тогда я на что. – Усмехнулся Глеб, открывая жестяную банку воды, которая очень для него кстати завалялась в глубине Тишиного холодильника.

– Это понятно. Но дело в том, что я никогда не выезжал из нашего города. – Сказал Тиша.

– Во как? – удивился Глеб, больше склоняясь к тому, чтобы не поверить в этом Тише.

– Можешь верить, а можешь, нет, а это так. – Резко заявил Тиша, почувствовав, что Глеб только для виду удивился, а на самом деле он ни одному его слову не поверил. – Я предпочитаю жить в тени больших городов, что по своему расположению, вполне подходит для нашего городка. Где ты вроде бы живёшь практически в самом мегаполисе и в тоже время, обособленно от него. А такая близость проживания, как раз и делает неосуществимым сокращение на свой минимум, расстояния от ассоциированного с городком самого себя, до центра всех городов, большого города. И я боюсь, что если я пересеку этот рубеж, то тогда большой город, со своими проблемами войдёт в мою жизнь, и для меня навсегда потеряется некая аура автономности моего существования здесь. – Тиша перевёл дух. – Да и к тому же, я боюсь, что сам быстрее потеряюсь, чем там кого-то смогу отыскать. – Сказал Тиша, продолжая настаивать на одной штанине.

– А вот это брат нехорошо. Особенно всего бояться, – Поднявшись на ноги и, подойдя вплотную к Тише, сказал Глеб, – и так провоцировать даму своего сердца на скуку. Неудивительно, что она убежала от тебя в большой город, где одни только огни освещения и реклам, стоят того, чтобы на них посмотреть пока молодая. А ты, из-за своих эгоистических побуждений, а может и того больше, неуверенности в себе, взял и запер её в четырёх стенах нашего захолустья, где и показать себя некому. – Глеб, насладившись произведённым эффектом на Тишу, который от изумления выпустил штаны, и они упали вниз на пол, вернулся обратно на кресло и принялся за наполнение себя водой из банки. Тиша же собрался с мыслями, для начала взялся за штаны, а как надел их взялся за Глеба.

– Я тебя понял. – Обратился к Глебу Тиша. – И куда поедем в первую очередь?

– Куда скажешь, туда и поедем. – Дал свой ответ Глеб.

– Значит на Уолл-Стрит. – Немало удивил своим ответом Тиша Глеба, но тот не стал выяснять у Тиши, что тот имел в виду под этим именованием своих мысленных объектов. А всё потому, что у Глеба из его рук до сих пор ещё не выветрилась память о чёрной бородке того типа, который оказался слишком невразумительным типом и его пришлось долго учить уму разуму на задворках ресторана. Из-за чего Глебу впоследствии пришлось разминуться с Тишей и даже с причиной возникших разногласий с этим типом, миловидной девушкой, которая оказалась слишком нетерпеливой и не стала ждать, когда справедливость восторжествует, покинув заведение до прихода в него Глеба. Правда окровавленный вид Глеба, как минимум не способствовал проведению в жизнь его замыслов, а охраной и вовсе посчитался недопустимым. И он ими, недолго думая, – а надо бы, хотя бы ради обслуживающего их стол официанта, который из-за неоплаченного заказа остался с разбитым сердцем и планами, – был тут же выпровожен за двери ресторана и отправлен самим собой домой.

– Там отыщем того негодяя. А вслед и Анни. – Сказал Тиша, закидывая сумку на плечо. Ну а Глеб, так сказать, не обременён большими нагрузками, у него с собой только его, как он считал, безмерно привлекающая внимание (в каком качестве, он не счёл нужным уточнять, мол, кто видел, тот всё понял и без слов) внешность и он, похлопав себя по карманам пиджака, убедившись, что всё на месте, выдвинулся вслед за Тишей на выход. После чего они, используя общественный транспорт, – надо продышаться и привыкнуть к скоплениям людей, которые вскоре их будут со всех сторон теснить, – добрались до вокзала, где ровно по расписанию, забрались в поданный для посадки вагон.

– Мне необходимо поспать. – Тиша довольно умело аргументировал занятие собой предпочтительного места у окна, куда он, не дав Глебу времени как-то сообразить и воспрепятствовать его эгоистичным действиям, быстро прибился и, натянув на глаза бейсболку, тем самым зафиксировал себя в качестве до смерти скучного собеседника, и безусловно наглеца. И будь на месте Тиши кто другой, то Глеб скорей всего не стерпел бы таких вызовов своей природе человека любопытствующего, которому жизненно необходимо наполняться знаниями и значит место у окна, по факту наличия в нём этих желаний уже его, и так натянул бы эту бейсболку незнакомому типу у окна, что тому бы в итоге пришлось вызывать спасателей, чтобы извлечь его голову оттуда.

Но раз пока на месте Тиши он сам и, благодаря этому вовсю использует его дружеские отношения в личных целях, то Глебу ничего не остаётся, как сидеть с краю и искать утешения для себя на стороне, то есть среди временных попутчиков по жизни, пассажиров этого вагона, коим довелось в одно с Глебом время, в одном месте встретиться, и главное, в одном и том же направлении следовать ближайшие два часа.

– А это говорит о многом. – Здраво рассудил Глеб, обводя взглядом рассаживающихся по своим местам пассажиров. – Как минимум о том, что наши мысли направлены в одну и ту же сторону. А такое единодушие, чем не повод для знакомства. – Сделал вывод Глеб, заметив появление в вагоне, все руки в сумках, с огромной на голове, закрывающей лицо шляпой, а на плече что-то объёмное, похожее на мольберт, что косвенно подтверждают выглядывающие деревянные ножки, молодую особу точно, но красивую или уродину пока не ясно, которая грозила вставшим на её пути головам проверкой их на прочность.

– Надо ей помочь. – Было подумал Глеб, как уже среди пассажиров нашёлся свой до чего же наглый помощник, который, не дожидаясь когда по его макушке съездит одна из сумок этой девушки, предусмотрительно предложил ей свои услуги грузчика и, умело перехватив сумки из её рук, всё так ловко для себя, – её сумки на полку, а саму девушку рядом с собой, – устроил, что Глебу только и оставалось, как диву даваться. А ведь быть может, что соседям это бесцеремонного типа по купе, да тому же хлипкому и тухлому с виду сморчку в очках («Наверное, бухгалтер какой-то, – подумал Глеб»), не желается разделять своё общество с этой милой с виду дамой, приятной во всех, опять же с виду отношениях. – О чём это я. – Усмехнулся Глеб, поняв, что слишком увлёкся осуждением того дерзкого типа.

– Вот же ловкач. – Вздохнул про себя Глеб, после чего посчитав, что здесь в этом вагоне действует какая-то странная тормозящая его сознание среда, решил отвлечься на чтение, для чего им была заблаговременно приобретена кое-какая пресса. Куда он и углубился всем собой, чтобы таким образом миновать пределы воздействия на своё сознание этой заточенной на замкнутость среды.

Тем временем Тиша, по разумению Глеба, да и по-своему тоже, должен был уже вовсю, если не спать, то предаваться дрёмам, к чему он, в общем-то, и стремился, но всего это с ним не случилось, и всё потому, что всегда найдётся что-то или кто-то, кто по собственному разумению смотрит на этот мир, и в нём совершенно нет места для вашего покоя. Иными словами, этот кто-то, всё делает для того, чтобы вы не уснули. И это даже не тот тип, сидящий напротив, на обращённом к вам лицом ряду кресел, который как только сел на своё место всё

не умолкает, болтая с кем-то по телефону (и откуда у него столько денег на телефоне и столько слов в голове помещается), – к этой монотонности уже выработалась привычка, – а вот-то, что чей-то слишком длинный нос, своим неимоверным соизмерением не даёт вам себя комфортно, да что там эта комфортность, когда он просто не даёт спокойно чувствовать некоторым людям (и вы уже поняли кому), на которых направлен этот на них указующий перст, то с этим не так уж легко смириться.

И хотя данное обстоятельство объяснения ёрзающего на своём месте поведения Тиши, который не то чтобы уснуть не мог, а чувствовал себя достаточно тревожно, и всё по вине этого направленного в его сторону огромного носа, который возродился вместе с неким типом, который находясь со своим длинным носом на одной стороне, естественно не мог прочувствовать всю ту глубину его вмешательств в личную жизнь людей, на которых он был направлен, покажется не просто пустяшным аргументом, а даже некой притянутой за уши, а не за нос (ха-ха), отговоркой, всё же это не так.

– Я даже с закрытыми глазами чувствую, что он не сводит с меня своего кончика и свои ноздрями-глазами, так и пытается заглянуть в самые глубины меня. – Терзался мыслями Тиша. И ведь стоило ему на одно только мгновение приподнять голову и взглянуть на того странного типа, сидящего у окна в полном одиночестве, – из-за этого на свою беду, Тиша видимо и обратил на него своё внимание (он ещё подумал, интересно, все вокруг места заняты, а этот тип сидит в одиночестве, и чему же это он обязан такому счастью – теперь-то понятно чему), – как в тот же момент натыкался на не сводящий с него своего взгляда этого носа, за чьей длиной и глаз его носителя не было видно.

– Да что же ему от меня надо? – мгновенно прячась за бейсболкой, нервно задавался вопросом Тиша, начав перебирать в голове совершенно не связующие с этим событием вещи. – Просто это после праздничная паранойя. – После небольших умственных злоключений, Тиша всё-таки натолкнулся на вполне подходящую версию для объяснения такого внимания к себе этого носа, который до чего же настойчивый гад, даже при закрытых глазах из головы не выходит. Тогда Тиша решает повнимательней к этому типу, а не только к его носу приглядеться. Для чего Тиша вновь приподымает голову и через узкий прищур глаз, начинает рассматривать этого типа, который, что удивительно, даже отвернув свою голову в сторону окна, всё равно как будто смотрит своим носом на Тишу. И не просто смотрит, а всё примечает за ним и даже делает за ним критические замечания.

– Кого ты решил обмануть. Ха-ха. – Усмехается нос, в смехе покачиваясь вслед за вагоном. – И можешь не делать вид, что спишь, я тебя насквозь вижу и знаю, куда ты едешь, и что тебя там ждёт.

– И что? – не сдерживается и спрашивает его Тиша, открыв полностью глаза.

– То, что ты не ожидаешь увидеть. – Даёт свой туманный ответ нос. И понятно, что такой его ответ не может устроить Тишу, который нахмурившись в ответ, говорит. – Если тебе нечего сказать, то нечего было меня тревожить.

– Просто я неуверен, нужны ли тебе знания о том, что тебя там по прибытии ждёт. – Почесав себя рукой своего носителя, рассудительно сказал нос.

– Я точно не знаю. Но думаю, что не будут лишними. – Ответил Тиша, слегка успокоившись.

– Может быть и так. – Всё раздумывая о чём-то, проговорил нос. – А знаешь, я, пожалуй, тебе дам, но не сами знания, а ключ к их открытию и пониманию. – Нос сделал паузу и, сосредоточив свой взгляд на Тише, проговорил. – Когда найдёшь её, то, прежде всего обрати внимание на её руки. И ты, я думаю, знаешь, что там искать. – Последние слова носа как-то растеклись в атмосфере, отчего их Тиша плохо услышал, правда он не обратил на это своё внимание, увлечённо глядя на свои руки, на месте которых он видел руки Анни, в тот самый момент, когда она, сведя их вместе, сравнивала надетые на них кольца.

– Ну что скажешь? – спрашивает Тишу Анни, краем глаза поглядывая на него. – Какому отдать предпочтение?

– В котором душа чувствует потребность. – Сейчас ответил Тиша, наблюдая за тем, как более простое колечко, олицетворявшее горькую правду, постепенно растаяло в дымке. – Что ж, это многое что объясняет. – Сделал вывод Тиша. И на этот раз его слова не прошли безответно, и со стороны Глеба, до него донеслось его вопросительное возмущение. – Ты чего там во сне бубнишь? – Тиша вдруг вздрагивает и понимает, что бывшая реальность была не совсем реальность и, пожалуй, нос всё же не смог ему помешать уснуть, хотя и проникнул к нему в подсознание. Хотя может быть, и носа никакого не было, и Тише всё приснилось. Что необходимо срочно проверить, и Тиша, игнорируя внимание к нему Глеба, переводит свой взгляд в ту сторону, в которой по его воззрениям, находился тот тип с носом.

– На месте. – Убедившись, что тип с носом не оставил его с носом, а остался при всём своём интересе к нему и на своём месте, произнёс Тиша, и непонятно почему, облегчённо вздохнул.

– Кто на месте? – окончательно отложив газету на коленки, спросил Глеб Тишу.

– Только резко не поворачивайся. – Предусмотрительно сказал Тиша, тем самым для начала тихо предупредив Глеба об ответственности за свои резкие перемещения головой, а как только тот проявил понимание, также тихо ему говорит. – Вон там слева, через два ряда от нас, в одиночестве сидит тип у окна. – Тиша замолчал, а Глеб в свою очередь для видимости зевнул и, воспользовавшись этой маскировкой под отвлечённого собою человека, быстро посмотрел на указанного Тишей типа. После чего откинулся спиной на сидушку своего места и, стараясь не шевелить губами, прогундосил. – И что в нём особенного?

– А и вправду, а что в нём такого есть особенного? И даже выдающийся нос, это не такая уж деталь интеллекта, которая сама по себе вызывает такой интерес. – Только сейчас задавшись этим вопросом к самому себе, Тиша понял, что и сам того не знает, почему его так заинтересовал этот тип. – А может своим, только в кино про шпионов такой видел, что за удивительный кейс? – И опять только сейчас, Тиша заметил стоящий в ногах этого типа, выполненный в стиле высоких технологий кейс.

– Интересный у него кейс. – Обратил внимание Глеба на кейс Тиша.

– Пожалуй. – Подтвердил Глеб, приметив это переносное устройство в ногах незнакомца.

– Как думаешь, что он в нём везёт? – спросил Тиша, заставив тем самым призадуматься Глеба. Впрочем, ненадолго. – Наверное, что-то важное. – Сказал Глеб после небольшого раздумья. – Для него важное. – Быстро сделал весьма немаловажное уточнение Глеб.

– Это в том случае, если он хозяин кейса. А если он всего лишь его временный держатель, то всё, что находится в кейсе, представляет важность только для его получателей. – Со своей стороны сделал уточнение Тиша.

– Отчасти соглашусь. – Сказал Глеб.

– Интересно, а что такого немаловажного нет в большом городе, в котором по его определению всё есть, что его приходится везти из нашего захудалого городка? – задумчиво задался вопросом Тиша.

– Я бы с этим вопросом лучше обратился к тому прохиндею, чёрной бороде Дрейку, который сразу же нашёл для себя ответ на этот вопрос. – Не раздумывая, дал ответ Глеб и только в конце спохватился, поняв, что взболтнул лишнего. На что он попытался было пойти на попятную, но Тиша остановил его, сказав, что всё так оно и есть. – А знаешь, это навело меня на некоторые мысли. – Сказал Тиша, поглядывая на носатого типа с чемоданом, который видимо заметил, что на него обращают повышенное внимание сии господа и, всполошившись, придвинул свой кейс подальше под сиденье.

– Если предположить, что Анни из двух основных дорог ведущих в большой город, выбрала эту, – отсутствие прав и желание посвящать знакомых с машинами в суть проблем

семейной жизни, дают мне основания думать так, – то зная её ход мысли, можно, хоть и с погрешностями, а спрогнозировать последующие её шаги.

– Это в нашем захудалом в плане развлечений городке, я могу с закрытыми глазами найти любого приезжего. А вот в большом городе, это бесполезное занятие. – Сказал Глеб.

– Всё верно. Если ничего не знать об объекте своих поисков. Мы же знаем самое главное, цель и имя того, к кому направилась Анни. – С горечью в душе сказал Тиша.

– Ну, это другое дело. – Ответил Глеб. – Только я не пойму одно. Причём тут этот мужик с кейсом.

– Для аллегории. – Усмехнулся Тиша.

– Для какой? – не понял в ответ Глеб.

– Ну он, как мы сообща решили, везёт в своём кейсе из нашего городка что-то очень важное. Для себя или для кого-то, мы пока это ещё не выяснили. Но это для нас не важно, чего правда не скажешь о предмете его доставки. – Тиша остановился и, посмотрев на пытающегося уразуметь его слова Глеба, сказал. – Улавливаешь мысль. – И видимо Глеб поначалу не совсем уразумел то, о чём, кроме кейса ему говорит Тиша, но когда тот сделал такую отсылку к его уму, тот наконец-то понял, что кроме Анни, Тиша ничего более немаловажного из их городка не смог бы впихнуть в этот кейс – и понятно, что только фигурально, а не по частям, как бы того хотели представить, нетерпеливые и ищущие простых ответов люди-натуры.

– Так вот. – Продолжил Тиша. – Было бы интересно посмотреть, куда все эти господа, знатоки больших городов и отношений в них, в первую очередь ведут себя и вместе с собой привезённое ими из маленьких городов, для них всего лишь немаловажное, а для кого-то может бесценное. – Сквозь зубы проговорил Тиша, и Глебу на этот раз не надо объяснять, что имел в виду Тиша. Так что Глеб вполне готов поймать по выходу из поезда этого типа с кейсом и разбить об его голову этот предмет его интерьера. Правда Тиша новым своим вмешательством не даёт развиться этим отношениям Глеба с этим типом и даёт шанс этому типу с кейсом на здоровый вид лица. – Я думаю, – говорит Тиша, – что спешка это последнее, к чему нам нужно прибегать. И для начала, было бы неплохо адаптироваться к большому городу. В чём нам этот тип и поможет.

– Ты так думаешь? – выразил неуверенность Глеб.

– Стараюсь не пренебрегать всеми вариантами. – Ответил Тиша.

– Ладно. – Согласился Глеб, переведя своё внимание на ту молодую особу с мольбертом – что-то она уж слишком внимательна ко всё тому же типу к кейсом, а это наводит на некоторые грустные мысли – без кейса в руках ты малопривлекателен.

– Бывает же такое. – Горько усмехнулся про себя Глеб и хотел было уже оставить эту потускневшую в его глазах особу, как вдруг заметил, что она уж больно быстро сблизилась с тем ловким типом, который ей помог с сумками и рядом с собой присесть – она ему что-то время от времени, не поворачивая к нему своего лица, говорила, а он с непроницаемым выражением очень внимательно её слушал. – А так незнакомые друг с другом люди себя не ведут. – Сделал вывод Глеб, для которого все эти уловки влюблённых пар, на раз разгадываются. – Но какое им дело до этого типа с кейсом? – озадачился вопросом Глеб, искренне не понимая зачем.

– Раз решили за чьей-то супружеской спиной так изобретательно по обманывать её, то зачем за зря время тратить на все эти отвлечения? Хотя может быть, это какой-нибудь дальний родственник супруга этой дамы или супруги этого молодчика, который судя по его длинному носу, любит его совать в чужие дела, а это значит, что осторожность не помешает. – А вот это своё объяснение всем этим поступкам гуляющим на стороне неверным супругам, Глебу показалось куда как обстоятельным. С чем он себя поздравил, ещё раз посмотрел на эту парочку, неверную своим клятвам на алтаре, затем бросил взгляд на этого длинноносого типа, в каждой дырке затычка, пробежался общим взглядом по рядам и с удивлением обратился к Тише. – Слушай, а у нас что, какой-то сегодня праздник с маскарадным уклоном?

– С чего это ты взял? – в свою очередь удивился Тиша.

– Да ты сам посмотри. – Сказал Глеб, кивая куда-то туда, в сторону от себя. Тиша же в свою очередь смотрит вперёд перед собой в пассажирское пространство вагона, где и вправду, некоторые из пассажиров, совсем не по погоде и не по местному историческому времени одеты. Особенно одна представительного вида компания, со своими костюмами тройками, с цепочками в жилетках и натянутыми на глаза мужчин гангстерскими шляпами, занимающих оба трёхместных сидячих ряда в одном купейном блоке, привлекла внимание Тиши. При этом Тишу увлёк не сам их внешний вид, а их необычное поведение.

Так кто-то один из них, через только им известный промежуток времени, по тому же очередному принципу, доставал из кармашка своей жилетки часы на цепочке, обстоятельно открывал крышку, смотрел на часы, а затем что-то (с Тишиного места ничего нельзя было разобрать) всем говорил. После чего кто-то следующий из этой компании, доставал уже свои часы, так же обстоятельно смотрел на свои часы, затем смирялся взглядом со своим предшественником, и, захлопнув практически одновременно с ним часы, убирал их, чтобы начать бодрствовать, тогда как предшественник, присоединялся к остальным, начав только для виду дремать.

– Кого хотите обмануть. Я-то прекрасно вижу, что вы притворяетесь и сквозь прищур глаз поглядываете по сторонам. – Решил Тиша, что его не провести на такой хитроумный фокус. Правда на чём основывались его эти утверждения трудно сказать, да и с чего он взял, что такая сверка часов имеет системный характер. Ведь судя по презентабельному виду этих граждан и даже господ, то они и часы у себя держат в карманах не простые, а всё известных швейцарских марок. Ну а то, что некоторые из них, таким демонстративным способом, через сверку часов подвергали сомнению их ход, то это только видимая часть правда, когда другая, что ни на есть истинная правда, говорит о том, что некоторые из этих господ, ещё не повзрослели, и им не даёт покоя желание поделиться с окружающим миром своим хвастовством.

– Любопытно. – Произнёс Тиша, заметив, что проявляющий бодрость господин, к тому же имеющий и другие отличительные характеристики, как зачесанные назад волосы и чёрные усы, проявляет повышенную внимательность ко всё тому же человеку с кейсом и длинным носом – на что обращать внимание, зависит от умственных предпочтений наблюдателя. Правда дальше его любопытство не пошло, а всё по причине появления в вагоне человека наполненного громким предложениями, которые не только самые эксклюзивные и предлагаются по самой сходной цене, но и каждый человек, а что уж говорить об искателе приключений, впервые попадающий в этот главный город на свете, да практически мироздания, просто обязан познакомиться с его главными культурными объектами и достопримечательностями. И всё это ждёт необременённого заботами пассажира по прибытию на конечную станцию, прямо не отходя далеко от вагона.

– Заинтересовались? – спросил Тишу этот вноситель культуры в массы, неожиданно оказавшись в пределах их купе.

– Не успел. – Только и сообразил, что ответить застаный врасплох Тиша.

– Тогда смею предложить брошюрку. – Чуть ли не вставляя брошюру в руки Тиши, сказал этот энтузиаст от культуры и был таков, скрывшись за дверьми ведущих в тамбур.

– Без определённого нажима на потенциального носителя культуры, нынче, да и всегда, было нельзя. – Забирая у Тиши брошюру, сказал Глеб. После чего Глеб под внимательным взглядом Тиши перелистывает брошюру и, убедившись, что она перелистана полностью, – он её по переворачивал в обе стороны, – и сказав: «Не заинтересовал», – протянув брошюру Тише, собрался было её ему вернуть, как вдруг, к его полной неожиданности, в ход его действий вмешивается вышедший из своего фонового присутствия, тот больно разговорчивый человек с телефоном.

Правда предпосылки для его вмешательства ещё ранее возникли, и их только один Глеб пропустил мимо себя, тогда как Тиша, краем своего взгляда прекрасно видел, как этот человек

впал в затруднение, после того как достал из кармана ручку, и все его последующие поиски свободной рукой по карманам, так ни к чему и не привели. Что приводит этого человека вначале к тому, чтобы сказать своему собеседнику: «Сейчас подожди», – а вслед за этим к обращению к Глебу. Где он, отталкиваясь на некоторые отличительные знания человека, не стал у Глеба что-либо просить, а в частности эту брошюру, а протянув ему свою весьма запоминающуюся ручку, – она была выполнена в двух тонах, чёрном с золотым обрамлением, где её крепление было инструктировано драгоценными камнями, а с торца, на колпачке ручки, была нанесена гравировка в виде амперсанда «&»,– обратился к нему:

– Не сочтёте за дерзость, если я вас попрошу записать адрес на бумаге, а то у меня память никакая, а записать не на чем.

Ну а Глеб всегда готов прийти на выручку нуждающемуся в помощи человеку, тем более отказать себе подержать в руках такую драгоценность, совершенно не представляется возможным сделать. И Глеб берёт протянутую ручку, которая оказывается куда как тяжелее, чем он представлял. А с этим прямо-таки необходимо поделиться с Тишей, чья физиономия, явно завидуя ему, не выражает радости, а вот упрёк даже очень.

– Что-то не так? – физиогномически спрашивает его Глеб.

– А всё не так. И главное то, что брошюру возможно надо вернуть, а ты тут на ней будешь черкать, а затем, наверное, ещё и рвать. – Одними нахмуренными бровями указал на поспешность действий Глеба Тиша. И, пожалуй, с этим Глеб, пока не придумал другого выхода, вынужден согласиться, что ведёт его к заминке. Правда и со стороны незнакомца с телефоном, вышло незапланированное им затруднение, и всё по вине его не сговорчивого собеседника, который, судя по тому, как себя непредсказуемо ведёт, однозначно был собеседницей. А уж с ними надо ухо держать востро, а иначе они быстро всё передумают и мгновенно изменят ход своей мысли в другую сторону. Чего скорей всего и не учёл этот незнакомец, чьёго промедления в записи ею продиктованного адреса для встречи, хватило ей для понимания недостойного её, проявления упорства со стороны этого медлительного претендента на её внимание – а то, что он битый час заговаривал ей уши и так сказать, тратился на связь и воду, чтобы смачивать ею по иссохшее горло, то это для неё ничего не значит.

– Я же сказал, что пишу. – Откинувшись к себе на спинку стула, побледневшим лицом и голосом проговорил в трубку незнакомец. – Как это понимать, ты передумала? – А вот это с его стороны было лишним. И это поняли все без исключения находящиеся на соседних с ним пассажирских местах пассажиры, так сказать невольные свидетели окончания этого разговора, который после этих невыносимо самоуверенных в своей наглости слов незнакомца, тут же был в одностороннем порядке прекращён.

– Вот всегда она так. – Так грустно сказал это незнакомец, с недоумением посмотрев на трубку замолчавшего телефона, что сидящим вокруг пассажирам вдруг стало как-то неловко за эту прохвостку из телефона, которая совершенно своего счастья не видит, так жестоко ограничивая свой разговор с этим вполне себя нормальным …И, кажется, очень знакомым для Тиши, и почему-то и для Глеба человеком. Который между тем, не даёт Тише и Глебу переглянуться, и зафиксировать этот факт знакомости, а так сказать форсирует события, начав что-то искать у себя в карманах пиджака, поочерёдно оттуда вытаскивая различного рода интересные вещи, среди которых к огромному удивлению Тиши и Глеба, оказывается и маленький блокнотик.

Правда Тиша и Глеб не успевают должным образом сделать оценку этому факту, как вдруг незнакомец вместе с рукой случайно вытаскивает из кармана зацепившуюся монетку, которая в тот же момент срывается и ожидаемо летит подальше прочь от своего хозяина, под сиденье, где сидел Тиша. И Тиша даже и подумать ни о чём не успел, а уже рефлекторно полез под сиденье за монетой. Чего не скажешь о Глебе и о кажущемся незнакомце, который в тот же момент резко приблизился к Глебу и что-то ему прошептал на ухо. Когда же Тиша физически, а рядом сидящие пассажиры зрительно, выбрались из под лавки, то их ждал полный благодар-

ности взгляд незнакомца. И было за что. Ведь выскользнувшая из его кармана монета, была не просто миллионного тиража монета, цена которой одна копейка, а это была серебряная, достоинства средневекового талера монета, а ей цена, уже как минимум две серебряные копейки.

– Интересная монета. – Сказал Тиша, позволив себе как спасителю, покрутить монету в руке и по изучать её, уже где-то им виденное изображение этого гербового орла на монете.

– Для своего времени, самая обычная. – Сказал незнакомец, протягивая руку.

– А хотите знать, как она упала? – вдруг спросил Тиша незнакомца, протянув ему спрятанную в ладоши руки монету.

– Я не всегда полагаюсь на удачу. Да и к тому же, я знаю. – Загадочно сказал, улыбнувшись незнакомец, тем же незаметным способом приняв монету у Тиши. После чего он убирает монету себе в карман, смотрит на не сводящих с него своего взгляда Тишу и Глеба, что требует от него хоть каких действий и он ничего другого не придумав, спрашивает их. – Вы знаете, что такое перцептивная слепота или по-простому слепота невнимания? – Правда незнакомец об этом у них спросил лишь для затравки своего разговора. И поэтому он не стал дожидаться, когда его оппоненты обратятся к своей памяти, в которой может быть и места нет всем этим знаниям, и продолжил говорить. – Это всего лишь психологическая неспособность обращать внимание на какой-либо объект, которой вовсю пользуются иллюзионисты в своих представлениях. Они используют какой-нибудь заметный раздражитель, который отвлекая ваше внимание от основного действия, тем самым позволяет иллюзионистам проводить фокус. Вот, например, тот тип у окна, который так живо привлёк ваше внимание своим кейсом. – А вот этим своим заявлением, незнакомец довольно сильно удивил Тишу – он почему-то не предполагал, что их разговор с Глебом окажется доступен и для других ушей.

Но с претензиями на вмешательство в чужие дела, можно повременить, пока не будет узнана цель нахождения этого незнакомца здесь. А то, что он не случайно здесь оказался, у Тиши не вызывает никого сомнения. И если он вспомнит, где он его мог раньше видеть, то это очень даже поможет делу. Правда, если ты сразу не вспомнил, то пока для этого вновь не будут соблюдаться те специальные условия, или хотя дальний намёк на них, в которых произошло всё то, что ты забыл, то и стараться для этого нет большого смысла. Да и у Тиши, в общем-то, времени на это, как оказывается, нет. А всё потому, что цепь последующих событий захватывает его, и не даёт ему на чём-то одном остановить своё внимание.

Так первое, что захватывает общее внимание, так это прозвучавший звуковой сигнал оповещения прихода СМС сообщения. Что, конечно, не такое из ряда вон событие, но когда оно прямо сейчас касается телефона этого, всей душой за него переживают пассажиры, незнакомца, который так отчитался перед своим хозяином о приходе этой новости, то это незамедлительно вызвало брожение умов всего окружения незнакомца, из памяти которых ещё не выветрилось всё то вероломство, с которым отнеслась к нему та незнакомая для всех, но не для него, собеседница.

Ну а то, что это могло бы быть какое-нибудь информационное оповещение, то эту версию источника происхождения СМС, тут же все до единого опровергли, как не имеющую никаких должных оснований для своего существования, когда им всем крайне хочется знать о том, как эта вертихвостка наконец-то пожалела о своём поступке и, слёзно смачивая экран своего смартфона, принялась умолять простить его в своём СМС письме.

– Неужели, одумалась. – Сказал незнакомец, с удивлением посмотрев на свой телефон, лежащий сбоку от себя, на сиденье. – Несомненно! – самоутверждающе посмотрели на незнакомца его соседи по купе. Впрочем, зная непредсказуемость поведения своей собеседницы, незнакомец не был столь уверен и он, явно ожидая всякого иного ответа, под общим зрительным вниманием к себе, берёт телефон, подводит его к себе, делает небольшую паузу и только после этого открывает пришедшее сообщение. При этом наблюдающие за ходом его действий, любопытные потому что они чувствительные пассажиры, не могут со своих мест заглянуть, что

там написано у него в телефоне, а сам незнакомец не спешит всех обрадовать или наоборот, огорчить, и поэтому всем приходится испытывать нетерпение и прогнозировать пришедший ответ по лирике лица незнакомца.

– Неужели, всё показывает свой гонор? А я честно сказать, и не удивлён, при таких-то царящих в молодёжной среде нравах. Потаскуха, одно слово. – Сделал неутешительный, почему-то для себя вывод, перезрелого возраста гражданин, не заметив на лице незнакомца воодушевляющей на иные мысли улыбки.

– Несомненно, за это время она уже нашла другого. И теперь прислала ему отчёт о своём новом статусе, где ему теперь нигде места нет, а вот другому аппетитному мачо, во всех местах есть. – Недолго заморачивалась с выводами, сидящая в соседнем купе, вся пышная от любви себя в этой жизни, само собой блондинка, которая по своим жизненным приоритетам и поступкам знает, как нужно поступать с теми, кто знает для них слово нет.

– Слабак и тряпка! Она его в самое дерьмо общих обсуждений макает, а он сидит и только голову повесил. Из-за таких как он хлюпиков, нас эти стервы не уважают. – Зверски посмотрел на незнакомца, сидящий напротив блондинки грозного вида тип, чья голова уже затекла от нахождения в одном боковом положении, на котором в свою очередь убедительно, с применением щипательных инструментов, настаивала его не менее грозная супруга, которая неожиданно для себя и для своего супруга обнаружила такую его близкую связь с сидящей напротив блондинкой.

– Степан, ты меня знаешь. – Стоило только супруге Степана обнаружить своё место в вагоне и такое к нему соседство в виде этой блондинки, как Степан в одно мгновение заподозрен в полном пренебрежении уставом семейной жизни, остановлен и ею на ухо внушён. – Одного взгляда на неё с твоей стороны будет достаточно, чтобы я превратила в ад всю твою дальнейшую жизнь и поездку всех этих по-своему добрых людей. И что спрашивается, должен был поделать бывший спасатель Степан? Всё правильно, вспомнить свои навыки спасателя и спасти пассажиров этого вагона от грозившей им опасности со стороны своей супруги. Ну а то, что его шея затекла от того, что он, чтобы не смотреть на блондинку, отвернулся в сторону, то это ничего. И как только он попадёт в свой любимый бар, то там он мигом всё поправит, свернув несколько попавших под руку шей.

– Хотя блондинка ничего. – Усмехнулся про себя Степан, радуясь за то, как он умело обманул свою до степени готов убить, что за ревнивую супругу, и уже не раз краем глаза посмотрел на блондинку. Которая в свою очередь, никогда бы не посмотрела в сторону этого мужлана, да ещё и с нервной коровой на цепи рядом с собой, но такое демонстративное игнорирование её аппетитами, это уж слишком, что само собой вызывает у неё борьбу за своё оскорблённое самолюбие.

– Сегодня какой-то мужлан воротит от меня свою морду, завтра ещё такого же рода прыщ. И кто знает, что будет дальше. Нет уж. Такого допускать претенциозно. – От внутреннего волнения и перспектив остаться без своего олигарха, к которым вели все эти размышления, блондинку перекосило и у неё задрожали губы. И если её перекос лица был зачётно принят супругой Степана, то вот дрожь губ, уже был принят на свой счёт Степаном, который вдруг весь вздрогнул и ощутил в себе уверенность подтолкнуть к вернейшему шагу свою супругу в отрытую наружу дверь вагона, куда она заглянет, чтобы увидеть замеченного ранее Степаном зайца. – План, что надо. – Улыбнулся Степан и чуть не спалил себя перед своей супругой, которая на интуитивном уровне почувствовав, что тут что-то не так, и ей угрожает какая-то скрытая опасность, посмотрела на Степана.

– А он, потаскун, так и знала, лыбиться! – закипела супруга Степана, решив, что ему это даром не пройдёт. И когда они обратно поедут, и Степан будет как обычно в хлам, то она ему скажет, что забыла купить ему в дорожку пива, и он сам без её помощи тут же на ходу выйдет

из вагона. – И тут зайцев никаких показывать не надо. – Сама не поняв, почему закончила свою мысль на этой фразе, супруга Степана сосредоточилась на Степане.

Но всё это, ни в какой степени не относилось к тому, что пришло на телефон к незнакомцу, который вдруг расплывается в улыбке и пока все наблюдатели ловят себя на ошеломлении, он вдруг его мгновенно приносит к сидящему напротив Тише, резко поднеся экран телефона к его лицу. Дальше следовало бы ожидать того, что Тиша выразительно возмутится такому панибратскому к себе обращению и, пожалуй, даже найдёт понимание не только у соседей по купе, но и во всём вагоне, тем более все резко повставали со своих мест, чтобы, как можно было подумать, встать на сторону Тиши, а не этого хамоватого попутчика. Правда, как прямо сейчас и выяснилось, то мир, как был жесток к своим представителям, так таким и остался, и Тише приходиться рассчитывать только на самого себя. Ну а то, что пассажиры резко по вскакивали со своих мест, то объяснить их поведение очень даже легко, если посмотреть в окно вагона, где будет видно, что поезд прибыл на конечную станцию, вот все и принялись готовиться к выходу.

Ну а за всем этим столпотворением, как-то всеми быстро было забыто и не только то, что сейчас произошло, но и даже лица своих временных попутчиков, с которыми так судьба их на время соединила.

– Наверное, так и должно быть. – Остановившись на перроне и, глядя вслед в спины спешащих по своим делам бывших пассажиров поезда и своих попутчиков, глубокомысленно сказал Глеб, тем самым оставшись верен самому себе и своему воззрению на мир, где всё предопределено и следует своему установленному порядку. – Они выполнили свою миссию, дополнив меня новыми неизвестными для меня знаниями, и всё это дала атмосфера совместного нахождения в вагоне, наполненной спёртыми и их застоявшимися, подчас слишком неразумными мыслями.

– Интересно. – Вдруг заявляет Тиша, тем самым возвратив Глеба к себе.

– Что теперь-то? – спрашивает Глеб, нехотя отвлекаясь от той странной парочки, – она таки и не отпускает от себя мольберт, а он всё же взял на себя часть её груза и нёс сумки («Там вино», – разумно для себя рассудил Глеб), – бесцеремонно решившей нарушить свои клятвы верности, данные ими своим вторым половинкам в приступе любовного аффекта, а значит, могут быть оспорены, хотя бы таким изменническим способом.

– Интересно куда теперь моя мысль меня заведёт. – Прямо-таки издевательски для ушей Глеба ответил Тиша, глядя вслед тому типу с кейсом, за которым по пятам, правда сохраняя безопасную дистанцию, шло то сообщество людей в костюмах тройках, впереди которых шёл тот последний из них, кто смотрел часы.

А уж куда эта пришедшая в голову Тиши мысль их завела, то об этом в этой главе и не хочется говорить.

Глава 3
Пока что только огоньки большого города

В полном различного рода огней большом городе, а что уж говорить о самых больших и центральных городах, где без такого торжества электричества их представить и не представляется возможным, с их на все вкусы и опасности заманчивыми предложениями, следование правилу не быть мотыльком, часто бывает недостаточно для того чтобы не вляпаться в грязь, а уж что уж говорить о сомнительных историях.

И если в случае с грязью, будь вы даже крайне осмотрительны вступая на тротуар, то это всё равно не убережёт вас от пролетающих мимо лимузинов, которые завсегда готовы дополнить такого рода недостаток на вашей внешности. Правда, если и в этом случае вы проявите чудеса ловкости и уклонитесь от встречи с освежающими брызгами, летящими из под колёс

автомобиля, пролетевшего по луже, то их место не будут против занять, проявляющие крайнюю озабоченность своим здоровьем, а не чужим, полные жалости к себе и чихов к окружающим, господа с платками, которые на всех чхать хотели.

И вот тут-то вы вместе с нездоровыми брызгами на своё лицо, получаете своё первое, но зато основополагающее знание – правило общежития стольких разных людей в одном, хоть и большом, но в таком тесном для многих людей городе. Правда вы, или в данном случае Тиша и Глеб, ещё не готовы были, вот так сразу принять все эти правила сосуществования, и демонстративно становиться своими в этом городе, чихая на всех подряд – они решили отстаивать свою индивидуальность и пока не смешивать себя с общей массой людей. К тому же их здоровье, как телесное, так и нравственное, пока что не было заражено всеми местными болезнетворными поветриями и находилось в должном порядке.

Хотя Глеб, будучи не таким как Тиша сдержанным и благоразумным, стоило только Тише ослабить за ним контроль, как позволял себе вести себя самым неподходящим для такого рода городов, непосредственным образом. Да вот хотя бы случай в метро, когда какой-то полный пренебрежения и полный чихов к окружающим (в данном случае имеются в виду фигуральные чихи), а в себе полный достатков господин, попытался воплотить на деле свои взгляды на жизнь и первоочерёдность себя в этой жизни, – он решил проигнорировать очередность входа в вагон метро и собой бесцеремонно оттолкнул хрупкую девушку, – как вдруг, неожиданно для всех и для него в том числе, оказывается, что он зря не слишком сильно держал в своих руках дипломат, который каким-то неожиданным образом, взял и отбился от его рук и вылетел в сторону, тем самым оставив этого удивлённого господина вне борта вагона.

И нечего с таким растерянным видом смотреть на разлетевшиеся бумаги из упавшего дипломата и с таким нервным видом провожать смотрящего на него из окна вагона Глеба, который всего-то оказался в нужное время рядом.

– С таким подходом к жизни, мы быстро вляпаемся в какую-нибудь историю. – На этот раз Тиша не сдержался, и укорил Глеба за его слишком вызывающую не сдержанность. Но с Глеба, как с гуся вода, и он не только не признаёт, что был слишком открыто не аккуратен, а ещё хвастается.

– Зато смотри, как она на меня смотрит. – Тихо проговорил Глеб, кивнув в сторону той хрупкой девушки, которая не сводила своих глаз с Глеба, что и увидел Тиша, глядя в отражение окна вагона. И хотя с таким взглядом невозможно спорить, всё же они сюда приехали не просто так, наводить справедливость, – хотя, наверное, не без этого, – и поэтому с этого момента никаких больше отвлечений. Тем более за первые часы пребывания в городе, он столько уже натерпелся от этого неугомонного Глеба, с его своеобразным пониманием местных реалий, что уже нет никаких сил это терпеть.

– В тесноте, да не в обиде. – В один из моментов, когда они, следуя за тем типом с кейсом, который всё ездил нескончаемо по всем этим веткам метро, набились в один из вагонов того же метро, вдруг произнёс Глеб на ухо Тише. И не успел Тиша понять, что к чему, как этот провокатор Глеб, берёт и щипает впереди стоящую, всю в чёрном, средневозрастную с такими же намёками на совершенство даму, с непременным аксессуаром у своего уха, телефоном, с которым она не прекращала делиться своим ужасным состоянием, в котором она сейчас находится, и всё по вине скотства окружающих её людей.

И, конечно, надо было видеть тот момент, когда дама в чёрном, вдруг ощутила на себе, в части своего зада, всю его буквальную близость к чьим-то рукам. Её в одно мгновение перекосило от непонимания случившегося, и она даже слегка тронулась, сообщив своей наперснице по телефону, об этом факте вмешательства в её личное пространство.

– Элла, прикинь, меня только что, кто-то ущипнул за зад. – Громко говорит по телефону эта чёрноокая дама с изящным именем Стелла, чем немедленно вызывает повышенный интерес к себе со стороны окружающих её людей и, конечно, самой Эллы, которая даже поверхну-

лась бокалом мартини от такой интригующей новости. И если Элле пока что пришлось недоумевать, как так получилось, что сухой мартини оказался мокрым, то серая, больше безликая масса окружающих Стеллу людей, ничего с ними не поделаешь, принялась делать в уме аналитические оценки факту случившегося.

Так наиболее многочисленная, в основном мужская часть пассажиров, придерживалась того мнения, что эта, со всей очевидностью видно, что ведьма, заслуживает не нежного щипка за её костлявую задницу, а по ней для начала нужно пройтись батогами, а затем её непременно нужно отправить на костёр. То вторая часть невольных свидетелей случившегося, в основном женская часть пассажиров, позволила себе не поверить этой стерве, которая решила таким образом набить себе цену, наговаривая на ни в чём таком неповинных людей.

– Такой только палец дай, так она всю руку оттяпает. – Засунув руки в карманы, чтобы купировать все возможные подозрения на свой счёт, сделал свой аналитический вывод представитель ещё одного мнения насчёт этой дамы в чёрном, адвокат Гейрих. И, пожалуй, он поступил весьма предусмотрительно и разумно, ведь его наиболее близкое нахождение к заду Стеллы, внушали ему большие опасения насчёт этой дамы, которая как им уже чувствуется, непременно решит, что за этим щипком, даже если не лично, но, тем не менее, стоял именно он. Что позволяло так думать адвокату Гейриху, то тут не трудно догадаться, его обширная практика, опыт и знание психологии людей, ему подсказывало, что даже найдись тот сукин сын, кто посмел не спросивши, так трогать зад этой дамы, то она ни за что не удовлетворится этим, и потребует следственных действий у себя в квартире, с непременным участием его.

Между тем, пока в головах окружения Стеллы происходили все эти сомнения, её наперсница откашлялась и вопросительно заволновалась. – И как ты думаешь, кто это может быть? – с повышенным сердцебиением и, волнуясь за то, что таким удивительным образом со Стеллой заигрывает некий таинственный олигарх, нервно спросила Элла.

– Ну, я ещё не знаю. Я ведь с тобой разговариваю, и поэтому не смотрела ещё. – Своим ответом Стелла просто убивает Эллу, которая от нестерпимого любопытства даже пнула своего шпица.

– Так смотри скорее и обо всём мне говори! – орёт в трубку Элла и вместе со Стеллой, все присутствующие в вагоне люди её слышат.

– Сейчас начнётся мистификация. – В одно мгновение приуныл адвокат Гейрих, поджилками чувствуя, что он в первую очередь будет заподозрен в нарушении личного пространства этой дамы. И эта мистификация, со своими, полными любопытства зрителями, началась. Так Стелла, находясь на постоянной связи со своей наперсницей, каким-то немыслимым способом, правда только до этого момента, вывернулась (первая мистификация – вокруг неё стало вроде бы как не так тесно и можно было легко развернуться) и оказалась лицом к лицу с подозреваемыми на покушение на свою неприкасаемую без её разрешения личность.

– Ну что, кого там видишь? – не унимается Элла, кровно заинтересованная в том, чтобы Стелла не обошла её в погоне за своим беззаботным, дурачком олигархом. На что Стелла не сразу даёт ответ, а для начала решает присмотреться, чем погружает Эллу во внеочередной бокал мартини, куда всё же привычнее и легче, чем в бездну умопомрачения.

Ну а перед выбором Стеллы оказываются Глеб, Тиша, адвокат Гейрих и ещё какой-то прыщавый юнец, который как всеми, в том числе и Стеллой думается, готов взять всю вину на себя и даже получить от Стеллы ещё одну близость в виде пощёчины. Но Стелла ещё не в том возрасте, чтобы хвататься за соломинку, и у неё ещё есть видные планы на себя, где места этим юнцам пока что нет. Вот когда у неё всё, кроме молодости будет, то тогда другое дело, а пока он вычёркивается из претендентов на её зад. Так что Стелла мгновенно, одним надменным взглядом на юнца вдавливает его в свои покрасневшие стеснения, и он, если бы не теснота нахождения, то в миг бы пал. После чего Стелла почему-то быстро минует своим взглядом окаменевших в лице Тишу и Глеба, отчего последний даже впал насчёт себя связанные с

малой симпатичностью предубеждения, и пристально смотрит на адвоката Гейриха, который принялся щипать себя до боли через карманы брюк.

– То, что нужно. – Неосознанно вслух, подведя итог своему наблюдению, сказала Стелла, в один момент уронив со стула Эллу и в пятки сердце адвоката Гейриха, о чьих связях с самим дьяволом, небезосновательно ходили слухи, и он знал чем грозит встреча с ведьмой. А это была именно она. И возможно только прибытие на станцию, спасло на время Гейриха от ведьминого заговора, на которые они такие способные и он, воспользовавшись суматохой, умыкнул от неё.

– И что это такое было? – следуя по коридорам метро, нервно спросил Глеба Тиша.

– Школа жизни. – Усмехнулся в ответ Глеб, совершенно не чувствуя за собой никакой вины. – Учись быть своим для этого города. Где самое главное правило, с не пробивным на чувства лицом, сам с выкатом из орбит глаз недоразумей на всех. А иначе ты, хоть Анни физически и найдёшь, но вот отстоять её у того же города не сможешь. – И, пожалуй, Глеб упомянув Анни, сумел в чём-то убедить Тишу, который на время отстал от него и дал ему некоторую свободу действий, пока господин с дипломатом не оказался господином растерянным.

– Ну а кто всё-таки этот Дрейк чёрная борода? – вдруг спросил Глеб Тишу, после того как хрупкая девчонка потеряла всякую надежду и на одной из станций покинула вагон.

– Ему больше подходит именование, акула бизнеса. – После небольшого раздумья дал ответ Тиша.

– И чем он так зубаст? – спросил Глеб.

– Как будто и так не ясно. – Нервно ответил Тиша.

– Извини, я что-то сразу не подумал. – Сказал Глеб. – Ну, а кроме этого? – спросил после небольшой паузы Глеб. Ну а что ему может рассказать Тиша, если он с сам собою не до конца откровенен и честен, и что много чего, и так уже слишком живописал и сгустил краски на настоящие обстоятельства не совсем исчезновения Анни. А всё дело в том …Хотя будет лучше начать с полученного Анни предложения от этого самого Дрейка, который и не Дрейк вовсе, – так его только Тиша прозвал, – а управляющий центрального отделения одного из крупнейшего Сити банка, мистер Анри Кирби. И уже понятно, что этот банк имел своё отделение у них в городке, где по своему жизненному стечению обстоятельств работала Анни.

Ну а раз допустимо одно стечение обстоятельств, то почему не иметь своё место и другому жизненному обстоятельству под названием совпадение, которое плавно вытекает из первого стечения обстоятельств, хотя в данном случае первоочерёдность возникновения этих обстоятельств не совсем ясно прояснена. Но всему своё время и прояснению тоже, когда сейчас эти обстоятельства сложились так, что этот Кирби, взял и оказался в этом крохотном отделении банка, находящемся в подчинённом положении к центральному отделению банка, которое в свою очередь находилось у него в управлении. И это всё не фантазии, которым был бы рад Тиша, а действительно случилось, и замеченная Дрейком Анни, а как её не заметить, раз и Тиша уже давно заметил, получила приглашение на стажировку, с прицелом на повышение, в центральный офис банка.

После чего и началась между ней и Тишей эта их своеобразная молчаливая компания по отстаиванию собственного мнения. Которая и закончилась уступкой Тиши, который как чувствовал, что на этом не закончится, и последние недели, с её остановками с ночёвками у новых подруг, в конечном счёте, и привели к тому, что Анни, как уехала сначала недели, так до сих пор и не сочла нужным не то чтобы приехать, и толком всё объяснить, а хотя бы позвонить или же более информативно отвечать на его звонки, а не как она каждый раз отвечает: «Потом всё объясню, сейчас мне некогда». И, конечно, такой ответ Анни не только не может устроить Тишу, а даже наоборот повергает в тревожное сомнение насчёт её честности ответа, а телефон в хлам при неожиданной для него резкой встречи со стенкой.

Вот и причина тому, что нервы Тиши не выдержали, и он всё так красочно для всех навыдумывал. И всё для того, чтобы самому сесть в поезд и, приехав к ней на новое место работы, во всём на месте разобраться.

И, наверное, знай о таких всего лишь неурядицах семейной жизни, а не заговоре против него этого Дрейка чёрная борода, то не то чтобы Глеб, да он и сам бы ни за что не встряхнул себя и не поехал в большой город. Впрочем, всё это не отменяет подлых намерений со стороны этого Дрейка по отношению к Анни. А это уже другое дело.

– Не знаю, что он забыл в нашем городке. Но зная их род деятельности, могу предположить, что он прибыл для какого-нибудь выгодного для себя поглощения. Что вполне связуется с их девизом по жизни «Поглощай и властвуй». – Нервно сказал Тиша, побледнев от представлений того, что на этот раз стало предметом его поглощений. – Сволочь, встречу убью. – Вдруг не сдержался Тиша и своей яростью испугал, как Глеба, так и случайно оказавшегося рядом пассажира, который так и не привык к городским сумасшедшим, чьё количество в последнее время неимоверно возросло.

Но стоило только Тише так разнервничаться, как вдруг ему в голову приходит новая, потрясшая его прежние основы видения, полностью разориентировавшая его мысль. – А может всё это, только видимая, даже не часть правды, а прикрытая моим субъективным взглядом на происходящее, иллюзия. Когда на самом деле всё обстоит совсем не так, как я это представляю, составляя свою иллюзорную картинку происходящего. А настоящая, глубинная правда, заключается в том, что этот Дрейк или как его там зовут, Анри Кирби, всё равно негодяй и подонок, – иллюзия и правда для своей достоверности, всегда имеют свои общие точки пересечения, – не имея возможности проводить в жизнь свои преступные схемы и манипуляции у себя в центральном отделении банка, присмотрел этот, вдали от инспекций и проверок, неприметный, зато под рукой региональный офис. Где можно было бы практически бесконтрольно со стороны дирекции, проворачивать свои делишки.

– А для этого ему всего-то нужно, поставить своего человека на ключевое место в банке (при этом он очень осторожен и не решается напрямую действовать через директора отделения банка, а вот порекомендовать ему человека на освободившееся место может) и по-быстрому узнать обо всех внутренних секретах – они всё-таки ограничены во времени и им все свои дела нужно провернуть до первой ежеквартальной ревизорской проверки. Так вот, в действительности почему, ему понадобилась Анни! – Потряс себя догадкой Тиша. – Он под предлогом заинтересованности банка в высококлассных специалистах и с нескрываемым намёком на собственную заинтересованность в спутнице жизни, которую он всю жизнь искал, и кажется сейчас, в её лице нашёл, на время переводит Анни в центральный офис банка, а сам тем самым ставит на её место своего человека.

– После чего ему не стоит большого труда выведать у полностью ему доверяющей Анни обо всех банковских тайнах в их отделении банка, и через своего подставного человека спокойно начать извлекать свою прибыль из этого положения. Ну а как только они по максимуму всё выжмут из этой ситуации, то Анни будет брошена этим негодяем Дрейком, и возвращена обратно на своё прежнее место, как не подошедшая для работы в головном офисе сотрудница. А там вскоре ревизорская проверка и …– Сердце Тиши сжалось от боли при представлении находящейся в полной растерянности Анни, за которой пришли из полиции, чтобы сопроводить, как они всегда говорят, туда, куда надо.

– Я этого не допущу! – вновь вскипел, правда на этот раз про себя Тиша, глядя на спину того типа с кейсом, который придвинулся к выходу из вагона, а это говорило о том, что он собирался на выход. – Ах, вот оно что! – новая догадка постигла Тишу, при виде спины этого типа. – Теперь-то всё встало на свои места. Этот тип однозначно замешан во всём этом деле и является своего рода курьером между Дрейком и его человеком из банка. Это он, по мере необходимости мотается в наш городок и привозит отчёты о проводимых ими тайных операциях.

А это значит, что мне ради будущего Анни, никак нельзя упускать из виду этого типа. – Теперь уже окончательно, Тиша утвердился в верности своего следования за этим типом с кейсом, за которым они с Глебом, по какому-то наитию, по выходу из поезда, до сих пор вслед шли.

Ну а сейчас, когда это всё получило такие свои должные обоснования, то процесс преследования этого типа получает свою осмысленность, и Тиша теперь как будто по-новому всё это видит и замечает многое из того, что до этого им игнорировалось и не замечалось. А именно присутствие здесь же в вагоне тех самых людей из поезда, которые в своё время привлекли внимание Тиши своим странным поведением со сверкой часов, и это совсем не было совпадением. И хорошо, что они с Глебом всё это время держались на почтительном расстоянии от объекта своего наблюдения, типа с кейсом, а иначе эти господа, заметив их, могли бы где-нибудь в тёмном переходе, задаться неудобными для них вопросами. А так они, пока что вроде не заметили их нахождение вблизи ведомого объекта и значит, в самый раз самому Тише задаться своими вопросами.

– И кто же они на самом деле? – задался вопросом Тиша, немедленно спрятавшись за пышную причёску меломана в наушниках, что, пожалуй, было хоть и запоздалым решением, но своевременным, раз он ещё не был замечен. – И что их может связывать? – спросил себя Тиша, приметив, что из всей этой, всё-таки не в полном составе компании, сейчас состоящей из трёх человек, только один, тот самый с зализанными назад волосами, ведёт наблюдение за объектом с кейсом, когда другие двое, делают вид, что их в этом мире ничего не интересует, кроме себя.

– Может охрана? А может конкуренты или спецслужбы? М-да, дело становится очень интересным. – Подвёл итог Тиша и очень вовремя, так как поезд прибыл на станцию и двери раскрылись, чтобы быстро сменить наполнение вагона, и значит мешкать никак нельзя, если конечно не хочешь отстать от своих планов.

И только сейчас, столкнувшись в этой сутолоке лицом к лицу с тем прилизанным типом, Тиша понял, что вести незамеченным наблюдение не такое уж и лёгкое дело. И тут тебе не только могут спокойно ноги отдавить, но и так дать под ребро, что и продохнуть только по выходу из вагона и сумеешь. – Ах ты, гад! – вместе с выдохом, изрёк из себя эту глубокую мысль Тиша, согнувшись, чтобы отдышаться у одной из колонн метро. Но не факт получения удара под дых, да ещё и исподтишка, так сильно взволновало Тишу, а то, что факт случившегося указывал на то, что он с Глебом всё-таки был замечен теми типами, которые таким предваряющим будущие их отношения способом, дали понять, что им не стоит совать свой нос, куда не следует.

– Можешь не говорить, я догадался кто это? – сказал Глеб, полным ненависти взглядом смотря вслед тому прилизанному типу. – И можешь не беспокоиться, я найду способ воздать ему должное.

– В своё время. – Сказал, выпрямившись Тиша. – А теперь за ними.

– А вот это по мне. – Ответил Глеб, выдвинувшись вслед за Тишей, который на этот раз решил проявлять большую осторожность и стараться не светиться. Что не сложно сделать находясь в такой толчее здесь в метро, а вот когда они вышли на улицу вслед за типом с кейсом, ведущим за собой столько людей, то здесь ситуация в виду обширности пространства несколько изменилась. И Тиша вместе с Глебом, а может быть даже и те типы идущие по своим пятам за типом с кейсом, были вынуждены признать, что этот тип с кейсом, по сравнению с ними определённо обладает несомненными преимуществами – он в волен в выборе своего пути, тогда как они вынуждены подчинять себя его воле и, несмотря на своё желание, которое может быть не имеет ничего общего с ним, не упуская его из виду, следовать туда, куда он захочет.

Вот, наверное, почему, следующий по пятам за объектом своего наблюдения наблюдатель, так придирчиво внимателен к нему, подмечая за ним не только всё что нужно для оперативной обработки информации, необходимой для будущей разработки объекта, но и оставляя

для своей мстительной натуры, примеченные за ним некоторые его недостатки, о которых даже его прожившая с ним сорок лет супруга не в курсе, а наблюдатели очень даже да.

– Если человек не способен на прямой взгляд, и с постоянством использует наклон головы при взгляде на окружающий мир, то он и в своих поступках придерживается всей этой уклончивости. – Сделал свой вывод Чейз, тот тип с зачёсанными назад волосами, остановившись вслед за типом с кейсом на углу двух стрит, который в свою первую очередь сделал остановку у уличной закусочной на колёсах, чтобы купить себе какой-нибудь перекус.

– А может у него левое полушарие мозга, куда лучше развито и тяжелее. Вот он и вынужден так физически отражать тяжеловесность своей мысли. – Как обычно решил не согласиться с Чейзом его оппонент на этом поле дедуктивной деятельности, Дойль (это был тот тип с часами и шикарными усами, с которым сверял свои часы Чейз), который за всегда считал, что Чейз только как оперативник хорош, тогда как аналитик, он поверхностный.

– Ваша версия ни в коей мере не противоречит моей. – Заявил Чейз. – К тому же, если это всё так, и наш объект при принятии своих решений, склонен руководствоваться левым полушарием мозга, то тут сам собой напрашиваются свои логические выводы. Раз левое полушарие мозга отвечает за анализ и логику, со своими отлично развитыми вербальными и языковыми способностями, то можно предположить, что именно на них и опирается наш объект во взглядах на окружающее. – Чейз сделал паузу, чтобы по лицам своих спутников удостовериться в том, что они как минимум внимательны к нему, и при этом не критически, а в должной почтительной степени. Что в их случае, задача практически недостижимая, и глубокомысленные, с долей иронии физиономии спутников Чейза, Дойля и Кинга, не просто сами за себя говорят, но Чейзу даже сдаётся, что они когда-нибудь договорятся и не так как они того думают и хотят.

Что, – то, что они зрительно переговаривались между собой насчёт всего сказанного Чейзом, – в общем, так и было. И первым зачинателем этого разговора, естественно выступил Дойль, кивком своего носа в сторону Чейза, заявив: «Он всегда так. Я подам мысль, а он на её основе дальше развивает тему».

– А сам, наверное, даже об этом не подозревает. – Поправив на голове шляпу, таким ироническим образом ответил Кинг.

– Что поделать, слишком целеустремлён и порывист. – Почесав нос, дал ответ Дойль.

Чейз же разгадав своих спутников, но не до конца, а только в их критическом взгляде на него, решает смутить их своими познаниями в логическом мышлении.

– Так вот, я предположу, а вы, если сможете, то попытайтесь меня оспорить. – Вновь заговорил Чейз. – Если уж мы решили, что наш объект в своих поступках больше полагается на логическое мышление, то я исходя из этих данных, могу сделать насчёт него верный прогноз.

– Какой? – не сдержался и спросил Чейза удивлённый Кинг.

– Хотя бы насчёт его выбора в этой закусочной. – Воодушевлённо сказал Чейз.

– Вот как. – Произнёс Дойль, внимательно посмотрев на Чейза. – Интересно будет послушать.

– Ну, тогда слушайте. – Самоуверенно сказал Чейз. После чего повернулся в сторону объекта наблюдения, типа с кейсом, который манипулировал своими руками перед продавцом, указывая ему на предмет своего выбора, и наблюдая за ним, принялся своим комментариями подводить его к своему прогнозируемому выбору.

– Я предполагаю, что в данный момент, его выбор пока зафиксировался на двух основных предлагаемых в такого рода закусочных блюдах, хот-доге и бургере. – Чейз сделал паузу, чтобы дать возможность своим оппонентам возразить ему, чего, конечно же, не произошло, как и думалось Чейзом, чьи приведённые аргументы, были по его мнению, бесспорны. Что немало воодушевило Чейза, принявшегося с высоты своего логического ума расщеплять остатки самоуверенности в этих господах. – Что ж, раз так, то нам остаётся выбрать из этих блюд одно. Так вот, люди склонные в своих размышлениях отталкиваться на правое полушарие мозга, пол-

ного фантазий и иллюзий, предпочли бы положиться на удачу и, вытянув из кармана монетку, всё отдать воле случая. – Чейз бросил прискорбный взгляд на Кинга, который судя по этому взгляду Чейза, непременно бы поддался этому искушению. – Мы же, люди аналитического склада ума, будем опираться не на волю случая, а на причинно-следственную связь, которая приведёт к единственно возможному в данном случае выбору. И это будет бургер. – Без всяких предварительных объяснений, ошарашил своих оппонентов Чейз. Чем немедленно вызвал в них рефлексию, с их желанием не соглашаться и противоречить его здравому смыслу.

– Не слишком ли вы, сэр, поспешны и скоропалительны в своих умозаключениях! – Скорее утвердительным, нежели вопросительным тоном, выразил своё несогласие Дойль.

– Объяснитесь! – со своей стороны нервно затребовал от Чейза развеять все эти туманности и загадки, большой любитель, но только не в случае самого себя, сам напускать тумана и задавать загадки Кинг.

– Всё очень просто. – Еле сдержался, чтобы не рассмеяться в лицо этим ни на что дедуктивное не годным господам, Чейз. – Просто я заранее изучил его предпочтения, наблюдая за ним тогда в ресторане быстрого питания, ещё до посадки в поезд.

– А если он уже сыт по горло всеми этими бургерами, и ему захочется разнообразить свой рацион? – мгновенно контраргументировал встречным вопросом Дойль. И, пожалуй, это его предположение, как минимум выбивало десять процентов из вероятности осуществления прогноза Чейза. Но у Чейза как оказывается, и на это есть свой весьма доказательный аргумент. – О каком разнообразии вы, сэр, говорите. Когда, то и то, одна сухомятка.

–Что ж, не могу в этом с вами не согласиться, сэр. – Поникшим голосом заявил Дойль.

Но Чейз на этом не останавливается и своим новым открытием добивает Дойля. – К тому же он слишком суеверен, чтобы изменять своим привычкам во время проведения столь важного дела.

На что Кинг, в желании узнать, откуда у него такие конфиденциальные данные, вновь было дёрнулся рефлексировать, но не успел, а всё по причине оглашения приговора Чейзу со стороны Дойля. – Ну и ловок же этот сукин сын. Он взял хот-дог. – После чего наступает немая сцена, где онемевший взгляд побледневшего Чейза, насмерть приковался к объекту наблюдения, типу с кейсом, который запустив свои зубы в двойной хот-дог, выпустил из него наружу часть соусной смеси, состоящей из кетчупа и майонеза, а полные радости взгляды Дойля и Кинга, в это время были обращены уже на Чейза.

Так проходит трудно сказать сколько точного времени, если не смотреть на часы, но если отталкиваться от аппетита того типа с кейсом, то примерно тот промежуток времени, который понадобился ему, чтобы с помощью съеденного хот-дога заглушить свой аппетит. Когда же он полностью поглотил в себя этот хот-дог и даже вытер руки, то только тогда Чейз пришёл в себя и то только благодаря тому, что к нему со своим нравоучением обратился Дойль.

– Всё, наверное, так бы и произошло, как ты предположил. Но ты сделал, как оказалось, трагическую ошибку. Ты практически на нет, списал наличие у него правого полушария головного мозга. И даже если всеми твоими действия руководит и мотивирует левое полушарие, всё же никогда нельзя забывать о правом, которое всегда вносит свою лепту в твоё решение. – Сказал Дойль, дружески похлопав Чейза по плечу. После чего они, дав объекту своего наблюдения немного удалиться, направились вслед за ним. Ну а так как их путь лежал мимо той закусочной на колёсах, то Чейз, да и его спутники, не удержались оттого, чтобы по-быстрому заглянуть туда и для себя прикупить чего-нибудь перекусить.

И первым в качестве покупателя выступил Чейз, немедленно, потому что он очень спешит, потребовав ему продать бургер. И вот тут-то, в общем-то, самый обычный ответ продавца: «У нас только хот-доги продаются», – вводит в умственный ступор Чейза, а его товарищей, после небольшого осмысления слов продавца, в удивительно весёлое состояние духа, что не только свойственно столь с виду солидным господам, но и видеть со стороны продавца заку-

сочной, мало понятно. Отчего он, побледнев от волнения за своё место работы, неуверенно задался вопросом. – Я что-то не так сказал?

– Всё так. – Поспешил его успокоить Дойль. После чего он пальцем руки поманил к себе продавца, и когда тот перегнулся через прилавок, таинственно спросил его. – А теперь сэр, с полным вниманием отнеситесь к моим словам и ответьте мне вот на что. Что первое спросил вас тот, подошедший к вашему заведению буквально перед нами, гражданин с большим носом? – То, что Дойль не стал в качестве характеристики упоминать кейс, то это и не нужно объяснять.

В ответ же продавец закусочной, не стал увиливать и как-то выкручиваться, ссылаясь на свою плохую память, в которой совершенно не прослеживается ни один с выше упомянутыми характеристиками субъект, или на то, что это конфиденциальная информация, и он без ордера или добровольного денежного вспоможения с их стороны не раскроет рот, а тотчас в одно слово всё рассказал. – Бургер. – И этого хватило, для того чтобы Чейз обрёл дар речи и даже забыл взять оплаченный хот-дог.

– А вы с ним заодно. – Прожёвывая свой хот-дог, кивнув в сторону ведомого объекта слежения, совсем не понятно для Чейза сказал Дойль.

– Не понял? – спросил Чейз.

– Мыслите одним и тем же. – Сказал Дойль и на этот раз, имеющий свою категорическую точку зрения на Дойля Чейз, не стал возражать.

Пока же следующая по пятам за типом с кейсом эта группа преследователей или если использовать сленг, топтунов, в чём они внешне, хоть и могут быть причислены к этой категории людей, но пока их цели не ясны, то так их можно назвать лишь с натяжкой, и то лишь потому, что они не могут спокойно стоять на месте и постоянно топчутся, так вот, пока эта группа топтунов, таким несколько странным образом ведёт наружное наблюдение за своим объектом слежки, Тиша и Глеб в свою очередь следуют уже за ними, время от времени интересуясь сами у себя вопросами принадлежности этих довольно странных людей.

– Так кем же они всё-таки могут быть? – задался вопросом к себе Тиша, наблюдая из-за угла тех же стрит, за тем как двое из этих господ, с какой-то удивительной радостью потчивают себя фастфудом, тогда как третий их спутник, воротит физиономию от всех предложений продавца закусочной на колёсах. – Для охраны человека с кейсом, они слишком беззаботны, а для представителей власти или спецслужб, слишком рассеянны. Правда этот вариант полностью исключать нельзя, хотя бы потому, что общее падение нравов, давно коснулось всех сфер жизнедеятельности человека.

– Тогда остаётся лишь то, что они, либо из каких-нибудь специальных служб, либо принадлежат к какой-нибудь конкурирующей преступной группировке, которая сильно не любит, чтобы кто-то без её ведома и без соответственного отчисления процентов, зарабатывал в их сферах деятельности, например мошенничестве с ценными бумагами. А для этого они, для начала решают вычислить всю созданную цепочку, а когда выйдут на организатора этой бизнес схемы, то предъявят ему счёт к оплате. – На этом размышления Тиши закончились, и не потому, что ему воображения не хватило, а потому, что объект слежки вывел всех следуемых за ним по пятам топтунов в предместье гостиницы. А только так и можно назвать прилегающую территорию к этой знаковой гостинице, одного вида которой, достаточно, чтобы понять, что в этом внушительном здании, вас ждёт пятизвёздочный домашний уют. И это так и было, о чём при входе в отель напоминала украшенная этим количеством звёзд, золотая табличка с названием этого отеля, «Плаза».

– Ого! – при виде того, что объект слежки прямиком направился в отель, присвистнули все, кто вёл наблюдение за ним.

– А у него губа не дура. – Очень верно заметил сэр Дойль, который сопоставив все факты, путём дедуктивной цепочки пришёл к этому трудно оспоримому выводу. С чем хотел бы не

согласиться Чейз, но с очевидностью не поспоришь. Ну а раз так, то тогда можно хотя бы придраться к чему-нибудь другому или выразить сомнение.

– Это ещё ничего не значит. – Самоуверенно заявил Чейз. – И в пятизвёздочном отеле тоже есть скверные номера, находящиеся прямо над прачечной и с тараканами в матрасах.

– Вы в этом уверены, сэр? – посмотрев на Чейза, с сомнением спросил его Дойль.

– Несомненно, сэр. – Невозмутимо заявил Чейз, свирепо смотря в ответ на Дойля.

– Тогда из всего вами сказанного, можно сделать два логических и при этом прискорбных вывода. Где единственное, что, несомненно, так это то, что вы в обоих случаях были очевидцем этих событий. – Дойль сделал паузу, глядя на Чейза, который в тревожном предчувствии, вдруг почувствовал себя не комфортно, но пока Дойль не озвучил свою мысль, ему ничего не оставалось делать, как стоять и ждать для себя приговора. И он немедленно последовал.

– В первом случае, – заговорил Дойль, – а на это наводит всё вами сказанное, вы какому-то своему своемыслию, на что намекает присутствие в вашей голове тараканов, оказались в расшатанном состоянии в одном из номеров этого отеля. Что вас туда привело и что вы там делали, то это дело десятое, но то, что вас там трясло так, что часть тараканов, вытрясло из вашей головы прямо на матрас, то это не противоречит всему вами сказанному. – Дойль на этот раз вынужден был себя прервать, а всё потому, что Чейз не просто смертельно побледнел от услышанного, а может и от памятливых воспоминаний того умопомрачительного вечера, а пошатнулся на ногах, и Дойль вместе с Кингом был вынужден броситься ему на выручку.

Когда же они, удержав его на ногах, спросили: «Как вы себя чувствуете, сэр?», – то Чейз вместо того, чтобы бодро ответить: «Господа, можете не беспокоиться, я в полном порядке», – взял и отошёл от привычного этикета, нервно обратившись к Дойлю. – Сэр, я был не в себе и во многом не виноват. – А вот в чём Чейз был виноват, то он вовремя спохватившись, не стал распространяться, тогда как его слушатели, очень сильно хотели дослушать эту историю.

Но нет, так нет, и Дойль с Кингом, решив, если что обратиться с вопросами к метрдотелю, оставляют за Чейзом право на конфиденциальность его личной жизни. После чего Чейз оставляется в покое, и все они направляются своим прямиком в отель. Куда в свою очередь, выждав время, направляются и Тиша с Глебом, где второй не волнуется о затратах, а первый считает, что раз в жизни можно себе и это позволить.

Глава 4
Поиски и находки

– Я даже теперь и не знаю, где нужно выглядеть более представительней, в местах отдыха или на работе. – Стоя у монументального здания банка, задался вопросом Глеб, задрав свою голову вверх так, что даже возникла вероятность, если не падения, то акробатического фокуса, где Глеб сверхъестественным способом изогнувшись, сможет затылком своей головы достать до мостовой. Но видимо вестибулярный аппарат у Глеба ещё не столь был развит, как его возможности тела и он, помутившись в голове, вернулся с небес на землю.

– Ну и что там удалось увидеть? – С усмешкой спросил Глеба Тиша, которому Глеб предварительно заявил, что ему ничего не стоит заглянуть в любые окна этого небоскрёбного вида здание, и выудить оттуда необходимую информацию для них.

– В небесах всё не так, как на грешной земле, и жизнь там регулируется по своим особым, небесным законам. – Глубокомысленно сказал Глеб, не собираясь уступать Тише свои позиции провидца. И надо отдать должное Глебу, то его прогноз о том, что им куда сложнее будет попасть в здание банка, где сейчас работала Анни, чем заселиться в отель, частично сбылся. Ведь в случае с отелем, всё решают денежные знаки, даже если твой вид, с первых шагов по этим ковровым дорожкам не внушает доверие, а возмущение и подозрение у администрации отеля, даже очень да. Тогда как в этом банковском месте и без твоих грошей денег навалом, и

здесь кроме денег, чтобы быть принятым за своего нужно иметь что-нибудь посущественней, нежели деньги, даже несмотря на то, что существенней денег в этих местах ничего не бывает – вот такой валютный парадокс.

И видимо ко всем этих местным реалиям и относились слова Глеба, на чьём пути, вначале к отдыху – получение номера в отеле, а затем к производственному месту – в банк, встало столько препятствий. Так он сперва очень нервно улыбался, стоя в холле отеля, когда администратор вначале с сомнением изучал их удостоверения личности, а затем с подозрением интересовался их финансовыми возможностями, которых может быть недостаточно для размещения в их респектабельном отеле всякой деревенщины (это уже Глеб прочитал по глазам администратора), а теперь здесь стоя у здания, и не простого, а инвестиционного банка, он уже чувствовал поджилками, что его ждёт не пробивная на чувства и мысли, сладко улыбающаяся физиономия человека за стойкой, чья уверенность подкреплена находящейся под рукой крепкой охраной.

И разве он поверит, если ты на его полный презрения вопрос: «А ты кто такой?», – невозмутимо ответишь: «Я инвестор!». Да он тут же нажмёт кнопку экстренного вызова всех значимых людей в банке, и всё для того, чтобы при всех у тебя поинтересоваться, а в какую область экономики желает инвестировать свои огромные средства этот, сразу видно, что очень крупный инвестор. На что Глеб, показывает себя как дальновидный инвестор, немедленно дав свой несколько трагический для лица человека за стойкой ответ.

– В фундаментальную науку! – громко заявил Глеб, сопроводив свои слова кулаком в нос человеку за стойкой, который в тот же миг оказался на своём рабочем месте, за стойкой. И хотя презентация Глеба на этом простом примере, эффективно показала, что инвестиции в науку не просто блажь, а имеют свою окупаемость, – человек за стойкой, за совсем короткий промежуток времени, стал человеком учёным, и теперь его классификация стала несравненно выше, нежели до встречи с кулаком Глеба, – всё же все эти значимые люди в банковской среде, видимо испугавшись за своё тёплое место и большой конкуренции, а также побочных следствий таких инвестиций в науку, – если люди будут умнеть на глазах, то тогда как их убеждать кредитоваться по их интересному проценту, – назвав его гомофобом, а не хомо сапиенсом, что было бы вернее, дали от ворот поворот, так и не ставшему инвестору Глебу.

И видимо всё это Глеб, частично используя своё воображение, умственно заглянув через его витражи стёкол в глубины застывшего в стекле (и это остекленение, не только есть своеобразная дань инженерной мысли строителей, но и физическая проекция фундамента мысли на которой держится всё это строение, и с которой оно смотрит на окружающий мир – без намёка на чувства, со стеклянным взглядом) здания банка и увидел.

– А там есть, где разгуляться. – Несколько туманно поясняет Глеб то, что он увидел там за облаками.

– Ну, это я и без тебя вижу. – Не испытывая большого довольства, сказал Тиша.

– Я думаю, что нам не помешает поискать запасной вход. – Глядя на массивную с золотым оттиском табличку на дверях, при входе в здание банка, сказал Глеб.

– Зачем? – спросил в ответ Тиша, тем самым выказав себя на удивление наивным человеком, которого теперь у Глеба сомнений не было, точно внутрь не пустят.

– Чтобы время зря не тратить. Тем более, если ты не забыл, то его у нас не так уж много. – Сказал Глеб, намекая на те, предваряющие их приход сюда обстоятельства заселения в отель. Куда между прочим Тиша, даже не встреться им в пути тот тип с кейсом и так планировал заселиться – он почему-то не рассчитывал на то, что вопрос с работой Анни решится за одну лишь его с ней встречу и поэтому приготовился к долгой (примерно на выходные дни) осаде этой неприступной крепости – самоуверенности Анни.

А вот то, что этот тип с кейсом, привёл их в ту самую гостиницу, куда и планировал заселиться Тиша, то в этом нет ничего необычного, как кажется на первый взгляд. Ведь все

приезжие, если их по месту прибытия не ожидают уютные квартиры их родственников или наёмное по службе или ещё как жильё, то они скорей всего, в первую очередь и направят свой ход к запланированному месту размещения в какой-нибудь гостинице. Ну а то, что в их случае всё так удачно совпало, – подозрительные мысли Тиши насчёт этого типа с кейсом, с его непременным желанием удостовериться в правильности этих верований и его прибытие туда же, куда запланировал заселиться Тиша, – то этому можно только радоваться.

Ну а раз так вышло, что им с этим типом с кейсом было слишком близко по пути, и они оказались в одном отеле, то Тиша с Глебом посчитав, что теперь упускать его из виду и вовсе будет глупо, решили и сумели-таки проследить, а вернее подслушать разговор консьержа и портье, где последний поделился своим недовольством скудостью нынешних постояльцев, которые не идут ни в какое сравнение с прежними. И, наверное, своя доля истины в его заявлении была, вот только, ни консьерж, ни Тиша с Глебом, посмели не поверить в этом портье, чей слишком молодой вид определённо указывал на отсутствие у него таких практических знаний.

При этом Тише удалось узнать, что тот, по мнению портье, слишком прижимистый господин, не только не стал сильно важничать и поселился не в президентских апартаментах, а мог бы, а в самом захудалом по всё тому же мнению портье, номере, но и смел ему без предварительного денежного вспоможения указывать на прописанные в перечне услуг отеля обязанности.

– Устал он видите ли с дороги, и хочет отдохнуть. А я, значит, не устал, нянчась с такими. – Тихо, но в тоже время так, чтобы это слышали его потенциальные клиенты, Тиша и Глеб, возмущался портье Себастьян.

– И во сколько он просил его разбудить? – так, как будто ничего не произошло, без какого-либо сочувствия так в нём нуждающемуся Себастьяну, спросила его консьерж Мари. И что спрашивается, мог поделать Себастьян, который насквозь видит эту неприступную к нему Мари, которая спит и видит не их близкие, основанные на любви отношения, а какие-то всё больше меркантильные вещи, связанные со своей карьерой. И Себастьяну ничего другого не остаётся делать, как подчиниться и сказать: В шесть вечера.

На что в ответ от Мари звучит уже совсем откровенно лишнее, подрывающее всякий авторитет и главное, доверие к портье Себастьяну, который исходя из прозвучавших со стороны Мари бездоказательных обвинений в его адрес: «Смотри у меня, не потеряйся», – выглядит не только безответственным работником, но ещё и разориентированным в пространстве человеком, которому ни в чём доверять нельзя и тем более чаевые. А это можно сказать бьёт Себастьяна по самому больному, по его карману. И конечно Себастьян этого простить Мари не может, и значит, ей не видать как своих длинных ушей, приглашения от него на ужин.

Но для Тиши, а тем более для Глеба, эти страдания Себастьяна ни к чему, да и его расчёт на них, в любом случае не оправдался бы, и они, получив таким вполне доступным способом для себя информацию, быстро приступают к размещению в своём номере. Где времени много не затрачивается, а как только Тиша уточнил по телефону у консьержа, как лучше всего добраться до интересующего их места, правда без указания конкретного места назначения, то они вслед за этим покидают свой номер, чтобы направиться к месту новой работы Анни.

Правда Глеб предлагает вначале подняться на тот этаж, где разместился тот тип с кейсом, чтобы так сказать, зафиксировать на память его номер. А на вопрос Тиши: «Зачем?», – то разве не понятно, что так надо. И, пожалуй, это такой аргумент, к которому нужно прислушаться и даже придать ему значение, и Тиша так и быть, чтобы времени не тратить на лишние споры с Глебом, соглашается с ним и направляется в сторону лифта, чтобы ускоренно добраться до нужного этажа.

Ну, а как только прибывает лифт, то Тиша тут же убеждается в том, что лучше этого Глеба иногда не слушать, а всё потому, что его побуждения зачастую приводят к неожиданным встречам, что не так уж и страшно, если эта не встреча с теми, с кем бы тебе не хотелось

встречаться. И как вы, уже на основании того, что Тишу здесь в городе практически никто не знает, догадались, то тем, кого он встретил в лифте, были те господа в костюмах тройках – хотя исходя из принципа его знакомости, на их месте мог бы быть, например, тот странный тип с телефоном из вагона, который так бесследно исчез после своего фокуса с телефоном или же тот же Дрейк, чёрная борода.

Впрочем, эти господа в костюмах тройках, находились перед всеми другими господами и товарищами в большей предпочтительности своей нежелательности появления, и им как раз и выпал шанс оказаться на пути Тиши в лифт. Отчего он даже на мгновение замер на пороге лифта, не решаясь в него зайти. И лишь инерция, с которой его вперёд протолкнул вперёд Глеб, не позволила людям в костюмах тройках заподозрить Тишу в неких загадочных намерениях уже на их счёт. И тут не надо спешить, только на первый взгляд кажущегося законного замечания насчёт того, что люди в костюмах тройках, ведут себя как-то не последовательно, раз они уже ранее продемонстрировали Тише своё отношение к нему. Всё может быть и так, если спешить и не выслушать знакового дополнения к характеристикам находящихся в данный момент в лифте людей в костюмах тройках.

И вот оно это, столь важное, полностью меняющее взгляд на этих людей в костюмах тройках дополнение – это была другая тройка людей в костюмах тройках, и возможно поэтому, они были по своему снисходительны к Тише и Глебу. Что, между тем не отменяет внутренней встревоженности за себя у Тиши и Глеба, которые так до конца и не выясняли для себя и для того типа с кейсом, цели присутствия этих людей. А тут ещё лифтёр, обращаясь к ним, задаёт до чего же провокационный вопрос. – Вам на какой этаж?

Что и говорить, а этот вопрос, несмотря на свою кажущуюся простоту, чрезвычайно разволновал и выбил-таки почву из ног у обоих друзей, которые растерявшись, только и смогли, как под общими внимательными взглядами всех пассажиров лифта переглянуться. И что им, при их в общих чертах знаний намерений этих, скорей всего достаточно опасных людей в костюмах тройках, говорить? Номер того самого этажа, где поселился преследуемый всеми тип с кейсом? А не вызовет ли это дополнительных, на повышенных тонах вопросов к ним, правда уже со стороны людей в костюмах тройках, где внутри их карманов, всего вероятней прячутся стилеты, зубодробительные кастеты и само собой револьверы. Где они для того чтобы развязать язык у того же Тиши, для острастки для начала кастетами под рёбра и в лоб, расправятся с лифтёром, а уж затем приподняв Тишу с пола, примутся за него.

– Нет, этого допустить никак нельзя. – Смело про себя посчитал Тиша, для которого не было ничего страшнее, чем показать свою не смелость, и он решил, что назвать какой-нибудь другой этаж, будет не плохим выходом из создавшееся ситуации. Правда к нему тут же приходят новые сомнения, не дающие немедленно дать ответ. – А какой назвать этаж? – задаётся вопросом Тиша. – Ведь вполне возможно, что эти типы не столь прямолинейны и они, чтобы не мусолить собою взгляды типа с кейсом, поселились на другом этаже. А это наверняка будет находящийся в буквальной близости этаж и скорей всего, часть из них, поселилась в номере прямо над ним, а вторая, для контроля выходов, этажом ниже. – Придя к этому, с точностью до осуществимого верному решению, Тиша называет четырнадцатый этаж, который находится на этаж выше, чем тот этаж, на котором по его расчётам поселились эти типы.

И как вскоре выясняется, – лифт делает остановку на тринадцатом этаже, где и выходит эта группа людей в костюмах тройках, – расчёт Тиши был более чем верный. Когда же уже они прибывают на свой этаж, то Глеб, выйдя вслед за Тишей, не может удержаться от того чтобы не восхититься такой догадливостью своего друга.

– Но как? – через свою вопросительную любознательность проявил восхищение Глеб.

– Все эти, не выбирающие прямых путей люди, так сказать, живущие в своём странном мирке, за редким исключением не суеверны. А раз так, то я и подумал, что этот тип с кейсом, предпочтёт двенадцатый этаж тринадцатому. – Сказал Тиша. Чего для Глеба было явно не

достаточно и, хотя ему польстило то, что Тиша большого мнения о его умственных способностях, всё же ему не мешало бы быть более информативным. Что и заставляет Глеба задаться вопросом.

– А как насчёт всех остальных этажей? Они, как я думаю, обладают точно такой же не тринадцатой характеристикой. – Поинтересовался Глеб у Тиши.

– Но они в тоже время не так близки к тринадцатому этажу. – Сказал Тиша. И опять Глеб ничего не понял, что изумлённым образом и отразилось на его лице. Что замечается Тишей, и он дополняет свой ответ. – Он слишком самоуверенно думает, что если за ним будет вестись слежка, – в чём мы с тобой только что убедились, – то чёртов этаж, как раз поспособствует тому, чтобы ведущие за ним слежку люди поразбивали себе там лбы и переломали ноги. – Этого Тиша посчитал достаточно для понимания Глеба и, повернувшись в сторону идущего от лифта коридора, выдвинулся вперёд в поиске нужной двери.

Ну а зная номер комнаты, отыскать её не представляется сложным, и совсем скоро, оба приятеля уже стояли у двери того самого номера, в котором поселился тип с кейсом.

– Значит, не беспокоить? – уставившись на висящую на ручке двери табличку с данной надписью, Глеб тихо выразил своё беспокойство насчёт этого вопиющего желания типа с кейсом, который, кто знает, чем сейчас там, в номере занимается. – Наверное, кейс раскрыл, и как кощей над златом чахнет. – Всё также тихо предположил Глеб.

– Вполне вероятно. – Согласился Тиша.

– А я вот сейчас, как забарабаню по дверям, да ещё с криком: «Полиция! Немедленно откройте!». Вот будет для него потеха, с поеданием всех тех бумаг из кейса. – На этот раз уже в полный голос, с улыбкой до ушей, сказал Глеб. Тем самым больше напугав, чем развеселил Тишу, решившего, что с того станет, и он и вправду сейчас замолотит кулаками и ногами по дверям, тем самым поставив на уши, не только типа с кейсом, но и пороняет с ног ведущих за ним слежку людей в костюмах тройках, а уж о персонале гостиницы и говорить нечего.

И если насчёт типа с кейсом, то его несварение желудка, после приличной порции съеденной бумаги, мало волнует Тишу, то вот нервную, до истерических поступков растревоженность полных ульев (номеров) смертельно опасных ос, в виде людей в костюмах тройках, игнорировать никак не получится.

Так находящиеся на нижнем, двенадцатом этаже, прямо под номером типа с кейсом, люди в костюмах тройках, где двое с пистолетами в руках дежурят у дверей, а третий, однозначно самый любопытный или же амбициозный, подставив табурет на стол, забрался на него, после чего достав вначале из областей неизвестного, а сейчас из кармана стетоскоп, приставил его к потолку и принялся слушать, даже не подозревали, что вскоре им всем придётся пережить такое не укладывающееся в их планы и разумение столпотворение.

– Ну и что там слышно? – выждав для приличия минуту, с видимой заинтересованностью, подмигнув сидящему напротив на стуле Дойлю, спросил своего амбициозного товарища Чейза, Кинг.

– Что-то похожее на скрип пружин. – Сосредоточив свой задумчивый взгляд в некую точку, дал ответ Чейз.

– Во как. – Выказал удивление Кинг.

– Неужели, уже кого-то в номер привёл? – выразил озабоченность своим одиноким положением Дойль.

– Ловкач, ничего не скажешь. Умеет совместить приятное с полезным. – Поправляя неожиданно запотевшие на своём носу очки, с какой-то ожесточённостью в голосе сказал Кинг, странным взглядом посмотрев на Дойля. И, пожалуй, Дойлю следовало бы проявить настороженность насчёт Кинга, чей револьвер в руках начал вслед за его рукой покачиваться на своей опоре, колене.

Между тем со стороны Чейза раздаётся опровержение всем этим первоначальным догадкам. – Да нет у него никого. – Звучно говорит Чейз. – Это он сам своим задом ёрзает на кровати.

– У него, что там, геморрой? – усмехнулся Кинг, посмотрев на Дойля. Но тот на этот раз не поддержал его, а с серьёзным выражением лица, заявил. – А если шило? – А вот такая возможность наличия столь опасного холодного оружия в столь укромном месте, не может не тревожить этих следопытов – это опровергает все прежние догадки насчёт объекта наблюдения, который как оказывается, не тюфяк, как они все думали, а определённо высококлассный специалист. А такое открытие невольно заставляет Кинга и Дойля напрячься и ещё крепче взяться за свои револьверы.

Но только они успели спохватиться, как их всех вместе взятых, как громом среди ясного неба, оглушает грохот от ударов по дверям сверху. В результате чего находящийся на переднем крае атаки Чейз, первым попав под удар этой невероятно громкой неожиданности со стуком, которая была кратно увеличена находящимся в его ушах стетоскопом, подкашивается на табурете и вместе со всей этой неустойчивой конструкцией, с не меньшим грохотом падает на пол.

Чего в свою очередь не выдерживают и так находящиеся в конечном натяжении нервы его напарников Кинга и Дойля, которые резко дёрнувшись от испуга, со всей силы начали жать на спусковой крючок своих револьверов, чьё прямое направление друг на друга, теперь заставляло резко дёргаться своего визави. И так до тех пор, пока барабаны их револьверов не опустели. После чего в номере наступает своя относительная тишина, с двумя окончательно утерянными для предков джентльменами и одним свихнувшимся на своей шее калекой.

Что же касается тех джентльменов поселившихся строго над номером типа с кейсом, на тринадцатом этаже, то и для них эти события не просто не прошли мимо, а они как только заселились в этот номер, то сразу же начали испытывать подозрения на что-нибудь такое.

– Чувствует моё сердце, – одной рукой схватившись за сердце, а второй за рукоятку стилета, потёкшим от волнения голосом проговорил Паоло, стоило им только войти в свой номер, – что наше будущее будет предопределено этими цифрами дьявола. – И будь на месте его напарников более благоразумные джентльмены, то они бы непременно выразили свою поддержку словам своего коллеги. Но нет, и его коллеги, даже несмотря на наличия у них вполне зрелого, с пышной растительностью на лице возраста, который по своему наличию у них, уже должен говорить об их высокой ответственности перед собой и их разумению, и намёка на такую серьёзность не проявляют. А вот дерзкую ироничность и подтрунивание над страхами Паоло, то этого сколько угодно.

– Да сядь ты, алхимик, уже, и успокойся. – Прямо-таки режет слух своими словами Марк, который требует себя звать Твен, а не как за ним подозревает Паоло, Карл.

– Одна твоя вчерашняя выходка в ванной, уже нам стоила… – задумавшись замолчал Диккенс, после чего достаёт из кармана пиджака небольшую бутылку виски, ставит на стол и, просветлев в глазах при виде её, говорит. – Лишних трат на поправку здоровья, которого сам знаешь, лишним не бывает. Так что это всё за твой счёт. – Присаживаясь на кресло, сказал Диккенс, поглядывая на корзину для мусора, до краёв наполненную точно такими же, но только пустыми бутылками, которую выставил на стол этот джентльмен.

А вот уж этого Паоло стерпеть не смог и он, оторвавшись ухом от пола, куда припал после слов Марка, чтобы быть в курсе происходящего там внизу в номере, – подслушивающих жучков заранее установленных в том же номере, ему было недостаточно, – яростно скинув с себя пиджак и, стянув с себя воротник рубахи, указывая на открывшуюся красноту, с возмущением обрушился на Диккенса. – А это что по вашему мнению? Я что, специально себя обварил в кипятке? – И, пожалуй, это действительно был стоящий аргумент, против которого Диккенс и Марк ничего возразить не нашли у себя в голове, кроме как только разбавить свои мысли во влитом в себя стаканчике виски. А как только их мысли обрели бодрость духа, то они были готовы в сотый раз выслушать Паоло, как будто им и первого раза чуть-чуть не хватило, чтобы

не тронуться умом при виде высочившего нагишом из ванной, незнающего никаких приличий Паоло.

– Да я при одном косвенном воспоминании того, что увидел, уже весь содрогаюсь, и теперь только без света готов войти в ванную. – Марк умело аргументировал Диккенсу своё дозирование виски, с вызывающим немедленные вопросы предпочтением себе.

– А я чуть было не обрёл преждевременную старость, с выпадением самого главного, желания искать близости с людьми. – Перехватив стаканчик Марка, Диккенс даёт ему должный отпор.

Правда имелся ещё один взгляд на случившееся, и он кардинально отличался от всех имевших место в этом номере, а всё потому, что он принадлежал самому зачинщику всего того, что случилось в ванне, а вернее в душе с господином Паоло, и им был, ни за что не догадаетесь, потому что уже догадались, портье Себастьян. Который по причине своей близости ко всем номерам, имел на счёт их и их постояльцев некоторую свою самоуверенность. И эта его самоуверенность особенно отчётливо проявилась по отношению к этому знаковому этажу, который по мнению Себастьяна, просто обязан держать данную ему от рождения, чертовски отличную марку. Для чего собственно Себастьян и устраивал такие своего рода, как он называл, проверки на понимаемость, а по сути, злые шутки с постояльцами номеров.

Так и в случае с этим номером, куда поселились эти господа, Себастьян преисполнившись бескрайним возмущением за их скрупулёзность в расчётах с ним (ну и что, что они налегке), решил таким нехитрым способом сбить с них спесь. И он интуитивно, а может по чьей-то подсказке, почувствовав, что кто-то из них забрался в душевую кабинку, добравшись до кранов отвечающих за подачу воды в их номер, таким образом дал жару, по своей вероятности нахождения, оказавшемуся в этот момент в душе Паоло.

А ведь изначально Паоло, как бы он не был предубеждён против этого номера, тем не менее решился не пренебрегать предоставленным, за не просто так, а за деньги комфортом, и с дороги сразу же полез в душ. Где он, в общем-то, ничего особенного там не делал, а намылив голову, всего лишь хотел смыть с себя пену. Но не успел, а всё по причине резкого изменения климата в душевой кабинке, где резко закончилась холодная вода, и на голову Паоло вдруг обрушился огненный град кипятка. А такого даже и в аду привычные ко всему грешники не всегда выдерживают, что уж говорить о Паоло, ещё не готового к таким жертвам. И конечно он не только не стерпел, а с криком отчаяния и боли, как следует не стерпел и тут же выскочил из душевой кабинки, чтобы оказавшись в гостевой комнате номера, в смятение и ужас потрясти своих коллег, которые после того что они сейчас увидели, даже и не знают, как дальше себя по отношению к нему вести.

Но это всё в физическом прошлом, а сейчас разговор между Паоло и Диккенсом ведётся постфактум.

– Ну, я тебе не Дойль, это он у нас мастак на такого рода загадки. – Попытался сгладить зашедшие в огорчения отношения с Паоло Диккенс, наливая в стаканчик виски. После чего он одной ловкой манипуляцией со стаканчиком полным виски, приводит в изумление Марка, который может быть только по причине того, что он, как оказывается ошибочно посчитал, что этот стаканчик предназначается Паоло, а не самому Диккенсу, и не сказал ему ничего против его чащения с виски. Но уже поздно и дело сделано, и Марку для того чтобы сравнять с Диккенсом свои отношения с виски, нужно что-нибудь посущественнее придумать. И он придумывает, обращаясь к Паоло.

– А знаешь, мне кажется, что твои опасения насчёт этой комнаты небезосновательны. – Сказал Марк. – И если в пятизвёздочном отеле, раз за разом происходят такие свойственные только трёхзвёздочным отелям вещи, – с внезапным отключением холодной воды, перебоями со светом и уж что тут ещё говорить о несмываемом пятне с твоей рубашки после прачечной, – то тут не мешает крепко задуматься и как-то уж начать реагировать.

– А я о чём говорю. – Воодушевился в ответ Паоло.

– А я, знаешь ли, в следующий раз не буду как истукан, молча сидеть и смотреть, как происходит такое безобразие, и без всякого Дойля разгадаю все эти загадки, запустив куда надо мой ботинок. – Марк в целях демонстрации своих более чем серьёзных намерений, почему-то глядя на Диккенса, немедленно снял свои массивный ботинок и начал его крутить в руке. И видимо Диккенс, тоже не так уж был далёк от логического мышления, в котором такие большие познания проявляет Дойль, раз он всё понял и быстро наполнил стаканчик Марка. После чего Марк в один глоток восстанавливает баланс отношений с Диккенсом и с более воодушевлённым лицом смотрит на Паоло, который в свою очередь, как всегда решил себя противопоставить этим достопочтенным, полным довольства господам.

И Паоло, конечно только внутренне, плюнув на них, вновь опускается на колени и припадает ухом к полу, в желании быть более информативным, а не как подтрунивая над ним, заявлял Марк, послушным.

– Да что б я поперхнулся этим стаканчиком виски, если он сейчас не услышит что-нибудь такое ошеломительное, что ввергнет нас в умственный ступор. – Кивая на Паоло и заодно на свой стаканчик, улыбаясь говорит Марк, следя за своевременным наполнением стаканчика своим коллегой.

– А знаете, коллега, у меня практически такое же чувство. И я даже согласен поддаться уговорам охватившего меня страха, который сковав мои руки и главное глотку, не даст мне восполнить себя этой благодатной жидкостью, если сейчас же что-нибудь такого рода не произойдёт. – С довольной улыбкой на лице сказал Диккенс, поднося к своему рту стаканчик с виски.

И вот в этот-то самый неудобный момент для вопиющих виски глоток Диккенса и Марка, и заодно для единственного в этом номере здравомыслящего голоса, практически вопиющего в своей фигуральной пустыне Паоло, происходит это страшное, наполненное своими непредсказуемыми и предсказуемыми возможностями происшествие, со своими ударами в дверь и криками: «Немедленно, падлы, откройте, это полиция!». И это понятно, что у страха глаза велики, а уши ещё шире, раз всем услышалась своя невыносимая для слуха интерпретация сказанного.

Вслед же за случившемся, Марк в одно мгновение показывает себя человеком слова, от которого он не только не отказывается, но и в точности демонстрирует всё то, что и обещал, безостановочно закашлявшись на месте. При этом и Диккенс в своём джентльменстве не собирается отставать от Марка, и он практически с Марком в одно время, как только раздались все эти удары, впал в умственный ступор, со стаканчиком на губах, по которым сейчас текло виски вниз, и ни одна капля из него так и не попала в горло Диккенса.

Что же случилось с Паоло, то об этом доподлинно неизвестно, а всё по причине того, что Тиша взял Глеба в свои крепкие руки и не позволил ему таким образом приводить в чувства этих господ. После чего они разворачиваются в обратный путь и прямиком следуют до лифта. Чей вид на этот раз чем-то не удовлетворил Тишу, и он предложил спуститься по лестнице. И хотя четырнадцатый этаж, это достойный для ног уважения этаж, всё же Глеб, увидев в этом предложении Тиши некий тайный подтекст, согласился с этим его предложением. С чем они и выдвинулись на лестницу.

А ведь между тем в предложении Тиши спуститься вниз по лестнице, не было ничего такого уж загадочного, – он почему-то посчитал, что вероятность новой встречи с людьми в костюмах в тройках, близка к реализуемости как никогда, и поэтому будет благоразумнее обойти стороной лифт по лестнице, – но только так думал сам Тиша, и только до тех пор, пока они спустя два пролёта вниз, вдруг к полной и частично невероятной для себя неожиданности, не натолкнулись на своих бывших попутчиков из поезда – ловкого парня и его спутницу с мольбертом.

– И это уж точно не случайность. – Одновременно подумали Тиша и Глеб, глядя сверху на поднимающихся людей, где им, пожалуй, понадобится ловкость или изобретательность, если они не хотят столкнуться со шляпой с широкими полями, под которой скрывалось так и оставшееся невыясненным лицо дамы с мольбертом. И, наверное, такая её предусмотрительность, с натянутой чуть ли не на глаза шляпой, если она преследовала цель остаться незамеченной, имела свои должные основания быть, всё же как в таком случае быть случайным встречным прохожим, как Глебу и Тише, кому куда интереснее обойти их стороной, нежели заглянуть даме под шляпу.

В общем, времени больно много на раздумье не было и, Тише оказавшемуся на крае атаки шляпы дамы с мольбертом, пришлось выслушать со стороны, как оказывается, весьма нервного и ревнивого спутника этой дамы, претензии и выражения грубости.

– Вот только смейте мне заметить, что всему виной узость лестничных проходов. По мне так, это всё предлог. – Перегородив дорогу Тише, проскрипел зубами спутник дамы с мольбертом, который даже несмотря на то, что стоял на ступеньку ниже, чем Тиша, казалось, что был гораздо выше его.

– Предлог, для чего? – а вот ответное удивление Тиши, выглядело, как закоренелое хамство и его бесконечная наглость, с которой он никому, особенно симпатичным дамам в широкополосных шляпах, не даёт прохода в узких коридорах гостиниц и возможно вообще в жизни. При этом и спутник дамы с мольбертом, был ещё тем придирчивым типом, и он уже со своей стороны не собирался причислять себя к робкому десятку, и если уж ему придётся противостоять двукратно превосходящему противнику, то он не будет прятаться за мольберт своей подруги. И он в свою очередь дерзко заявляет. – Либо для того, чтобы заглянуть под шляпу моей подруги, чего она вам никакого на это права не давала, либо же вы решили обратить её внимание на себя, сдувая с неё пылинки, чего уже я не позволю сделать, как единоличный получатель этого права.

– На ваши права, мы ни в коем случае не покушаемся, – вдруг в разговор вмешался Глеб, – но вот насчёт желания увидеть лицо вашей таинственной подруги, то тут мы должны признаться в том, что грешны. И как только мы увидели вашу неотразимую в фигуральном отношении спутницу, то нам так ничего более не даёт покоя, как желание увидеть её лицо. Вот такие мы любопытные типы.

– А где это вы раньше могли увидеть её? – вдруг неожиданно заволновался этот их собеседник, у которого как оказывается, тоже есть свои больные мозоли, и Глеб вполне догадывался какие. И Глеб уже было хотел посредством того носатого типа с кейсом, прищучить этого не такого уж и смельчака в глазах своей крепкой на расправу супруги, как вдруг его спутница, явно не желая последствий заходящего слишком далеко разговора, хватает за руку своего столь ревнивого на слова спутника и, миновав Тишу и Глеба, уводит его вверх.

Теперь же когда проход оказывается свободен, то можно сказать, что ничего уже не мешает нашим друзьям спокойно продолжить свой путь вниз. И всё так бы и произошло, если бы неуёмное любопытство Глеба, который проходя двенадцатый этаж, не проявил огромную любознательность, заявив, что не мешало бы на деле проверить версию присутствия и на этом этаже людей в костюмах тройках, что, по его мнению, есть далеко не так, а всего лишь тяга к Тиши всё драматизировать. И хотя Тиша насквозь видит всю применяемую к нему хитрость Глеба, всё же он и сам, будучи не в меньшей степени любопытным, да и к тому же он слышал, что этот отель является жемчужиной мировой культуры, решает, что ничего плохого в том не будет, если они для оценки заявленного прогуляются и по этому этажу.

После чего они вступают в вестибюль двенадцатого этажа и … Конечно же, нет пока не наталкиваются, а издалека видят, как у одного из номеров стоят двое типов в своих отличительных костюмах. И, наверное, пока они слишком заняты собой, можно возвратно сманеврировать и быстро покинуть этаж, но Тишу и Глеба одновременно накрывает общая отвага и они

решают, что беззаботная прогулка по холлу, с изучением окружающего интерьера со своими картинами, чем не занятие для путешественников. К чему они немедленно и принимаются, косясь боковым взглядом на увлёкшихся разговором между собой тех двух господ.

Ну а эти господа, как будто чувствуют, что за ними, если и не наблюдают, то здесь присутствует кого-то посторонний, и они внимательно посмотрев на стоящих в холле людей, чья беззаботность уж их-то точно не обманет и, Дойль переглянувшись с Кингом, а это были они, решают, что раз собрались идти в ресторан «The Palm Cour», то нечего уже откладывать. Что же касается Чейза, то его никто за язык не тянул предлагать в качестве жребия садиться играть в карты – для контроля кто-то один должен был остаться в номере, а так как все любили пить чай в ресторане, а не в номере, то тяготы выбора возлагался на жребий.

Так вот, эти господа, размеренной и внимательной к окружающим походкой, следуют в сторону лифта, где им на пути попадаются Глеб и Тиша, где первый мгновенно сообразив, что их молчание будет более чем подозрительно выглядеть для этих господ, заводит разговор.

– Слышал. Говорят, что часть квартир отеля, отданы под жильё состоятельных людей. – Обратился Глеб к Тише. Ну а Тиша уже проникся атмосферой роскоши и помпезности, и он на всё это смотрит с удручающей стороны. – Что, дефицит общения испытывают.

– Всего вероятней. А может и того хуже, страх перед своими наследниками. – Усмехнулся Глеб. Чем заставил глубоко задуматься Дойля, а вслед за ним и Кинга.

Между тем Глеб добился своего и эти господа, увлечённые собственными мыслями, не обращая большого внимания на них, прошли мимо и теперь дальнейший путь был свободен. Правда Глеб, по всей видимости, забыл, что здесь на этаже полно номеров, и каждый из них может быть заселён своими постояльцами, и не простыми, а со своими большими запросами постояльцами. И это очень даже скоро выяснилось, даже не дав успеть Тише и Глебу проводить тех господ в костюмах тройках. И только за этими господами закрылись двери лифта, как в тот же момент, как будто бы специально, из одного из номеров выходят два представительных господина, которые поначалу как будто бы даже споткнулись, увидев в коридоре не пустоту, а стоящих людей. Но эти господа быстро спохватываются и, выразив на лице хладнокровность свойственную всем респектабельным господам, с тем же холодным темпом и нечувствительной выразительностью к окружающему, вначале закрывают дверь номера, а затем вооружившись, кто тростью, а кто моноклем в глазу, направляются в сторону лифта.

Что касается Глеба, то на этот раз он не нашёлся о чём заговорить с Тишей, и мимо проходящим респектабельным господам пришлось обратиться к интуиции, чтобы для себя как-то зафиксировать этих встреченных ими людей. Когда же и эта парочка скрылась за дверьми лифта, то Тиша немедленно заявил, что, пожалуй, на этом достаточно встреч и Глеб, согласившись, не стал отставать и направился вслед за ним к лестнице. После чего они уже без происшествий спускаются вниз, к выходу из отеля, а вслед за этим добираются к знаковому банку, чтобы отыскать Анни.

– Ну что, какие есть варианты? – Спросил Тишу Глеб.

– Я честно сказать, пока ещё не думал об этом. – Сказал Тиша.

– Понятно. – Поглядев на Тишу, сказал Глеб. – Я думаю, что наш заход внутрь будет зависеть от того, какой план ты избрал для встречи с Анни. Если, к примеру, ты хочешь сразу же поставить перед ней вопрос ребром в ваших взаимоотношениях, где без соплей и сердечной боли не обойтись, то в данном случае, будем заходить с парадного хода, с дробовиком наперевес.

– С дробовиком? – изумился Тиша, не заметив наличия такого существенного аргумента в споре ни у кого из них в руках.

– А как же иначе. Надо же зафиксировать убытки у этого твоего, более удачливого конкурента Дрейка, чёрная борода. А то это какая-то одна несправедливость получается. Ему значит, сразу всё, и деньги, и девушка. А так не бывает. И мы с помощью этого инструмента

уравновесия, так сказать сделаем отбалансировку. – Сказал Глеб, слишком жёстко смотря на стоящего в дверях человека типа дворецкого. Которому скорей всего, первому бы досталось, захоти Глеб немедленно отыскать этого Дрейка.

– Я ещё не так сильно отчаялся. – Сказал Тиша, тем самым купируя этот вариант развития событий.

– Надеюсь, что к этому решению тебя подвело не малодушие. – Сказал Глеб, теперь уже грозно посмотрев на Тишу. – А то, смотри, я усреднённых, посредственных вариантов терпеть не могу. И если у вас с Анни так, всего лишь брак по расчёту, то на меня можешь не рассчитывать.

– Я рассчитываю. – Сказал Тиша, и Глебом было принято решение обратиться ко второму, обходному варианту. Где они вначале проберутся в банк, там всё как следует разузнают, а затем на основании полученных данных будут делать выводы.

– И каким образом мы проникнем внутрь? – спросил Тиша Глеба.

– Как и все. – Вслух удивился наивности Тиши и про себя своему преждевременному затруднению, которое он испытал при виде этого финансового института, куда попасть только на первый взгляд сложно, а на самом деле при должной сноровке, с рожей кирпичом, все двери открыты. – Через главный вход.

– А пустят? – засомневался Тиша.

– Со мной можешь даже не сомневаться. Я умею разговаривать с людьми, особенно с теми, кому нужен дополнительный доход, особый подход, а кому и горячий кофе из службы доставки. – Самоуверенно сказал Глеб и сделал так, как был уверен, что сделает, проведя Тишу и себя в том числе, внутрь коридорных лабиринтов банка.

– И куда же дальше идти? – спросил Глеб Тишу, следуя по очередному коридору, с кем его договороспособность по сравнению с людьми падкими до обещаний или твёрдокаменной мощностью в голосе и заверениях, была не такая обоюдная.

– Единственный путеводный ориентир, который я знаю, так это имя Дрейк, чёрная борода. – Сказал Тиша, глядя через стекло в один из офисных отделов, где свои рабочие места занимал различного рода офисный планктон. И вот тут-то не успел Глеб ещё раз поинтересоваться настоящим именем этого гада, как Тиша, прижавшись к разделяющему его от офиса стеклу, как-то уж громко заволновался, заявив: Это она.

На что Глеб быстро реагирует, и вслед за Тишей прижавшись к стеклу, задаётся вопросом. – Где?

И хотя с его стороны этот вопрос для спрашиваемой стороны, Тиши, слишком уж неразумно слышится, – как он, даже если никогда в жизни не видел Анни, сразу не может её увидеть, когда она прямо за вон той, полной недостатков и веса тёткой, сидит у прохода, – всё же Тиша, чтобы ещё раз иметь возможность выделить Анни из общей массы, не срывается на сомнения и указывает Глебу на неё.

– Вон же там, в дальнем углу, из-за толстой тётки её рыжая копна волос выглядывает. – Говорит обогащённым на восклицания голосом Тиша. И, пожалуй, Глебу приходится приложить немало трудов, чтобы увидеть Анни. Отчего он даже удивляется тому, как это Тише удалось её заметить в такой-то полной людей толчее. А вот это наводит его на некоторую мысль, которая убеждает его в не напрасности прибытия сюда.

– Знаешь, не обижайся. А меня всё это наводит на свои грустные мысли. – Сказал Глеб, под взглядом слишком любопытной сотрудницы офиса оторвавшись от стекла.

– На какие? – спросил Тиша Глеба, оторвавшись вслед за ним от этого прилипчивого стекла.

– А то, что этот Дрейк далеко не глупец и даже очень расчётливый прохиндей. – Сказал Глеб. И если с первым его утверждением Тиша совершенно не желал соглашаться, то второе утверждение более-менее сглаживало им услышанное. Правда отвечать на это сказанное Гле-

бом он не собирался, а молча уставившись на него, ожидал продолжения. Ну, а Глеб и сам не собирался замалчивать то, что хотел сказать и продолжил развивать свою мысль.

– Он, чтобы слишком на Анни не тратиться, убедил её в том, что он ни в какой мере не собирается покушаться на её индивидуальность и на какую-либо свободу, в том числе и материальную, и в результате чего усадил её наравне со всеми за стол простого работника офисного труда. При этом он ей через это указал на её самую простую обычность. Мол, смотри, сколько здесь таких же и даже лучше леди с особыми насчёт себя взглядами и поэтому слишком высоко нос не задирай, а иначе …– Глеб оборвал себя на полуслове, заметив, как нервно покраснел Тиша от его слов.

– Что-то не так? – Глеб поспешил успокоить Тишу.

– Всё именно так, как ты сказал? – бросив косой взгляд в сторону Анни, сказал Тиша.

– Это в самом худшем варианте. Сейчас же мы не знаем, какие между ними расклады. А для того чтобы узнать, то я думаю, нам не помешает для начала убедиться, где и с кем она обедает. – Сказал Глеб, заметив как по коридору, в их сторону двигается полный коробок доставщик пиццы. – Вот чёрт! – зло чертыхнулся Глеб.

– Что ещё? – испуганно спросил его Тиша.

– А разве не понятно. – Указывая на доставщика пиццы, сказал Глеб, с горечью и горячностью посмотрев на отставленные на пол упаковки с кофе, которые вначале стали пропускным билетом для них, а сейчас уже не вызывали у Глеба столь большого оптимизма. – Сколько бы его униформа с пиццей сэкономила нам времени для того чтобы попасть сюда. Хотя сейчас грех не воспользоваться его появлением. – Сказал Глеб и, подхватив сумку с кофе, рванул навстречу к доставщику пиццы.

– Оголодал. – Глядя вслед Глебу, со своей стороны уразумел его действия Тиша.

Пока же Тиша, находясь всё на том же месте, вёл своё наблюдение за Глебом, тот о чём-то сговорился с доставщиком пиццы, для чего из карманов брюк Глеба в карман брюк доставщика пиццы вынуждена была перекочевать некая сумма денег. После чего Глеб снял с головы доставщика пиццы его фирменную бейсболку, одел её на себя, затем взял на себя часть ноши в виде коробок из под пиццы, а часть кофе отдал ему, и вместе с доставщиком пиццы направился вначале к концу коридора, через который они вскоре и попали в этот самый офис, где своё место занимала и Анни.

Тиша же вновь припал носом к стеклу и принялся вести своё наблюдение затем, как офисные работники по прибытии пиццы заволновались и, побросав все свои дела, выдвинулись навстречу своему обеду, благо время для него как раз наступило. Правда всё это мало интересовало Тишу, когда все его мысли занимала Анни, которая может потому, что была здесь новенькой и пока не влилась в коллектив, поэтому не присоединялась к какой-нибудь группе людей. Хотя, судя по некоторым обращённым на неё взглядам, всё больше со стороны парней призывного под знамёна любви возраста, откликнись она, то проблем с этим у неё не выйдет. Ну а то, что она пока что не откликнулась на этот ожидаемый призыв, то это несколько обрадовало Тишу.

Правда ненадолго, а лишь до тех пор, пока Анни не поднялась со своего места, не накинула на себя лёгкую куртку и не выдвинулась в сторону выхода. Что вызвало у Тиши повышенное сердцебиение и испуг за то, что сейчас будет ею обнаружен в таком неподходящем для него месте. И Тиша, не имея возможности дожидаться Глеба, тут же рванул в обратную от входа в этот офис сторону. Там же он, достигнув поворота в какое-то незнакомое ответвление дорог, выглянув из-за угла, принялся выжидать появление Анни. И она появилась, но только на мгновение, и всё потому, что Тише нужно было прятаться, а иначе она его непременно обнаружит. А это будет ещё более неудобно, чем было.

И Тиша, забежав в ведущий в свою неизвестность коридор, где была своя лестница ведущая вверх и вниз, решил, что если забежать вверх, то это будет куда более осмотрительно,

нежели вниз. Что он, в общем, и проделал, и надо сказать, что не прогадал, услышав проход мимо каблучков Анни. После чего Тиша в той же скоростной манере возвращается назад и, выглянув из-за угла, правда уже в другую сторону, обнаруживает там спину Анни. Теперь же ситуация изменилась в сторону его удобства, за исключением Глеба, и Тиша, забыв о Глебе, начинает с большей уверенностью вести своё преследование за Анни.

– А с такого ракурса многое что замечается, чего идя рядом с ней по жизни, и не видел раньше. – С долей зависти, правда пока непонятно к кому, смотрел и размышлял Тиша, глядя вслед идущей уж больно притягательно для окружающих взглядов Анни. Отчего Тише даже хотелось сделать пару резких замечаний любителям оборачиваться вслед мимо прошедшей привлекательной девушки, но то, что он находился здесь в неопределённом качестве сдержало его, и господа в брокерских костюмах, с такими же взглядами на окружающий мир, могли быть пока спокойны за свои прилипчивые взгляды, в которых так и сквозило желание поторговаться с Анни на её счёт.

В общем, как бы небезынтересно у Тиши было это его положение в виде стороннего наблюдателя, всё же оно вместе с приятной информацией об Анни, приносило или давало знать Тише, что он не единственный в этом мире человек, на которого она смотрит и кто отвечает ей тем же. Где некоторые из встреченных Анни по пути людей в брокерских костюмах или тот же с придирчивым ко всем входящим людям взглядом сотрудник службы безопасности на входе, по мнению Тиши, слишком уж проявляли по отношению к Анни радость встречи, и когда она покидала их, то внимательно смотрели её вслед. Что не могло не вызвать у Тиши нервной взволнованности за этих слишком много себе думающих людей, чьи обращённые на Анни взгляды, так и жгли ревностью сердце Тиши.

Но вот вроде бы здание банка осталось позади и такого рода происшествия здесь, на этой оживлённой улице, по причине большой занятости прохожих, уже не должны больше возникнуть, что, пожалуй, итак, но на этом успокаиваться не стоит, да и не получается у Тиши, которого теперь волнует куда более волнительный вопрос – и куда это она намылилась?

Но в этом городе, как говорят полном контрастов, даже если все закутки, злачные места и пристрастия наблюдаемого лица знаешь, то и в этом случае, вот так сразу и не предугадаешь ответа на такой весьма в больших городах распространённый вопрос. И Тише только и остаётся, как стараться не потерять из виду Анни, что при такой городской толчее, особенно в обеденное время, когда вашим разумом руководит желудок, и все стремятся успеть и угодить только ему, дело совсем не лёгкое. И Тиша даже пару раз чуть не потерял из виду Анни, которая в отличие от него, знала куда шла и не была скованна незнанием тех опасностей, которые ждут на этом пешеходном пути путника. Где через каждый квартал вас ждут не всегда благоприятно к вам настроенные светофоры, а что уж говорить о смешении лицевых красок, чьё многообразие до обескураживающего, не может не сбить с мысли, а что уж говорить о пути.

Впрочем, и на этот раз Тиша справился с поставленной перед собой задачей, – не потерять из виду Анни, – и сумел-таки проследовать за ней до того пункта назначения, куда она и направлялась. Где опять же перед Тишей встал новый, полный нервозности вопрос – и кого она здесь ждёт? Правда не успел Тиша задаться этим, так волнующим его вопросом, тем более про себя, как вдруг получает на него ответ из-за своей спины.

– Уж точно не тебя. – Говорит Глеб, подойдя к стоящему на углу арки Тише. Который конечно в первую очередь вздрогнул от неожиданности такого подхода, но быстро придя в себя, даже не поинтересовался у Глеба, каким образом он нашёл его, а всё из-за волнения за свою и Аннину судьбу, а задался наиболее актуальным для него вопросом. – И кого? – спросил Глеба Тиша, бросив на него короткий взгляд.

На что Глеб не стал щадить чувства Тиши и дал прямой ответ. – А чего гадать-то. Сейчас подойдёт, и мы сразу узнаем. – С чем конечно спорить совершенно невозможно и Тиша не спорит, а начинает лихорадочно смотреть по сторонам, пытаясь в этой проходящей мимо

гуще народа, отыскать предположительного Анниного ухажера, которого она, заняв столик в уличном кафе, явно маскируя свою заинтересованность в его ожидании за меню, с сердечной недостаточностью трепетно ждёт.

– А вот меня она никогда не ждала. Всегда опаздывала на свидания. – С болью и горечью произнёс Тиша, глядя на Анни.

– Да уж. Это совсем не утешает. – Сказал Глеб, попивая из захваченного стаканчика кофе.

– И как это всё понимать? – резко повернувшись к Глебу, зло посмотрел и спросил Тиша. И хотя Глеб здесь не причём, и нечего на него злость срывать, он ответно не взрывается, а сунув под нос Тише стаканчик с напитком, посмотрев на Анни, начинает рассуждать. – Как бы это прискорбно для тебя не звучало, но я это скажу. Она явно заинтересована в приходе того типа, с кем сейчас встречается. – И, наверное, об этом Тиша и сам догадывался, но боялся себе признаться в этом, ожидая от Глеба поддержки в иной, какой-нибудь фантастической точке зрения.

Но это не случилось и он, потеряв опору в себе, в тот же миг припал к чашке горячего напитка и, не чувствуя обжигающей боли, принялся глушить свой внутренний огонь этим не сравниться с его полыхающим огнём души напитком. Это уже потом Тиша придя в себя, обожжённым языком почувствует, что ничего кроме боли не чувствует, а сейчас только превентивные меры Глеба, где он вырвал из его рук стаканчик с напитком, спасли его от более тяжких последствий. О чём Глеб немедленно и хотел заявить, но сейчас Тиша обладал преимуществом эксцентрического человека, у которого энергетика не просто зашкаливала, а грозила вырваться и поколебать уверенность в себе даже у такого твёрдо уверенного в себе человека, каким был Глеб. И Глеб вместо того, чтобы указать Тише на недопустимость его таких опасных для здоровья поступков, был вынужден, – Тиша схватил его за плечи, – прислушаться к тому, что ему говорит Тиша.

– Глеб. Помнишь, я тебе говорил про те два кольца, которые я ей подарил на свадьбу. – Разгорячёно проговорил Тиша, не сводя своего взгляда с Глеба.

– Помню. – Только и сказал Глеб.

– Так вот, у меня к тебе огромная просьба. Подойти к ней незаметно и посмотри на её руки. Узнай, какое кольцо на ней одето. Мне это сейчас крайне необходимо знать. – С той же горячностью проговорил Тиша. И хотя Глеб посчитал, что Тиша хватается за какую-то фантастическую соломинку, он решил, что этот вариант лучше того, где Тиша психанёт, а потом сорвётся и бросится наводить справедливость в свои отношения с Анни и с пришедшим к ней на свидание типом.

– Ладно, я схожу. Но ты пообещай мне, что пока я не вернусь, ты будешь здесь стоять и ждать меня. А то мне тоже как-то не льстит быть второй раз брошенным. – Сказал Глеб, глядя в обращённые на себя глаза Тиши. И это последнее замечание Глеба несколько успокоило Тишу, и он, отпустив Глеба, сказал: «Извини», – после чего они оба переводят свои взгляды на сидящую в одиночестве за столиком Анни, на мгновение сосредотачивают свои взгляды на ней, затем переглядываются, и Глеб прежде чем выдвинуться вперёд, вдруг решает извлечь из своего положения посыльного выгоду.

– Да, кстати, как насчёт, раскошелиться. – Протянув вперёд руку, сказал Глеб. И хотя Тиша не считался большим приверженцем меркантильного деспотизма по отношению к своим друзьям, он всё же удивился и решил поинтересоваться у Глеба, к чему бы эти формальности. Ну а Глеб, конечно, не упустит своего и уже придумал стройную версию этой необходимости.

– А ты не думал… Да, скорее всего и не думал, каким-таким неузнанным образом я подойду к Анни, с которой, если ты помнишь, я по твоей милости в общем-то знаком. – И надо отдать должное Глебу, он умеет убеждать. И Тиша вынужден был признать правоту Глеба, который даже реши подойти к Анни сзади, не будет застрахован от её поворота назад, либо же

от хитрости с её стороны, где она посмотрев в отражение того же бокала с водой или столовых приборов, мигом приметит Глеба.

– Но что ты решил делать? – протягивая карточку со всем, что там на ней есть, Глебу, спросил его Тиша.

– Вон, напротив, забегу в магазин, прикуплю там маскировочную шляпу и тёмные очки, и дело в шляпе. – Как всегда, слишком самоуверенно сказал Глеб, что Тиша даже не успел хотя бы возразить, что одной шляпы, пожалуй, будет недостаточно для того чтобы стать неузнанным, но Глеб уже находился на пути к магазину и Тише пришлось полагаться на его удачу.

Глава 5
Магия колец и взглядов на них и от них

Что и говорить, а изменения, хотя бы даже частично, собственного интерьера, но только во внешнем облике, а не как принято в монументальных строениях, внутренних пространствах помещений, в чём есть своя сермяжная правда одиночества духа архитекторов, существенно влияет, как на внутреннее самочувствие (за внешнее отвечают внесённые изменения), так и на ваши взгляды на окружающий мир, который буквально пять минут до вашего захода в магазин за обновкой, был вял и сер, а сейчас его и не узнать. Он как будто стал отражением вашего бодрого и радостного настроения, с которым вы, а также в этой новой куртке, – она, как заявляли продавщицы из магазина, и вы с ними полностью согласны, вам очень к лицу, – решили отныне смотреть на этот мир.

В общем, со всем этим присутствием на себе и в себе, а также надвинутой шляпой на глаза, теперь смотрел на окружающий мир вышедший из магазина Глеб. И этот мир и он в нём, вполне сочетался и очень нравился Глебу, с чем бы он поздравил не только себя, но и первую встречную красотку. Но красотки нынче хоть и поголовно все улыбчивы тебе, но всё же эта улыбчивость, как подсказывает практика, совсем не тебе, а тому лицемерному поветрию времени, где искренность совершенно не терпима. Да и к тому же они, все как обычно сильно спешат и боятся, что такая, даже самая кратковременная остановка, отдалит их от непременно ожидающего счастья вон там за углом.

– Ну и ладно, мне тоже есть куда и к кому спешить. – Пропустив мимо себя всю эту так спешащую публику, Глеб выразительно ожесточённо улыбнулся всем этим бизнесвумен, после чего бросил свой взгляд на противоположную сторону улицы, где своё место за столиком в кафе, по-прежнему в одиночестве занимала Анни.

– Интересно, и что это за архетип такой, что заставляет так долго ждать даму? – Задался про себя вопросом Глеб, продолжая глядеть на Анни. Затем под воздействием воспроизведшей этот вопрос мысли, опустил свой взгляд на эту сутолоку людей-прохожих и неосознанно попытался выловить среди них того Дрейка, чёрную бороду, который настолько самоуверен в себе и в своей бороде, которой нету (а это говорит о его неограниченной предметностями самоуверенности – в общем, он практически достиг самых вершин этой человеческой характерности, и только один шаг отделает его от божеской или дьявольской милости), что даже уже начинает действовать на нервы и Глебу, а что уж говорить о Тише.

И надо сказать, что Глеб, правда, не вот так сразу, а после небольшой череды ошибок, сумел-таки наткнуться на этого неспешащего Дрейка, чёрная борода, который и сейчас не только не спешил, а как казалось, что-то по отношению к Анни замыслил – тогда спрашивается, зачем он вдруг остановился и принялся шарить руками у себя в карманах, в попытке отыскать наверняка мелочь, которой у него никогда и не было. Но и это ещё не всё, почему Глеб так насчёт него и Анни основательно решил. И тут к вышеупомянутому интуитивному чувству Глеба следует добавить и его приметливость к этому типу, который сразу же не понравился Глебу своим рафинированным, прямо для глянцевой обложки журнала видом. Что уж

тут поделать, когда между природным и искусственным всегда стоит и будет стоять своя полоса отчуждения.

К тому же этот Дрейк, чья гладкая поверхность щёк практически отсвечивала на солнце, видимо ни в чём не знал меры, особенно если это касалось самого его, и он для того чтобы подчеркнуть свою достойность всего самого лучшего, нагромождал себя атрибутами такой избранности. Так, например, сейчас, он, даже несмотря на стоящую, практически переходящую в лето тёплую весеннюю погоду, не смог отказаться от столь на нём элегантного пальто, в котором он выглядел куда представительней и важнее, нежели без него. Правда он и без него мог похвастаться весьма презентабельными и изысканными вещами на себе, но зачем лишать себя дополнительного удовольствия и статусности, которое даёт это из чистого кашемира пальто.

Так вот этот Дрейк, следуя среди таких же, всё важных и деловых людей, кто с телефонами у уха, кто с непроницаемым к окружающим в лице видом, и был замечен Глебом на проявлении интереса в сторону того кафе, где своё место занимала Анни, и это стало для Глеба решающим фактом для более точной идентификации этого гада (до этого он был вписан в категорию хозяев жизни). После же того как Глеб зафиксировал своё внимание за этим гадом, ну ладно, пусть уж будет Дрейком, дело пошло на свой лад.

И вот когда этот Дрейк вдруг остановился на одном месте и начал шарить руками в карманах пальто, то Глебу долго времени не понадобилось для того чтобы понять, что все эти его действия означают – Глеб перевёл свой взгляд чуть ближе к себе и к месту перехода на другую сторону улицы, где сидела Анни, и обнаружил стоящую там у перехода одинокую фигуру девушки, уж и непонятно какими судьбами прибившуюся сюда, с единственной, зато красной розой в руках.

– Ах, вот оно что! – озаряет догадка Глеба, в одно мгновение сопоставившего эти факторы присутствия. Вслед за этим, он не теряя больше ни секунды времени, бросается вниз к этой девушке-одиночке с цветком. При этом он краем глаза замечает, что и Дрейк, как будто нащупал нужное у себя в кармане, – наверное, он при покупке этого пальто, на удачу спрятал в его самом секретном кармане какую-нибудь серебряную монету, – и теперь решительным шагом выдвинулся по направлению этой девушки с цветком.

– Опоздал! – внутренне порадовался за свою сообразительность и расторопность Глеб, оказавшись раньше Дрейка у продавщицы розы.

– Только не говорите мне, что она стоит ровно ту самую сумму, которая осталась у меня в кармане, носящей название: сколько не жалко. – Обратился к несвойственного этим местам виде, в каком-то странном прикрывающем лицо чепце на голове, продавщице цветка, Глеб.

– Вы угадали. – Ответ этой цветочницы прозвучал таким удивительным голосом, до влюбчивости так скромно, и при этом из под опущенных глаз, что Глебу немедленно захотелось удвоить предложенную цену. А когда он достал из кармана денежную купюру, то она уже оказалась эквивалентна утроенной прежней цены. Но Глеб не успевает завершить сделку, как перед ними вырастает, вначале бежевого цвета пальто Дрейка, а затем и сам с побелевшим от злости лицом носитель этого пальто, которому до изумления и до злости было трудно видеть, как на пути его задуманных планов, вдруг встал некий субъект. А это для него, с его девизом по жизни «Никогда ни в чём никому не уступать», такое положение вещей было не приемлемо.

– Позвольте. – Чуть ли не отодвигая Глеба от цветка и цветочницы, протягивая ей набранную из карманов мелочь, таким образом заявил о своих преимущественных правах на покупку розы Дрейк. Но Глеб к потрясению Дрейка, не только не позволил, а слишком дерзко для его репутации не позволил, существенно отодвинув своим острым локтём Дрейка в глубины своей спины. Отчего Дрейк, в первый раз оказавшись в таком отодвинутым от принимаемых решений положении, ещё больше побелел и проявил нервную несдержанность, заявив: «Но мне очень надо!».

– Вот как! – произнёс Глеб, после чего повернулся к Дрейку, внимательно на него посмотрел и сказал. – Как я знаю, то степень необходимости или как в вашем случае, надобности, как правило, соразмеряется степенью готовностью человека пойти на жертвы или опять как в вашем случае, на траты. Так настолько вам это очень надо? – спросил его Глеб.

– На эту сумму. – Раскрыв ладонь с мелочью, сказал Дрейк.

– А как насчёт того, чтобы быть более убедительным? Ведь судя по вашему виду, то это не последние ваши возможности. – Прищурившись, спросил его Глеб. И, наверное, в этот момент Дрейк ощутил, что респектабельность вида, не всегда способствует осуществлению задуманного и что, пожалуй, иногда препятствует. И ему в таком шикарном виде, скорей всего прибедняться не получится. Что в свою очередь выводит из себя Дрейка, который интуитивно чувствуя, что этот наглец определённо играет какую-то против него странную игру, всё же на всякий случай, решил поторговаться, спросив его: И какая сумма вас устроит?

– Та, которая скорей всего, вас не устроит. – Туманно ответил Глеб Дрейку, который хоть и понял, что над ним начинают издеваться, тем не менее, уже по инерции торговца, не мог отступить.

– Сколько? – нервно спросил Дрейк.

– Скажем так, столько, сколько вы считаете, она совсем не стоит. – С едва различимой улыбкой сказал Глеб.

– Но это грабёж среди белого дня. – Теперь уже покраснел от таких дерзких предложений Дрейк, немедленно пряча в карман мелочь. После чего он внимательно смотрит на Глеба, говорит ему: «Запомни, я тебя запомнил», – разворачивается и направляет свой шаг в сторону Анни, тогда как Глеб разворачивается к цветочнице и, протянув ей розу, говорит: «Это вам на счастье. И смотрите, не спугните его».

– Не спугну. – Говорит продавщица, беря цветок. Глеб же тем временем быстро разворачивается обратно и смотрит за поступательными движениями Дрейка, который и вправду оказался тем, кем для себя наметил Глеб, раз он прямиком направлялся к Анни. Теперь же перед Глебом встала другая, более ответственная задача, скорым для себя, и незаметным для Анни образом, приблизиться к занимаемому ею столику и проявить должное внимание к её рукам, на чём так настаивал Тиша.

Правда после случая с Дрейком и его многозначительного заявления насчёт его отличной, с элементами мстительности памяти, может создаться такое впечатление, что Глеб сам себе усложнил задачу подхода к Анни, и теперь этот Дрейк, стоит ему только приблизиться к ним, быстро обнаружит Глеба и, выразив какое-нибудь неудовольствие при виде его, тем самым раскроет его перед Анни. Но у Глеба на этот счёт имелось совсем иное мнение, он почему-то был уверен, что такого рода хозяева жизни, в упор не видят таких как он, а все эти его слова о его хорошей памяти на лица, есть всего лишь один из их инструментов отношения к вставшим на их пути людям.

В общем, Глеб решил не опасаться насчёт этого Дрейка, для которого у него всегда найдётся запасной контраргумент, а сейчас в первую очередь было необходимо, – на чём настаивал подход Дрейка к столику с Анни, – проявить повышенную внимательность к Анни и по её встречным движениям к Дрейку, определить её степень вовлеченности и желания этой встречи с ним.

– То, что она проявила хладнокровие и частичную холодность, и как держала в руках чашку с кофе, так и продолжает держать её, глядя поверх неё на этого Дрейка, то это, пожалуй, внушает надежду. Правда, если не принимать в расчёт степень её злости за это долгое ожидание, к тому же она так и не ушла, и осталась его дожидаться, и то, что характер у Анни, по словам Тиши, тот ещё, то из этого, пока трудно, что понять. – Натянув на глаза шляпу и, неспешно двигаясь наискосок в сторону этого кафе, вёл свои наблюдения за Анни, и тут же их про себя анализировал Глеб.

– Смотри-ка, какой предприимчивый, ещё спрашивает позволения присоединиться к ней. – Заметив невербальные, легко читаемые движения тела Дрейка, Глеб сделал соответствующие, малоприятные для себя и Тиши выводы. – А она могла бы проявить и побольше упрямства, и не сразу приглашать его к себе за стол, а заставить его подольше постоять на ногах. Хотя у него наверняка припасено множество уважительных, до чего же веских причин, объяснить ей и не ей, эту и любую другую свою задержку. – Размыслил Глеб, остановившись у находящегося в шаговой доступности от интересующего Глеба кафе, уличного газетного киоска, откуда столик Анни виделся как на ладони.

– А вот улыбаться этому наглецу, это даже для меня уже слишком. – Приняв слишком близко к сердцу такое улыбчивое поведение Анни, Глеб со злостью схватил газету с прилавка, и попытался её остервенело раскрыть, чем вызвал лёгкий переполох у продавца газет. А он хоть и был привычен к такого рода поступкам читателей, рассерженных на какую-нибудь биржевую новость или на критические замечания своих противников, но всё это легко им переносилось, когда за газету уже заплатили, а пока не заплатили, то это ему видеть было невыносимо больно для кошелька. Так, что вполне от него было ожидаемо услышать, так это требование заплатить за практически порванную газету. На что Глеб непонимающе посмотрел на газету в своих руках, перевёл свой взгляд на продавца и сразу ему предчувственно не понравился. Правда на этот раз ожидания продавца газет, что удивительно, не оправдались, и его не заставили завтракать этой газетной уткой всухомятку, а заплатили за газету.

– А пригодится. – Сказал Глеб, развернув перед собой газету и, используя её в качестве прикрытия, выдвинулся в сторону кафе. Где и занял наиболее для себя удобный столик, откуда можно было вести более информативное наблюдение – сидящие друг напротив друга Анни и Дрейк, находились в боковой видимости Глеба.

После же того, как Глеб заказом кофе узаконил своё нахождение за столиком, он, ведя наблюдение за ними, принялся раздумывать над тем, как бы лучше осуществить задуманное – с этого расстояния руки Анни хоть и были видны, но не столь отчётливо, чтобы на них можно было хоть что-то различить. – Да и вообще, что ему даёт эта информация о кольцах? – не найдя сразу подходящего варианта подхода к Анни, Глеб, как часто бывает с натурами холерического характера и вспыльчивыми, при первом же появившемся затруднении, вспылил и попытался внутренне оспорить взятое поручение. – Ну вот, предположим, сейчас она надела то, ассоциирующееся с иллюзией кольцо, то какой из всего этого можно сделать вывод. – Глядя на профиль Анни, ведущей свою беседу с Дрейком, принялся размышлять Глеб.

– То, что ей хочется погрузиться в свою иллюзорную сказку. И, пожалуй, новый окружающий её сейчас мир, способствует всему этому её представлению. Но так часто и случается, когда ты впервые приезжаешь в новый город, где полностью сменяешь свою прежнюю, на новую обстановку. А там, на новом месте, тебе всё в новинку, интересно и радостно видеть. Да ты на первых порах и не способен видеть ничего другого, кроме яркой, красочной обложки мира. Это уже со временем приходит понимание того, что за всем и во всём есть своя изнанка, и чтобы большой город осветился своими ярким огнями, нужен тот, кто эти огни зажжёт. И вот тут-то приходит время для своего кольца правды. – Сделал глоток из чашки Глеб, решив запить эту тошнотворную улыбку Дрейка, с которой он погружал в себя окружающий мир. – Так что скорей всего и Анни в этом вопросе не столь оригинальна. А вот насколько далеко она решила зайти в своих иллюзиях, то вот это вопрос из вопросов. – На этом оборвал свои мысли Глеб, даже со своего места заметив, что руки Дрейка проявляют повышенную предприимчивость по отношению к рукам Анни, время от времени делая близкие манёвры рядом с ними.

– А что думать. Надо пройти мимо и посмотреть. – Решил Глеб, приподнимаясь из-за стола, но тут же садится обратно при виде той самой девушки с цветком розы, которая как будто из под земли выросла рядом со столиком Анни и Дрейка. – А это становится интересным. – Проговорил про себя Глеб, принявшись за наблюдение. Правда ему тут же пришлось

использовать для прикрытия свою газету, а всё потому, что этот Дрейк, как только обнаружил в своей близи эту красную розу, интуитивно почувствовав, что здесь что-то не так, всполошился и принялся головой крутить по сторонам, в поиске того подстрекателя и само собой злоумышленника (понятно, что Глеба), который и направил эту подставную цветочницу к ним с цветком.

Впрочем, газета Глебу мало чем помогла и Дрейк сразу же определил, что именно за ней скрывается тот подлый негодяй. Что между тем, не давало ему возможности для какого-нибудь манёвра, он не имел никакого представления о мотивах действий этой организованной группы, и к тому же он был не один, а с Анни, и это сдерживало его от проявления своей нетерпимой ко всему неизвестному, внутренней сущности. И Дрейк с ненавистью посмотрев на смотрящего на него с заглавной страницы газеты, нового лидера консервативной партии, мистера не знамо кто или Икс, за чьей спиной виднелся принц Вторит, и решив, что из принципа не будет голосовать за консерваторов, а за их противников двумя руками, натянув на лицо улыбку, вернулся к Анни и к цветку.

Где между тем тоже произошли свои изменения, и такая послушная и внимающая к нему Анни, сейчас показала себя во всей коварной красоте, которая всегда слишком ревнива к любой другой красоте, как к той же красоте розы, и прямо-таки глазами желает присоединить её к своему совершенству. И мистер Дрейк хоть и многоопытен в такого рода делах и даже готов на сопутствующие делу растраты, всё же на этот раз сложившаяся ситуация, из-за своей необычности, вызывает у него тревогу и ему стоит больших трудов широким жестом, без спросу цены, взять из рук цветочницы этот цветок.

И как сразу же выяснилось, он не зря опасался, ожидая какой-нибудь подвоха со стороны тайных сил, в виде той же цветочницы, которая стоило ему только затронуть розу, как вдруг, как будто от боли, громко взвизгнула, и с неожиданными словами: «Ой!», – вначале отпустила розу, а затем прижала уколотый шипом розы палец руки к своим губам. И хотя Дрейк не единому её притворному движению и слову не поверил, – он даже не дёргал за розу, – и посчитал всё это за дилетантскую постановку, с целью выманить из него побольше денег, всё же это так быстро и неожиданно случилось, что он не успевал перехватить инициативу и был вынужден только рефлексировать.

Так вслед за тем, как цветочница рефлекторно и так звучно прижала свой уколотый палец к губам, а Анни ясно, что ужаснулась при виде случившегося, то Дрейк готов был биться об заклад, что вдруг появившаяся кровь на матерчатых белых перчатках цветочницы, была следствием её прокуса пальца, а не следствием укола шипа розы. Но разве ему в данных обстоятельствах кто-то поверит. Да ни за что на свете. Да ещё, наверное, признают циничным, практически конченым и не пробивным на чувства человеком, что есть правда, но сейчас ему не нужна такая откровенность, и Дрейк вынужден молча хлопать глазами и проявлять озабоченность при виде случившегося – при этом его свободная рука почему-то очень живо потянулась в карман, где лежал его портмоне.

Цветочница же тем временем не останавливается на достигнутом, и она опустив от лица уколотую руку, где в области указательного пальца отчётливо виднелось красное пятнышко, которое она, по мнению Дрейка, выдавала за кровь, и аккуратно взявшись другой рукой за края перчатки, на глазах сидящих за столиком Анни и Дрейка, принялась потихоньку стягивать свою перчатку. И хотя это зрелище не для слабонервных дам и брокерских душ господ, тем не менее, никто не отводит своего лица от происходящего, и Анни, как и Дрейк, как заворожённые сидят и следят за тем, как рука цветочницы постепенно оголяется.

И вот когда перчатка собою освободила пясть руки, и начала постепенно, сантиметр за сантиметром, освобождаться пальцы, то перчатка на одно мгновение вдруг остановилась, застряв в той пальцевой области, где, как правило, особы женского рода носят приглянувшиеся им колечки. Цветочница же, обнаружив эту заминку, быстро поправляет не желающую без

накоплений в себя слазить перчатку, и вновь принимается за своё осторожное дело, где на свет тут же появляется то озорное препятствие, в виде небольшого колечка, с небольшим красным камушком на нём. И, казалось бы, что здесь такого, когда самое страшное ещё впереди, но вид этого колечка с красным камушком, вдруг заставляет вздрогнуть, как Анни, так и самого Дрейка, что было весьма удивительно при его-то хладнокровии.

При этом побледневшая Анни, левой рукой невольно хватается за свою правую руку в области пальцев, а Дрейк, как от полной жал змеи, одёргивает руку от розы, и теперь хочет поднять глаза и посмотреть в лицо цветочницы, но вдруг подскочившая с места в нервном напряжении Анни, перетягивает его внимание на себя и не даёт ему посмотреть на лицо цветочницы. А уж после того, как Анни заявила: «Мне уже пора», – и выдвинулась на выход, то спешащему за Анни Дрейку, которому как только на один момент показалось, отчего он даже оглянулся назад, что до него из окружающего городского шума, донесся знакомый шум слов: «Сними покровы иллюзий и открой уже, наконец-то, ей правду», – уже было не до вопросов, куда подевалась эта…?

Но если им, из-за своей столь неожиданной спешки, уже и не ответить на вопрос, куда подевалась эта цветочница, да и вообще кто это такая, при этом всё это относилось больше к Анни, чем к Дрейку, хотя при его-то образе жизни и дырявой памяти на лица, отчего он любит только президентские лица на купюрах, – легче запомнить, – это тоже задача не простая, то насчёт сторонних наблюдателей, к которым относился Глеб, можно было не тревожиться, им всё было видно. Тем более цветочница прямиком направила свой шаг к нему.

И вот тут-то Глеб впервые озадачился, не зная как ему реагировать на всё это, и глупая улыбка на его лице, была тому подтверждение. Цветочница же подойдя к нему, мило улыбнулась, отчего Глебу немедленно захотелось заказать ей кофе, а себе чего-нибудь покрепче и, не дожидаясь, когда Глеб проявит смекалку и сделает такой необыкновенный заказ, загадочно, а как же ещё, говорит ему. – Вы надеюсь, ничего не имеете против того, что я так с розой? – На что Глеб и хотел бы выразительно согласиться с ней, но он вдруг почувствовал, что у него горло неожиданно пересохло, что бывает, как он считал, только в книжках и то только в любовных романах, а тут такая дикая реальность и поэтому только и сказал, что: Угу.

Но раз Глеб такой большой знаток любовной романтической классики, то разве он не знает, что такая немногословность и набыченность с пересохшим горлом героя чьёго-нибудь романа, как раз то, что нужно, и хочется слышать и видеть любой романтической натуре, которая скрывается под той же старомодной шляпкой цветочницы. И цветочнице явно понравился такой немногословный ответ Глеба, раз она решила его многозначительно заинтересовать. – Вы знаете, где находится королевский театр «Глобус»? – спросила цветочница Глеба.

– Найду. – Не изменяет своей краткой брутальности Глеб. Цветочница же ставит свои руки на стол к Глебу, слегка наклоняется к нему и, глядя в глаза, говорит:

– Так вот, если вы хотите, чтобы справедливость восторжествовала, то будьте сегодня в шесть часов вечера там. Я вас встречу со стороны чёрного входа. – После чего она выпрямляется, прищуривается на солнышке, рукой берётся за свою шляпку и лёгким движением руки скидывает шляпку с головы. Откуда к потрясению Глеба и ещё пару десятков случайных прохожих, волнообразно вырываются на свет её рыжеватого оттенка волосы, и их при этом столько тяжеловесно много, что не задаться вопросом, каким образом они все поместились под этой шляпкой, просто невозможно, правда только после того, как сумеешь прийти в себя. А это возможно лишь тогда, когда она скроется из виду, где-то там, в гуще расступающегося перед нею народа.

Когда же Глеб пришёл и осознал себя, то он всё также сидел за столиком кафе и своим непроницаемым видом неимоверно сильно мучил склонившегося над ним официанта, который так и не добившись от него хоть какого-то ответа, теперь решался проверить его пульс на предмет своего наличия. И, наверное, пришедший в себя Глеб, в голове которого так и

шумели слова цветочницы и всё под звук дрожи раскатов её волос, перед глазами которого вдруг объявилась интересующаяся физиономия официанта, когда нервно дёрнул веками глаз, хотел озадачиться вопросом, а куда она подевалась, но пришлось спуститься с небес на землю и всего лишь озадачить насчёт себя свалившегося от испуга официанта.

Ну а раз здесь, все дела, так сказать сделаны, то можно и вернуться к Тише, если не одно но – сам Тиша, который уже напротив сидит, и ждёт ответы на множество вопросов. И не успевает Глеб, как следует сообразить, с чего бы начать, как Тиша уже требовательно задаётся вопросом:

– И что здесь сейчас было? – А что Глеб может ответить на это, если он сам может только догадываться о случившемся. Правда, отмалчиваться тоже не вариант и что-нибудь, а надо ответить. – Тебя же в первую очередь интересует, какое на ней руке было кольцо. Вот и получай ответ. – Быстро рассудил про себя Глеб и, придвинувшись к Тише, заговорил.

– Насчёт произошедшего, могу только догадываться. Что же касается твоей просьбы, то я хоть точно и не могу утверждать, но судя по всему, она носит кольцо с синим, иллюзорным камнем. – Сказал Глеб. На что Тиша откинулся на спинку стула и, опустив глаза, на время задумался. После этого краткого перерыва на раздумье, Тиша возвращается в себя и, придвинувшись к Глебу, спрашивает его. – А теперь ответь мне, из каких таких соображений, ты делаешь такие выводы?

–Да легко. – Хотел бы сказать Глеб, но тягостный вид Тиши не способствовал такому его разумению, да и к тому Глеб вдруг осознал, что и забыл, на чём основывались эти его предположения. А они точно были, как он помнил. Так что Глебу приходится подключать всю свою смекалку и мобилизовать весь свой внутренний умственный ресурс, чтобы обосновать свои слова.

– Ну, во-первых, ты видел, как она была одета? – начал издалека Глеб.

– Как? – спросил озадаченный Тиша, который за всем этим делом, хоть и имел все для этого возможности, только, в общем, и мог представить, во что была одета Анни.

– Соответственно. – Ну, а Глеб своим туманным ответом не внёс никакой ясности. Что вызывает у Тиши нервную встревоженность и он требует от Глеба ясности, а не всяких отговорок. И Глеб поняв, что сам того не ожидая, нашёл для себя новую отправную точку, для доказательств своей версии присутствия иллюзорного кольца на руке Анни, начинает развивать свою мысль. – Я бы мог сказать, что соответственно моменту, но тебе ведь хочется побольше мучительной ясности. – Даже как-то зло сказал Глеб. – И я даже не буду тебе указывать на то, что Анни слишком элегантно для рабочего момента выглядит и при этом цветовая гамма её наряда совершенно не сочетается с красным цветом. А это уже, даже косвенно, говорит о многом.

– Ты в этом уверен? – растерянным голосом спросил Тиша, чем надо сказать, поколебал уверенность в себе и в своих словах у Глеба.

– Ты не тот задаёшь вопрос. – Ответил Глеб. – Ты мне лучше ответь, что тебе даёт факт ношения ею кольца иллюзии? – Тиша только для виду, на мгновение задумывается, а так он, как думает Глеб, уже давно всё обдумал, и выдаёт свой ответ. – Надежду. Если бы она выбрала для себя правду, то у меня бы шанса больше не было.

– Тогда чего такой кислый, раз есть шанс хоть из миллиона. – Усмехнулся Глеб, слегка расправив физиономию у Тиши. – Пошли скорее до номера. У нас с тобою вечером есть важные дела.

– А Анни? – спросил Тиша.

– По дороге всё расскажу. – Сказал Глеб, выходя из-за стола.

Глава 6
Встречи и опять встречи

– Перед началом чайной церемонии человек должен очиститься, так сказать достичь состояния внутренней гармонии и покоя. Именно поэтому она проходит в красивом помещении и под звуки приятной музыки, зачастую завораживающей и мистической. Для наилучшего эффекта мастер чайной церемонии предпочитает использовать звуки природы. Это содействует погружению человека в глубины своей души и помогает лучше слиться с природой. – В ожидании своего заказа, Глеб, чья неусидчивость на одном месте всегда первенствовала в нём, попытался занять себя читкой того, что он нашёл в глобальной сети посредством своего телефона. А так как они с Тишей в данный момент заняли места за столом ресторана их отеля «The Palm Court», специализирующегося на послеобеденном чаепитии, то Глеб посчитал необходимым подготовить себя к столь ответственной церемонии.

– По всем канонам ритуал проходит в атмосфере добра и гармонии. В процессе чаепития не принято громко разговаривать, махать руками или же шуметь. – Продолжил зачитывать Глеб, время от времени бросая свой взгляд на соседние столики. И вид увлечённых собой или тем же чаем посетителей ресторана, навёл Глеба на весьма грустную мысль. Как оказывается, мир не столь огромен, как он раньше думал, а наоборот, даже очень тесен. А как тогда объяснить факт того, что за соседними столами сидят всё знакомые для него люди. И это при том, что этот город вмещает в себя столько разновидностей людей, что и не пересчитать.

– Наверное, это потому так происходит, что существует своя природная арифметика, с её внутренней систематизацией своих же процессов, под названием закон ореола обитания. – Отложив свой телефон, подумал Глеб, посмотрев на уже притеревшихся в его памяти двух господ в костюмах тройках (правда сейчас они были одеты в смокинги), сидящих прямо напротив него, за одним столиков, который как раз находился прямо у дерева, входящего во внутренний, полный растительности антураж ресторана.

– Так в жизни каждого человека, на этом его пути со своим количественным нормативом, встречаются определённого рода и склада ума люди, которые входят в этот ореол его обитания. А вот встреча с людьми другой формации, если не исключена, то крайне затруднена. И если такому бывать, то лишь в качестве исключения, для подтверждения этого правила. – Размыслил Глеб, продолжая наблюдать за этими господами, которые как он уже заметил за ними, не только пришли сюда чай пить, а они плюс ко всему – к чаю с булочками – хоть и незаметно для окружающих, но только не для Глеба, а использовали это общественное место для своего наблюдения за посетителями ресторана. И, пожалуй, в этом ничего нет предосудительного, если ты путешественник или турист, ведь им, как всем известно, свойственно проявлять любопытство к окружающему миру. Но Глебу отчего-то казалось, что эти господа точно не туристы, и к тому же выдают себя не за того, кем они являлись на самом деле.

– Если вы здесь находитесь как туристы, то я …– на этом месте Глеб осекся в своём размышлении, не зная чем таким несусветным можно пригвоздить этих хитроумных господ. К тому же в этот момент очнулся от своих мыслей Тиша, и тут же начал придираться к Глебу.

– Я думаю, что мудрецы древности глядели куда глубже, и предписывали участникам чайной церемонии, не только внешне не проявлять неустойчивость своего поведения, но и не придаваться волнению и шумности в своей в душе. – С намёком на то, что в голове Глеба не всё так спокойно, сказал Тиша. – А шум при этой церемонии, допускается только в одном случае. Когда вода на огне доводится до состояния «Шум ветра в соснах».

– Я вижу, ты позиционируешь себя большим знатоком всех этих церемоний и её смыслов, – усмехнулся Глеб, глядя на Тишу, чья рука тоже была замечена в близких связях уже с его телефоном, а это говорило о многом, – тогда может, просветишь меня насчёт вон тех участников чайной церемонии. – Сказал Глеб, кивнув в сторону тех двух сидящих на своих прежних местах, людей в смокингах. И хотя в этом утверждении Глеба, с трудом прослеживалась связь с

заявлением Тиши, всё же он был отвлечён от своих мыслей и привлечён вниманием к столику с этими господами.

– А они, наверное, куда-то собрались. – Сумел-таки порадовать Глеба Тиша этим своим замечанием.

– Пожалуй, соглашусь. – Сказал Глеб.

– А вот что, или кто даст старт им, то я думаю, об этом догадаться не сложно. – Сказал Тиша. На что на этот раз Глеб не высказал, ни да, ни нет, а всё потому им принесли чайный сервис, и они по своему разумению, согласно традициям и вкусам, могли приступить к своей чайной церемонии. Правда тут без поправок на публичность местонахождения не обошлось, и каждому из чаёвников пришлось воздержаться от проявления своей домашности, предполагающей звучное затягивание в себя кипятка, с последующим выдохом облегчения, а уж пробовать пить чай и закусывать его куском сахара, то об этом и говорить не приходится – а то ещё вызовут полицию потрясённые таким фокусом все эти господа, которые кроме сахара-песка ничего другого и не видели. Ну а раз им не удаётся полностью отдаться процессу чаепития, то приходится отвлекаться от чашек с чаем и примечать за другими чаёвниками их нескрываемые привычки, которые ими со временем были приобретены, благодаря своей приспособляемости к жизни.

И если насчёт дам различного возраста и привлекательности, то тут не было ничего нового – словесная трескотня с их стороны, вперемешку с многозначительным взглядами на достойных их взглядов господ не прекращалась – они как всегда перебирали, то вот характерность поведения мужского контингента ресторана, довольно сильно разнилась, даже несмотря на то, что они все здесь находились с одной целью. Правда некоторые из посетителей, под чьей рукой оказывалась привлекательного вида дама, сразу было видно, пытались маскировать свои истинные намерения при посещении этого ресторана. Они не чай сюда пришли пить, а затуманивать взор своей спутницы своим влюблённым взглядом.

Но это понятно, что частные случаи, происходящие лишь потому, что дамы своей привлекательность разрушают относительно строгие и даже иногда серьёзные намерения и отношения к жизни со стороны целеустремлённых господ, которые даже не думали и тем более не планировали, что с ними такое может случиться. Вот, наверное почему, такой повышенный интерес вызывают такие влюблённые парочки среди… да практически всех – каждый хочет заранее подготовиться к такого рода невероятному событию, которое и в их жизни может когда-нибудь нагрянуть, а ты раз, и не подготовлен.

Что же касается не таких, хоть и привлекающих всеобщее внимание случаев, где основную тяжесть нагрузки со стороны женского пола, взяли на себя различного вида, но одного поля ягоды, богатого рода господа, то они благодаря этому всеобщему отвлечению на сидящую за самым обыкновенным, ничем не примечательным столиком молодой пары, которая своими нередкими поцелуями провоцирует присутствующих здесь в ресторане успешных дам на умственные обмороки и язвительность, могли на время выдохнуть и ослабить свои ремни. И хотя чуть выше утверждалось, что все их намерения разнились, всё же это не так, и если откинуть в сторону служебные, мало относящиеся к быту случаи, то и эта часть местного контингента, в конечном счёте преследовала одну и ту же цель – самоутвердиться. А вот как и за счёт кого, то тут пути у всех были неисповедимы.

И если одни, те, кто уже окостенел в своём монолите мнения о подлой сущности окружающих, – они смотрят на этого иерарха своего непоколебимого мнения лишь с одной целью, испытать его терпение на прочность, – глядят на мир исподлобья всё того же своего мнения, то есть и такие, кто испытывает не только терпение, но и оптимизм. Особенно при виде себя в отражении чьих-то озорных глаз.

Но не они стали предметом наблюдения и даже изучения со стороны Тиши и Глеба, который продолжил настаивать на том, чтобы Тиша не дул на воду, в попытке остудить чай, а дал

тому время для того чтобы естественным путём достичь теплоты взглядов на себя. А их внимание привлёк, неожиданно появившийся в дверях ресторана тот самый возмутитель их спокойствия, господин с кейсом, а сейчас просто господин с большим чёрным пакетом, похожим на портплед, в котором может укрыться не только костюм типа смокинга, а всё что угодно, в том числе и кейс. А это не может не вызвать множество вопросов.

Но им сейчас не до всех этих вопросов, и Тиша с Глебом вынуждены в мыслях и во взглядах следовать следом за этим господином …Раз он такой мастак на перемены, то пусть пеняет сам на себя, и вместо вполне себе ничего и даже в чём-то респектабельного именования, господин с кейсом, отныне будет именоваться господином с длинным носом. Чего у него уже точно не отнять и не сменить на носик с пипкой.

Так вот, этот длинноносый господин, делает быстрый осмотр зала, из чего можно сделать вывод, что этот господин натура чрезвычайно заинтересованная в чём-то – этот, и все последующие выводы в основном делал Глеб. После чего он обнаружил для себя подходящий столик – он был свободен от каких-либо лиц – и прямиком направился к нему. Там же он без каких-то сложностей и затруднений, повесив свой портплед на рядом стоящую вешалку, устроился и, с задумчивостью погрузившись в чайную карту, принялся выбирать для себя напиток по вкусу.

– А ты, посмотри-ка, как наши господа в смокингах всполошились. – Закрывая рукой рот, тихо пробормотал Тиша. Глеб же всё это время не сводивший своего взгляда с человека с длинным носом, только сейчас отвлёкся и посмотрел в сторону этих господ. Которые, если не быть к ним достаточно внимательным, то можно сказать, ничем не выдавали себя, но Глеб за ними всё-таки поглядывал и он мог сравнить их поведение до и после появления человека с длинным носом.

И если до этого они размеренно поднося чашку с чаем к своему рту, задерживали её там и заодно мгновение, чтобы зафиксировать окружающую обстановку, то сейчас они полностью сосредоточили своё внимание на человеке с длинным носом. При этом один из этих господ оказался в весьма затруднительном для себя положении – он явно не рассчитывал на такую избирательность этого человека с длинным носом и оказался в предательском для себя положении, спиной к нему. Что видимо безмерно обрадовало его напарника, который оказался в таком выигрышном положении. И теперь только от него и от желания его благорассудства, зависело то, как он обрисует своему напарнику объект наблюдения.

– Ну что он там? – сквозь прижатую ко рту салфетку, спросил своего более удачливого напарника мистер Паоло.

– Сидит и смотрит. – Прикрывая свой рот поднятой чашкой, пуская рябь на поверхности чая, тихо сказал Марк.

– Куда? – спросил Паоло.

– Куда-куда, да тебе прямо в спину. Не понравилась она ему чем-то. – Быстро ответил Марк и видимо, чтобы не рассмеяться, решил захлебнуться в своей чашке. В результате чего закашлялся и вызвал всеобщее внимание к себе, с переполохом в умах людей чтящих традиции предков, с их заветом потомкам «Поспешишь, людей насмешишь», со взглядами презрения на такую его самонадеянность со стороны людей, чья самонадеянность была подкреплёна их капиталами, и что самое нежелательное, так это то, что на него посмотрел и человек с длинным носом. И не просто посмотрел, а как показалось Марку, очень запоминающее для него посмотрел.

А тут ещё и этот Паоло лезет под руку своими дерзкими заявлениями. – Рот закрой, придурок. – И понятно, что этот Паоло пользуется моментом, где он, Марк, сейчас ничего ему противопоставить не может и приходиться затыкаться. Правда Марк хотел было срезать этого Паоло, спросив его, и каким образом, он собирается вести слежку за объектом? Но тот, явно решил продемонстрировать Марку, что он в отличие от него в некоторых специальных школах обучен, и может, если сильно надо будет, суметь и из такого положения найти выход.

И этот, слишком много на себя берёт, к тому же как оказывается, привередливый Паоло, берёт со стола чайную ложку и, подняв её на уровень своих глаз, начинает придирчиво её рассматривать. И хотя Марк и сам редко оставался доволен своим обслуживанием в ресторанах, всё же он не настолько привередлив, как этот Паоло. И если столовые приборы после его неудачного поворота локтём упали на пол, то он, как человек не отделяющий себя от примет, в первую очередь смотрит на то, что упало. А уж после того, как они окажутся в его руках, то если они своей чистотой вызывают у него подозрения, то он ничего не имеет против того, чтобы предоставить части своего гардероба в качестве чистящих средств.

И Марк уже приготовился укорить этого Паоло за его жлобство или снобство, – Марк ещё толком не выяснил для себя, что лучше для него подходит – на которые как оказывается так падок Паоло, как вдруг он замечает, что этот Паоло, о котором он по большому счёту, не так уж и много знает, чему не способствует недавнее знакомство, как-то странно смотрит на эту ложку.

– Так он что, мистификатор, и хочет силой мысли согнуть ложку? – а вот сейчас Марк действительно заволновался, правда не за Паоло, а всего лишь за такую изящную ложку. Ведь окажись этот мистер Паоло на самом деле мистификатором, то он и вправду согнёт ложку, а не окажись, то он всё равно её согнёт, но только в приступе гнева на слабость своей мысли, даже не способной согнуть какую-то ложку.

Но мистер Паоло до чего же изворотливый и непредсказуемый для Марка тип, и он и ложку не гнёт, и в припадке бешенства не взрывается, а всё сидит в одном положении и свою неизвестную для Марка линию гнёт. И уже теперь Марк, было собрался нервно взорваться, и вопросить этого странного мистификатора, мистера Паоло, что это ещё за фокусы такие, и не надо только ему втирать, что он через зеркальную поверхность ложки ведёт своё наблюдение за объектом, как появление в ресторане новых посетителей, отвлекло на себя всё внимание, как Марка и его напарника, так и другие вовлечённые в этот процесс наблюдения лица.

И хотя отвлечь ваше внимание может и всякий пустяк, как та же муха, сующая свой жужжащий нос, куда не просят, вам под нос, всё же это была не муха, а люди. А им в отличие от мухи, понадобится гораздо больше приложить усилий, чтобы перевести человеческое внимание к себе. И тут одного вызывающего внешнего вида явно будет недостаточно. Ведь в наше время своим внешним видом удивить совершенно не представляется возможным, и какое бы нагромождение удивительных вещей на себя не надевали современные модники, всё это вызывает лишь желание потребительского и отчасти сексуального свойства.

Впрочем, вошедшие люди, хоть и придавали немалое значение своему гардеробу, пошитому, если не в лучших, так в практичных ателье города, всё же не это привлекло к ним внимание. А вот то, что в их взглядах на окружающий мир и в особенности главную его часть, людей, сквозило что-то совершенно незнакомое, практически чужеродное, то это-то, и притягивало к ним взгляды уже занявших свои места посетителей ресторана.

– Это тот самый. – Тиша мог об заклад побиться за то, что он это услышал. После чего он принялся соображать, а чтобы это могло значить. И кто это такой, тот самый? На что, конечно, вот так сразу и не ответишь, а приходиться дополнять свои знания из внешних источников, а для этого приходится вести своё наблюдение за вошедшими людьми. Где один из них был самого обычного, среднего возраста человеком, тогда как его товарищ, в отличие от него выделялся, не просто в сильную, а в могучую сторону.

И глядя на него складывалось такое странное ощущение, что стоит только ему полной грудью вздохнуть, как помещение ресторана окажется в аномальной без кислородной зоне, что вызовет кратковременные обмороки у легковерных дам и временную потерю себя в пространстве людей с более крепкой психикой. О чём скорей всего подспудно догадывался, а может и знал этот могучий человек, раз он так широко и приветливо всем улыбался, и пока не спешил таким способом всех склонить в свою сторону.

– Нет прекраснее на свете одежды, чем бронза мускулов и свежесть кожи. – Не громко не тихо, а в самый раз, так чтобы все слышали, сказал этот человек-глыба. Что сразу же разделило посетителей ресторана на две не равные половины. Где женская половина с сожалением была вынуждена согласиться с этим утверждением этого странного, да ещё товарища, человека. Тогда как мужская половина оказалась на распутье своего решения, где желания утвердительного ответа, прерывались на полуслове их возможностями, тоще выглядывающими из костюмов.

– Товарищ Владимир, не так вызывающе громко. – Сказал его спутник товарищ Самоед.

– Я рупор, а он быть не громким, не может по определению. – Усмехнувшись сказал товарищ Владимир. И его спутник, поняв, что слова только усугубляют ситуацию, заговорив ему на ухо что-то, тем самым увлёк своего товарища в обратную сторону, на выход из ресторана, дав возможность посетителям ресторана вздохнуть облегченно.

Между тем пока все были увлечены этим появлением, непонятно для чего сюда заходили, этих людей, человек с длинным носом вдруг передумал пить чай и, сняв с вешалки портплед, вслед за этим вышел из-за стола, и направился к выходу, чем вызвал очередной переполох в стане наблюдателей, ведущим за ним слежку, и не как иначе, по мнению Глеба. Правда всё это замешательство на их лицах и частично в неуклюжих движениях их тел – Марк слишком громко поставил свою чашку на блюдечко, а Паоло выронил ложечку из рук – практически, за исключением всегда такого наблюдательного Глеба, для всех прошло незамеченным.

И вот стоило только человеку с длинным носом покинуть пределы ресторана, как господа наблюдатели, мистер Паоло и Марк, вдруг вспоминают о том, что их ждут какие-то незаконченные и главное, срочные дела. А это конечно такое дело, что всякая задержка с этого момента для них недопустима, и они быстро отставляют из под себя стулья и, кинув на стол ровно столько, на сколько, по их мнению, они напили здесь, тем же скоростным темпом, с которым с этого момента работает их мозг, удалились из ресторана.

И конечно, видя этот новый мейнстрим в сторону выхода из ресторана, и других посетителей ресторана, хотя бы косвенно, не могло не охватить стадное чувство, со своим желанием покинуть ресторан. Так кто-то, вдруг почувствовал, что шестой чашкой чая он хватил через край, за которым наступают необратимые вспять вещи, а кто-то, будучи натурой настороженной к окружающим, решил, что все выходят неспроста и, пожалуй, оставаться дальше здесь, будет неразумно.

Так что вполне объяснимо, что вслед за этими вышедшими людьми, среди посетителей ресторана найдутся и другие, кто пожелает покинуть это уже не столь безопасное место. И первыми кто принял такое решение, были Тиша и Глеб, правда по совсем другой причине – они так и не оставили в покое или вернее сказать, не отложили в сторону, свои дальновидные мысли насчёт господина с длинным носом, который по мнению Тиши, был тем, за кого он его посчитал – соучастником преступлений коварного мистера Дрейка.

Но принять решение и осуществить его, две большие разницы, даже если это больших затрат не стоит. А просто так бывает, что когда вы, вот только собрались что-то сделать, как например Глеб, подняться из-за стола, как в этот же момент или вернее сказать, буквально за мгновение до этого, кто-то другой, вдруг берёт и такие же действия осуществляет, и так сказать сбивает вас с вашего ритма движения.

Так вот, только было собирается Глеб кивнуть Тише и подняться из-за стола, как вдруг, в этот же самый момент, из-за одного из столиков, на который они раньше совершенно никакого внимания не обращали и даже не слышали о его существовании, практически бесшумно для всех, но только опять же не для Глеба, – и это законами физики объяснимо, он ведь находится с ними на одной функциональной волне, – поднимаются две серовидные личности и незаметно проскальзывают к выходу. Что вызывает на лице Глеба странную смесь чувств, где первую скрипку играло недоумение.

– И как ты думаешь, это может быть совпадением? – спросил Тишу Глеб.

– Ты сам знаешь ответ на свой вопрос. – Сказал Тиша и, поднявшись из-за стола, взял на себя инициативу. – Ну, а чтобы получить на него подтверждение, засиживаться тут не стоит. – Кивнув в сторону выхода, сказал Тиша и выдвинулся к выходу. Глеб же посчитав, что Тиша дело говорит, да и к тому же он и сам так считал, поднимается и следует вслед за Тишей к выходу из ресторана. Правда им пришлось ещё немного задержаться у входа, а всё потому, что Тиша заметил там, в конце коридора, пристроившихся у одной стен, тех двух малоприметных типов, которые, если насчёт их поведения использовать логический алгоритм исследования, в котором так силён Тиша – чем он и воспользовался при их обнаружении – скорей всего не зря остановились, а по причине того, что тот, за кем они вели своё наблюдение, где-то там дальше, вполне вероятно, что у выхода из отеля, в гардеробе, тоже временно остановился – как когда-то выясниться, то это было не совсем так.

А всё дело в том, что наблюдаемый объект, как уже совсем не трудно догадаться, господин с длинным носом, задержался у стойки администрации в ожидании того, когда ему подадут такси. А ведь при этом назови его просто господином с носом, то это будет довольно странно, и постоянно вызывать иносказательные ассоциации, ведь безносых господ очень редко встретишь, а тут получается, что специально подчёркивается, что господин с носом. Что не может вызвать своих вопросов: А как это понимать? И нет ли тут какого-то глубинного смысла, с иносказательной отсылкой к известному фразеологизму «остаться с носом»?

В общем, у всех ожидающих этого господина с длинным носом, независимо от их убеждений и взглядов на него, почему-то закрутилась мысль вокруг этого вопроса. И им показалось, что этот господин с длинным носом, не так прост, как он на первый взгляд кажется, и что с ним нужно ухо держать востро, а иначе он и вправду, что-нибудь подобное выкинет и оставит их всех со своим носом и больше ни с чем.

– Ты что встал? – наткнувшись в проходе на Тишу, недовольно спросил его Глеб.

– Ты что, не видишь? – со своей стороны Тиша тоже проявил недовольство, кивнув в сторону замерших у стенки в ожидании тех малоприметных типов. Ну а Глебу ничего не остаётся делать, как заметить, и спросить Тишу. – Как думаешь, кто они такие?

– Не знаю, – пожав плечами, тихо ответил Тиша, – но судя по всему, по серьёзней тех костюмных типов.

– Это точно. – Согласился Глеб. – Но что будем делать дальше?

– Знаешь, – внимательно посмотрев на Глеба, сказал Тиша, – у меня такое чувство, что наш инкогнито господин с длинным носом, сейчас собрался туда же, где тебе назначила встречу эта цветочница.

– А я на это много шире смотрю. – Многозначительно сказал Глеб.

– Всего вероятнее, и они там будут. – Искривившись в лице, сказал Тиша.

– Без сомнения. – Кратко ответил Глеб.

– И вообще, я думаю, что нам эта встреча с ней очень необходима. Она на многое откроет глаза. – Уже задумчиво проговорил Тиша. Глеб же достал телефон и, посмотрев на нём время, убрал телефон и, переведя свой взгляд на Тишу, сказал. – У нас времени ещё достаточно в запасе.

– Ты на что намекаешь? – прищурив один глаз, спросил Тиша.

– Ну, раз тебе не понятно, то объясняю. – Зачем-то посмотрев по сторонам, сказал Глеб. – Ты сам видел, что господин инкогнито, не взял с собой кейс. Ну а пока кейс свободен от наблюдения за собой со стороны этого господина, а приставленные за ним люди, скорей всего последуют вслед за ним, то мы можем пока есть время, по быстрому развеять все наши сомнения на его счёт. – Многозначительной улыбкой закончил своё предложение Глеб. Тиша же в отличие от него не был столь оптимистично настроен. И он так сказать, даже не воспылал воодушевле-

нием, услышав это, по его мнению, преступно глупое предложение. Правда он не спешит так не радовать Глеба, а через попутные вопросы решает разбить самоуверенность Глеба.

– Интересно, и каким образом ты собираешься попасть внутрь его номера? – с небольшой издевкой спросил его Тиша. Но Глеб пропускает мимо ушей эту неуверенность, а может даже малодушие в себе Тиши и, приблизившись к Тише, многозначительно, но всё же не очень для Тиши понятно, говорит. – На месте разберёмся. – Что и говорить, а прямо тут на месте, с этим практически совершенным планом Глеба, вот так просто не поспорить – ведь придраться тут не к чему, и значит его осуществимость, вполне реальна. Правда Тиша в некотором роде придирчивый и критически относящийся ко всем предлагаемым планам Глеба человек, и он, конечно, не собирался вот так соглашаться, и хотел к нему докопаться, спросив:

– А что измениться там, на месте? – Но он не успел добиться желаемого, а всё потому, что те двое типа пришли в движение и, заставили встрепенуться Глеба и самого Тишу. И тут уже шансов на осмысленный подход к неоднозначным предложениям Глеба у Тиши не осталось, и его здравость рассуждения, теперь поспешала вслед за его ногами, которые поспешно чередовали себя, догоняя Глеба, которому вдруг вознамерилось удостовериться в чём-то своём.

Когда же Тиша нагнал Глеба прямо за тем поворотом, у которого прежде свои места занимали те двое неприметных типов, то прежде чем Глеб что-то сказал, Тиша и сам частично успел заметить, как в парадные двери отеля выходили эти двое неприметных типов. А посмотрев в ведущие на улицу обрамляющие парадный вход стеклянные витражи, он смог увидеть отъезжающее от гостиничного крыльца такси, в котором свои места занимали уже знакомые лица людей в смокингах.

– Всё, вход свободен. – Сказал Глеб, поворачиваясь в сторону лифта.

– Только разве что посмотреть. – Пробубнил про себя Тиша, последовав вслед за Тишей к лифту. После чего они заполняют собой лифт и на вопрос лифтёра: «Какой этаж?», – на этот раз отвечает Глеб: Тринадцатый. – Конспиратор хренов. – Ухмыляется про себя Тиша, посмотрев на довольную физиономию Глеба.

Но вот их ноги вступили на мозаичную плитку вестибюля тринадцатого этажа, и как на этот раз показалось Тише, то его туфли оглушительно громко скрипят. И, наверное, спроси Глеба уже о его туфлях, то и он бы не стал отпираться в этом вопросе и заявил бы, что их тоже срочно необходимо обновить. Но его об этом никто не спросил, да и вообще, ему, как и Тише, сейчас было не до разговоров, и они, дождавшись когда дверцы лифта закроются, быстро разворачиваются в сторону лестницы, – а так они дезориентировали лифтёра, следуя по коридору куда-то вперёд, – и быстрым шагом идут к ней. После чего следует быстрый спуск вниз на этаж и они, оказавшись на лестничной площадке, на этом стартовом проходе, решают пока оглядеться и не спешить.

– Вроде бы никого. – С сомнением и волнением в голосе сказал Глеб, озираясь по сторонам.

– Что, это вроде настораживает? – Тиша в свою очередь видимо решил поиздеваться над не таким смелым Глебом. Но Глебу почему-то эти подколки Тиши не кажутся смешными, и вообще он считает их не своевременными. О чём он, впрочем, не спешит распространяться, ожидая от Тиши новой порции подколок, с помощью которых, он, по разумению Глеба, хочет сорвать всю им задуманную операцию по раскрытию загадки кейса. А это значит только одно, что Тиша сам безмерно трусит и даже, наверное, будет не против того, чтобы их кто-нибудь спугнул, а ещё лучше, опередил. И стоило только Глебу прийти к этой мысли, как со стороны того самого коридорного ответвления, где находился номер господина инкогнито с длинным носом, до них доносится еле различимый звук открывающихся дверей.

И, наверное, не находись на месте Глеба и Тиши они сами, – а они отличались от всех других тем, что их нервы находились в крайнем натяжении и любой, даже самый ультра тихо звучащий звук, они не могли не услышать, – то это движение чей-то скрытой души по откры-

ванию дверей, так и осталась между дверью и тем, кто её открывал. При этом, несмотря на то, что на этаже, а именно в этом коридорном ответвлении, находилось множество номеров, у наших героев не возникло и доли сомнения в том, что этот звук издавала именно та самая дверь. Так что не успела она открыться, как коридор был по-прежнему девственно чист, и ни одна нога незнакомца не могла смутить взгляд выглянувшего из проёма двери, мистера Дойля.

Ну а раз проход свободен, то мистер Дойль быстро выскальзывает в коридор, бережно до лёгкого щелчка замка прикрывает за собой дверь, после чего быстро поправляет оттопырившийся на себе пиджак костюма и быстрым шагом направляется в сторону лестницы. Где он вскоре и скрывается, спустившись вниз.

– Хорошо, что мы забрались наверх. – Тихо прошептал Тише Глеб.

– Ага. – Согласно кивнул ему Тиша.

– Я же тебе говорил, что на месте во всём разберёмся. – Сказал Глеб. На что Тиша хотел бы ему сказать пару мало разборчивых, но очень доходчивых слов, но прибытие лифта отвлекло их друг от друга, и они, прижавшись вначале к стеночке, принялись слушать.

– Кто это ещё? – кивнув в сторону лифта, выразительно одними глазами вопросил Тишу Глеб. И конечно Глеб нашёл кого спрашивать, – хотя в его случае без других вариантов, – и Тиша, находясь в таком же, как и он положении, мог бы с таким же успехом спросить его. К тому же, почему они так всполошились тоже не ясно, ведь на лифте мог приехать кто угодно, а не …А собственно кого они ожидали увидеть или прислушавшись услышать?

Ну а когда рождается столько вопросов, что даже не успеваешь осмыслить причину их возникновения, то начинаешь действовать спонтанно, и Тиша с Глебом, не сговариваясь, стоило только закрыться дверям лифта, как вытянув вперёд свои головы, начали потихоньку спускаться вниз, чтобы заглянув на этаж, развеять свои сомнения и догадки насчёт прибывшего лица.

И, наверное, на этот раз, им скорее всего не хотелось стать свидетелями каких-нибудь необычных событий, а вот успокоиться, увидев какую-нибудь несусветных размеров тётку или же подвыпившего престарелого господина, которые нагулявшись на воле, теперь решили занять свой номер и там поприбывать в самом себе, то это для них было в самый раз. Но Тиша и Глеб не входили в число архитекторов этой, да и своей жизни, и они вообще не были в курсе вселенских замыслов творца, а это значит одно, не им заниматься планированием событийности. Так что вместо огромных размеров тётки или подвыпившего джентльмена, их могло ожидать что угодно, но только не то, что они там себе надумали.

И поэтому увиденное ими, их в очередной раз, но только несказанно, а удивило. И хотя сам идущий по коридору неприметный господин, очень смахивающий на тех неприметных господ, которых ранее в ресторане приметили наши герои, ничем особенным не выделялся, всё же он их удивил. А удивил он их тем, что находилось в его руках – кейсом один в один похожим на кейс господина с длинным носом. Что заставляет Тишу и Глеба переглянуться и с немым вопросом обратиться друг к другу: Что всё это значит?

И понятно, что этот вопрос так и останется без ответа, что возвращает их взгляды вначале в сторону спины этого незнакомца, а затем резко обратно за угол – незнакомец, подойдя к той самой двери, решил по оглядываться по сторонам. После чего Тиша с Глебом слышат звук открывшейся и вновь закрывшейся двери, и пока, как они думали, что у них есть время, они после глубокого вздоха собрались было позадаваться безответными вопросами, как до них вновь доносится звук открывающейся двери, и они вынуждены вновь затаиться. После чего они интуитивно почувствовав, что на этом месте оставаться не безопасно, на носочках поднимаются вверх. И как вскоре выясняется, очень даже вовремя. А всё потому, что тот неприметный незнакомец решил воспользоваться лестницей и начал по ней спускаться.

Когда же звук от его шагов удалился вниз на столько, что Тиша и Глеб смогли не переживать за то, что их обнаружат, то они, посчитав, что здесь оставаться нет больше смысла, поднялись на тринадцатый этаж.

– Ну и что ты на всё это скажешь? – спросил Тишу Глеб, после того как он отдышался от своего нервного напряжения, в которое его вогнал последний посетитель номера человека с длинным носом. А что может сказать Тиша, кроме разве того, что он и сказал. – Дело принимает очень запутанный оборот. – И Глеб не может с этим не согласиться.

– Знаешь. – Обратился к Глебу Тиша. – Давай-ка сгоняем в свой номер. Быстро там освежимся и поедем на встречу. А там проветрим свои мысли и, пожалуй, на часть вопросов найдём ответ.

– Идёт. – Этот ответ Глеба оказался пророческим, а всё потому, что лифт и вправду пришёл, и открыл свои двери им навстречу.

Глава 7
Театральное закулисье

Парадный вход, несомненно, при всех своих плюсах, а тем более если при этом, при входе ещё постелен тот самый «алый путь», отчего у многих, тех кого ещё терзали сомнения насчёт себя и своего места в этом мире, в один момент при вступлении на него исчезает и тень всех этих размолвок своей души со своим разумением, и он уже видит себя самим богом, которому путь к сердцу простого люда с помощью фотовспышек открывают земные Гермесы, папарацци, заслуживает того, чтобы о нём можно было как следует поговорить. Но дело в том, что все эти разговоры, ведущиеся у парадного входа, так сказать не блещут разнообразием, как и сами звёзды на этих красных дорожках. И они всё больше скучны, слишком приторно дружелюбны и значит без сюжетны, и главное, формальны.

И что тогда спрашивается делать и куда податься человеку, до зуда в горле разговорчивому, который отчасти справедлив к себе и полностью к окружающим, где его устраивают только разговоры по душам, и не только по мёртвым. Что ж, этот вопрос не празден и всегда востребован в любой людской среде. И на него есть свой логичный ответ – для этого всего действа, есть не парадный, а чёрный вход, где не святящаяся обстановка, как раз даёт возможность быть более открытым и позволять себе то, чего бы ты никогда не позволил себе в парадной, на людях.

Так что ещё не так уж и ясно, какой вход, парадный или со стороны задворок, более значим. И если насчёт парадного входа, по большому счёту всё ясно, то тёмная, полная таинственности и секретов потайная сущность чёрного входа и, несущаяся из тёмных и прохладных дверей чёрного входа непредсказуемость и опасность, в свою очередь как раз и определяют эту парадную ясность.

В общем, можно предположить, что именно на основании всего этого, цветочницей, чья таинственная и местами загадочная натура вызывало немало вопросов, и было выбрано для встречи с Глебом это мрачное место, с задней, мало привлекательной стороны королевского театра. И ведь какой же поразительный контраст встретил их здесь, стоило им только завернуть с полного огней и радостных лиц прохожих проспекта, сюда за угол, в этот мрак, с парадной стороны необыкновенно красивого и светлого здания. И складывалось такое впечатление, что светлая сторона здания, своей светлостью как раз была обязана этой темноте своих задворок. И чем светлее выглядела парадная театра, тем в более мрачные и тёмные мысли погружались его задворки.

– Сурово. – Сказал Тиша, еле удержавшись на ногах, после того как споткнулся о неровность поверхности земли, которыми была испещрена вся задняя округа – земля здесь пребывала в своём естественном, натуральном виде.

– И не говори. – Стараясь дышать даже не через раз, а через фильтр мыслей, которые старались, но безуспешно, не пропускать местные запахи, сказал Глеб. – Правда и здесь есть свои плюсы.

– И какие же интересно? – остановившись на месте и, повернувшись к Глебу, с удивлением спросил его Тиша.

– Здесь не так шумно, как там, у фасада здания. – Сказал Глеб. И, пожалуй с этим, в общем-то, очевидным утверждением Глеба, Тиша не мог не согласиться – на парадных транспортных артериях больших городов, всегда так шумно и ярко, в особенности в их узловых точках, одной из которых являлся и королевский театр. И хотя во время премьеры почти всегда так, если конечно все билеты не скупили конкуренты постановщика спектакля, для того чтобы скормить его постановку жаждущим крови критикам, – а как себя ещё могут повести приглашённые на премьеру критики, если они как придурки только двое сидят в зале, – всё же на этот раз, как показалось нашим героям, внимание к премьере было чрезмерным, и почему-то в основном со стороны полицейских служб, которые окружили здание со всех сторон и, стоя на входе, проверяли всех подряд.

Из-за чего Тишу и Глеба посетила одна и та же мысль – главу департамента полиции обошли вниманием устроители этого шоу и не прислали лишний билетик на премьеру. Отчего он естественно расстроился и принял всё близко к сердцу – все главы полицейских департаментов большие театралы, где ещё как не у них в участках, ежедневно и еженощно, разыгрывается столько драм и трагедий – и решил таким образом напомнить о себе забывчивым устроителям этого шоу, что быть столь забывчивым в наше время, всегда чревато осложнениями.

Правда, когда к парадному входу подъехало целая кавалькада представительных лимузинов, то оттеснённые толпой в сторонку Тиша и Глеб, частично сменили своё мнение по поводу присутствия здесь такого большого количества полицейских чинов, и решили, что начальник полиции, до чего же коррумпированный гад. И он, войдя в сговор с постановщиком спектакля – и всё ради лишних, но зато на самые лучшие места, билетиков на себя и на всю свою многочисленную семью из двенадцати человек – таким шумным образом, с привлечением машин с мигалками, – а лимузины предоставили находящиеся на его крючке боссы мафии, – за счёт муниципалитета организовал его спектаклю шумную рекламную акцию.

– А всё-таки интересно, что сегодня дают здесь в театре. Ты афишу не видел? – спросил Глеба Тиша. Но Глеб не успевает дать свой не верный, с пищеварительным уклоном ответ, так как в их беседу неожиданно вмешивается женский голос и даёт свой ответ. – Его величество тщеславие или один день из жизни короля. – Что заставляет Тишу и Глеба оторопело замереть на месте. После чего они разворачиваются и, сконцентрировав свой взгляд туда, откуда донёсся этот голос, пытаются рассмотреть того, кто это сказал. И хотя вечерний небосклон сегодня полон звёзд, всё же мрачность этого места берёт своё и, собою оттеняя все эти звёздные проблески неба, не даёт уверенно, а не только силуэт, разглядеть хозяйку этого голоса.

Хозяйка голоса для Тиши, а для более информированного Глеба, та самая цветочница, скорее всего поняла, а может специально всё так предусмотрела, в каком находятся затруднении пришедшие к ней навстречу Глеб и Тиша, и чтобы лишнего времени, а заодно и слов не тратить, берёт и что-то щёлкаёт в своих руках. И не успевают наши герои в очередной раз подумать о том, чтобы это значило, как их всех осветил маленький, но горячий огонёк света, исходящий из горящей зажигалки в руках цветочницы. И теперь нашим героям становится видна, не только сама цветочница, но и то, что послужило такому её решению, таким образом перед ними представиться – от неё, при таком свете, глаз нельзя было отвести. При этом определённую таинственность придаёт ей надетая на глаза кружевная маскарадная маска, которая хоть и частично, а скрывает лицо цветочницы, но только не её полные притягательности глаза, в которые хочется смотреть и смотреть не переставая.

– Вы пунктуальны. – Сказала цветочница, глядя сквозь огонёк на пришедших.

– Раз вы об этом утверждаете, то могу предположить, что и вы заранее точны. – Сказал Глеб, предусмотрительно умолчав о сравнении себя с королевскими высочествами, которые в таком изысканном роде проявляют свою вежливость.

– Ну, совсем чуть-чуть. Чтобы быть на шаг впереди. – Улыбнулась цветочница. Что придало уверенности в себе у Глеба, и он решил, если не нагнать цветочницу, то, как минимум наступить ей на пятки. – Чтобы находиться впереди, нужно быть уверенным, как в себе, так и в тех, кто находится за спиной. А вы готовы нам довериться? – чуть наклонившись вперёд, спросил её Глеб.

– Во какой быстрый. – Засмеялась цветочница, неожиданно туша зажигалку, из-за чего для всех смотрящих на этот свет огонька не со стороны цветочницы, наступает временное ослепление. Когда же зрение, но только не мысли, Тиши и Глеба адаптировалось к окружающему свету, то цветочницы рядом с ними не было. И, наверное, сейчас бы от самого нетерпеливого, Тиши или Глеба, прозвучал бы вопрос: «Где она?», – но как сейчас же выясняется, то цветочница была куда преждевременней, чем они, и она, обратившись к ним: «И долго мне ещё оказывать вам столь необходимое вам доверие, стоя к вам спиной?», – быстро за них всё решила, заставив их поспешать вслед за ней.

А путь в неизвестность, всегда что-нибудь, с начальным затемнением смыслов и пути, интересное, а может и необычное да предполагает. Хотя неизвестность полнейшей не бывает, и о ней всегда что-нибудь, да известно, а иначе бы зачем вам себя подвергать испытанию всей этой неизвестностью, если вы о ней совсем ничего не знаете, и главное, что она вам в конце концов даст. Так что вполне было ожидаемо, правда, непонятно кем, разве что только если мыслить гипотетически, что путь в темноте за цветочницей будет извилист, тёмен и даже может быть опасен. Что, в общем, так, со своей относительностью и было.

И как говорится в таких, сопряжённых с темнотой случаях, то опасность ждала наших героев на каждом шагу. И всё потому, что они в отличие от их проводницы, цветочницы, совершенно не знали куда вступают и где нужно преклонить голову, чтобы не треснуться своей длинной башкой о низкий проход. И если за нижнюю неуклюжесть своего тела, в частности ног, всё больше чертыхался Тиша, умеющий вступить именно туда, куда не стоило бы, то более рослый Глеб, естественно не мог пройти незамеченным мимо низко свисавших перегоревших ламп и другого рода низко подвешенного оборудования для проверки крепости ваших лбов.

Ну а так как голова всё же находится ближе к центру принятия решений, чем ноги, то не должно вызывать удивления то, что Глеб более нервно реагировал на то, что его голова в очередной раз не прошла в этот низкий дверной проход. В результате чего, вслед за тупым звуком, со стороны Глеба звучат требования отправить этот косяк на переделки к мастеру на все руки, в преисподнею. – Чёрт возьми.

– Слышу-слышу, что вы ещё не потерялись. – Смеётся в ответ впереди идущая цветочница, своим смехом мгновенно заживляя раны на лбу Глеба, который готов ради этого смеха поразбивать себе не только лоб.

Но вот постепенно начинает хоть что-то проясняться – где-то вдалеке завиднелся свет, с сопутствующим ему шумом, что в любом случае приободряет. А когда появившийся свет для идущих по этому тёмному коридору путников, очертил собой или вернее сказать, осветил путь и заодно спину впереди идущей цветочницы, то они уже могли делать для себя, но только про себя, замечания по поводу того, где они, чёрт возьми, оказались. Правда окружающая обстановка не отличалась большим разнообразием и состояла всё сплошь из теней отбрасываемых какими-нибудь предметами интерьера, и это наводило больше скуку, нежели интерес.

А ведь между прочим, если достаточно продолжительное время таким образом скучать, то ты даже будучи на ногах и так сказать в движении, вполне можешь впасть в умственную прострацию и немного под уснуть на ходу. И, наверное, ещё чуть-чуть и размеренность хода привела бы наших героев не туда, куда их вела цветочница, а скажем так, в свою сонную сказку,

где, как правило, окончание одно – время звоном часов отмеряет себя, и карета превращается в тыкву, а ты разбиваешь свой нос или лоб об стену или пол – но видимо длина этого коридора была так отмерена, чтобы на самом интересном месте не дать уснуть путнику.

И стоило только нашим путникам задумчиво, на одно мгновение прикрыть глаза, как к их полной неожиданности, перед ними открывается дверь, и они из-за яркого света ударившего им в глаза, вновь на время ничего не видят, кроме тёмного силуэта стоящей впереди них цветочницы. Когда же их глаза пообвыклись и были готовы во все себя посмотреть по сторонам и оценить окружающее по степени опасности, а уж затем привлекательности для себя, то на их пути встаёт всё та же цветочница. И она не просто стоит к ним спиной, закрывая собою обзор на окружающее, что легко решаемо, а она берёт и как в каком-то кружащем танце, к ним оборачивается, и опять же не самым обыкновенным образом, а умудрившись в этом кружащемся повороте отцепить от себя свою накидку.

Ну а когда цветочница таким образом оказалась лицом к лицу к нашим героям, то их в очередной раз постигло ослепление, ну и заодно умопомрачение, на этот раз уже при ослепительном виде, совсем ли, цветочницы ли.

– Ну, что скажите? – задалась вопросом цветочница, пытаясь спасти онемевших друзей от забытья, в котором они начали пребывать, после того как цветочница не сдержалась и показала себя перед ними во всём своём царственном великолепии – на ней был, что и говорить, а царственный наряд, в котором в эпоху короля-солнце блистали принцессы.

– Как будто и сами не знаете, что у нас просто нет слов. – Ответом цветочнице послужил потупленный взор наших героев. Что в какой другой раз и устроило цветочницу, да и кого другого, но сейчас у неё на это много времени не было и цветочница, решив, что на этом достаточно, поднимает с пола накидку и надевает её на себя. После чего она обращается к Глебу, как к более благоразумному – трудно понять, почему она так решила, может из-за того, что его рот в отличие от Тишиного был прикрыт. – Долго ещё будем молчать? – спросила его цветочница. Но к удивлению цветочницы и даже Глеба, ей ответил Тиша.

– А мы сейчас где? – спросил её Тиша. И видимо Тиша ещё не совсем пришёл в себя, раз он задаётся таким, с очевидным ответом вопросом. Ведь если они вошли в театр, и неважно с какой его стороны, то где они ещё могли оказаться, как не в театре. Правда, план с подземным ходом в какой-нибудь полный резервов банк, тоже нельзя исключать. Ну, тогда такая вопросительная заинтересованность Тиши, вполне оправдана – прежде чем тебя нагрузят мешками с деньгами, не будет лишним узнать, за что тебе впоследствии отбывать наказание.

Но цветочница видимо ещё решила присмотреться к своим новым подельникам и поэтому не спешит радовать Тишу и Глеба тем, что они в банке. К тому же она может быть ещё хочет поторговаться, и вместо этой косвенной очевидности, сбивая их разумения своей очаровательной улыбкой, с долей сарказма говорит: Разве вы ещё не поняли?

А как они могут что-либо понять, если кроме неё больше ничего не видят и пока не могут видеть. Что заставляет их на этот раз посмотреть по сторонам, благо цветочница сместилась немного в сторону.

Ну вот они быстро всё осмотрели и надо сказать, что только огромный занавес, служащий разделительной чертой между чем-то там за ним неизвестным и этой большой площадкой наполненной всяческого народу – они только сейчас осознали, что они здесь не просто не одни, а находятся чуть с краю от гущи броуновского, людского движения – и каких-то, трудно понять с какой смысловой целью установленных конструкций, мог бы служить косвенной уликой для доказательства этих слишком самоуверенных утверждений цветочницы. А ведь её личность, несмотря на её безоговорочную привлекательность, ещё никем и даже ею не подтверждена, и не может служить конечной инстанцией истины.

Хотя Глеб, да и частично Тиша, люди довольно легковерные, чем нередко пользуются люди своевременно для себя узнавшие об этих их качествах, и они всё-таки готовы поверить

первой встречной красавице. И раз цветочница утверждает, что это театр, то путь будет так. При этом наши герои не слегка сомневаются в этом, они-то знают, что театр это мягкое сидение кресла под тобой и яркая сцена перед тобой, где радуют тебя, провоцируют на смех или слёзы, искрят своими талантами актёры, а тут ничего похожего даже не наблюдается.

Да и к тому же они слышали, что любой театр начинается с вешалки, а судя по тому, что накидка с цветочницы слетела и приземлилась на пол, а не на театральную вешалку, то здесь скорей всего вешалок не наблюдается. И тогда спрашивается, а имеет ли это заведение, даже если оно по всем параметрам, и в нём даже имеются актёры и режиссер, смахивает на театр, божественное право называться театром, а не балаганом, на которые смахивают многие их постановки и эти сборища людей называющих себя труппой? От слова труп что ли?

Но всё это такие вопросы, которые живут своей актуальностью вне времени, а наши герои этим не могут похвастаться и им, пока они не обрели все эти качества бога, нужно контролировать своё время. Ну и Тиша, дабы поддержать цветочницу, спрашивает её. – Вы сказали, что сегодняшняя пьеса ставится по мотивам жизни королей. – Чем сразу показывает себя серьёзным и сведущим театралом, и скорей всего в той части театральной жизни, которая отвечает за комедийные постановки. А иначе как можно объяснить факт расплескавшейся на лице цветочницы радостной улыбки.

– Вы очень точно подметили, – со смешком ответила цветочница, – сказав по мотивам жизни королей.

Тиша между тем почему-то обиделся на такой ответ цветочницы, и он с некоторой язвительностью спрашивает её. – А вы, наверное, таким образом приобщаетесь, а может быть даже и готовитесь к царственной жизни? – На что цветочница имела полное право на обиду и суровый взгляд на этого Тишу, но она пропустила этот его словесный укол и смиренно сказала. – Всё может быть. – Чем заставила Тишу пожалеть о своих сказанных словах. И он чтобы как-то устранить возникшую неловкость, спрашивает цветочницу. – Так вы тоже принимаете участие в постановке?

– Можно и так сказать. – Туманно ответила цветочница.

– А я знаю, даже кого вы играете. – На этот раз влез в разговор заскучавший Глеб.

– А я знаю даже больше, – усмехнулась цветочница (а с этим никто спорить не собирается, это и так понятно, но только если это не касается тех областей науки, где силён Глеб – в компьютерные играх), – и могу предположить, на кого вы намекаете.

– Ах, вот она про что! – мог бы ахнуть непроходимый тупица, но Глеб и Тиша не относились к ним никак, и поэтому не ахнули, а Глеб сказал. – Мне кажется, что вам не представляет большого труда и даже не нужно слов, чтобы играть принцессу.

– Честно сказать, вы своим заявлением поставили меня в довольно затруднительное положение. – Нахмурившись сказала цветочница, затем немного подумала и, глядя на вдруг испугавшегося Глеба, сказала. – Ладно, уговорили, – цветочница, улыбнувшись, вернула к жизни Глеба, – вы же не видели, как я играю и на что я способна, а значит, имели право на такое своё претенциозное мнение.

– Ну а что насчёт других. – Вновь взял слово Тиша, тем самым решив сгладить неровности разговора. – Они не испытывают проблем для того чтобы вжиться в роль царственных лиц. Ведь королевских примеров для подражания практически не осталось.

– Ну, подражать здесь действительно нечему, а что касается наглядности, что скорей всего вы имели в виду, то посмотрите вон туда. – Сказала цветочница и, повернувшись в сторону занавеса, кивнула в дальний от них угол со стороны занавеса, где скопилось несколько лиц в царственных одеждах, которые поочередно, слегка отодвинув занавес, заглядывали в образовавшуюся щель. После же того, как заглянувший в это открытое для себя пространство, как например человек под маской великого монарха Карла Великого, наполнялся тем, что он там

увидел, то он возвращался к своим коллегам монархам уже не таким, каким он был прежде, а с застывшим на лице впечатлением и частичным отражением увиденного.

Ну а его коллеги монархи, особенно один, похожий на короля Ричарда Львиное сердце – он слишком отважно смотрел на своих коллег монархов и беспощадно пускал им дым в глаза из своей сигары, и при этом никто ничего не мог сказать против его огромных кулаков – как только монарх-коллега оборачивался от щели в занавесе к ним с застывшим лицом, то тут же приступали к его критическому обсуждению.

При этом надо понимать, что прежнее величие нынче не в чести и даже оспаривается потомками. Да и сегодняшний монарх, честно сказать поизмельчал и не готов рубить с плеча пойманных на чём-нибудь предосудительном своих подданных. И понятно, что Ричард Львиное сердце, как плоть от плоти своего, а не того времени, не питает ни малейшего уважения к столь великому монарху, каким считался Карл.

– Ну, халтура. – Используя чуждый монархам язык и связанный с копипастой огрех, заявлял Ричард, не только Львиное, но и бессердечное к своим коллегам-монархам сердце (вот такой парадокс). – У принца хоть и рожа паскудна, но всё же в ней есть то достоинство, которого в твоей роже полной конформизма, этого только подобия, а не искренности, ни капли нет. А вот протухшего портвейна, сколько угодно, и им до сих пор от тебя несёт. – Как всегда Ричард начал своеобразно своему видению переходить на личности, что мало кому понравится, и усугубляет в ещё более тусклую, совершенно не авторитетную сторону выражение лица монарха Карл Великого, который уже решил про себя, с помощью заговора свергнуть с престола этого невыносимого Ричарда в статисты. Благо режиссёр так же сильно, как и он любит портвейн в себе, а не как некоторые, себя в портвейне – все знали не сдержанную натуру Ричарда, который ни в чём не знал удержу, в том числе и смаковании столь благородного напитка королей, портвейна. В результате всё для него заканчивалось как всегда, под столом, весь в портвейне, а для всех других печально – Ричард прежде чем таким образом успокоиться, успокоил кулаком нескольких коллег-монархов.

– Да оттого-то, что он не король, а принц, у меня ничего и не выходит. – Накуксился Карл.

– Плохому танцору, всегда что-нибудь да мешает, даже если он кастрат. – Ричард этим своим похабным заявлением, прямо-таки оглушил Карла, чего не скажешь о стоящих рядом с ним коллегах-монархах, которые в своём веселье поддержали Ричарда.

– А ну, отвали. – Отогнав в сторону Карла, Ричард занимает место у занавеса, затем приоткрывает его, и заглядывает в появившуюся щель.

– И на кого они все там смотрят? – спросил цветочницу Тиша.

– На присутствующую сегодня на премьере королевскую чету. – Ответила цветочница.

– А! Впитывают в себя царственного величия. – Догадался Тиша.

– Отливают в лице и сердце самодержность. – Уточнил Глеб.

– Скорее уподобляются. – А вот ответ цветочницы прозвучал даже как-то очень язвительно, вызвав удивление на лицах Глеба и Тиши. Но цветочница не заметила этих их взглядов, да и Ричард вернулся из внешних пределов занавеса, зрительного зала, и требовал от коллег-монархов для себя объективности.

– Только не врать! А то я знаю ваши завистливые души. – Грозно предупредил своих коллег-монархов Ричард, сурово посмотрев на них из под своего вздёрнутого в самые небеса носа.

– Одно могу сказать. Хорош. – Сделал заключение самый высокий монарх из всех известных режиссёру этой своей постановки Селебрити, Пётр. Правда у извечного антагониста режиссёра, автора пьесы, Успешного, на этот счёт было другое мнение, и он, отталкиваясь от основанных на достоверных фактах исторических источников, изначально прописал в своей пьесе другого монарха, Николая первого, который по всем метрическим сведениям, был выше своего предшественника Петра. Но разве возможно в чём-то оспорить режиссёра, да ещё

такого новомодного, как Селебрити, у которого в поклонниках ходит весь бомонд. Да никогда. У него на всё есть своё режиссёрское видение.

– Что ты мне тут пургу втуляешь. – Перейдя на более понятный для обычных людей язык, режиссёр в одно мгновение поставил на своё место, ещё сука пытающегося отстаивать своё авторское право, драматурга Успешного, который своей фамилией и тем, что она олицетворяет, всецело обязан режиссёру Селебрити. А начавший хорошо питаться в ресторанах, а не у себя на кухне Успешный, об этом понятно что стал забывать и начал дерзко прекословить своему благодетелю, который вытащил его из дерьма неизвестности.

– И мне плевать, что там пишется в этих энциклопедиях. У меня свой художественный взгляд на высоту человека, а тем более на монарха. И физические достоинства здесь не самое главное. Внутренний рост гораздо весомее, нежели все эти физические совершенства. И Пётр в отличие от Николая, который может быть по физическим параметрам и был выше, тем не менее оказался его выше. Ему хватило своего роста, для того чтобы возвыситься над собой и заглянув за границы своего самодержавия, увидеть просвещённую жизнь. Ты понял? – бесцеремонно ухватив Успешного за ворот его рубахи, зло заявил Селебрити. Но видимо режиссёр слишком сильно перехватил через рубаху горло Успешного, или же он всё же имел лестные предложения от других режиссёров, но так или иначе, а Успешный проявил упрямство и, покраснев лицом, только выкатив из орбит свои глаза, мычал.

Что, конечно, не может удовлетворённо восприняться режиссёром Селебрити, и он со взглядом ненависти, второй рукой начинает накручивать вокруг неё галстук Успешного. Когда же предел галстука обозначен на руке Селебрити, он задаёт последний, контрольный вопрос. – Так что ты решил. Быть успешным драматургом или не быть им, записавшись в публицисты. – Что и говорить, а умеет режиссёр Селебрити найти подход к человеческой душе, а тем более к драматургической – так он, взяв в попутчики Гамлета, с его вечно актуальным вопросом, тем самым убедил Успешного в том, что без драматургии он, даже отпусти Селебрити его галстук, задохнётся.

Но давайте вернёмся к происходящему на этом пятачке театральной площадки.

– Ты уверен? – задался вопросом подозрительный Ричард, зная, что в таком деле, даже самому себе доверять нет особого смысла.

– Да ты хоть кого, да того же Луи спроси. – Пётр ловко перевёл стрелки на побледневшего от такой большой ответственности, Людовика самого последнего. И хотя у Людовика последнего которого знал режиссёр, судьба довольно трагичная, – впрочем, как и у всех монархов, даже если они ушли на покой по собственной воле и в тёплой постели, отчего даже возникает вопрос, а почему так, они что, так отмечены судьбой? – он почему-то не смирился со своей ролью, а так сказать, переживает за себя, и пытается не способствовать, а ставить палки в колёса судьбы.

В общем, ловкий прохиндей, а не монарх, чья богоизбранность должна быть определена самой судьбой, а не хитросплетениями обстоятельств жизни, с её заговорами и интригами, только благодаря которым, ну и по политическим соображениям, уже по соображением некоторых халтурщиков-актёров, и возносятся в такие тронные небеса некоторые монархи. Ну а когда в актёрской голове присутствуют такие провокационные мысли, разве он, играя какого-нибудь монарха, способен передать через свою актёрскую игру монументальную содержательность самодержавия. Конечно, нет! А вот посеять в головах зрителей недоверие к царственному величию, то очень даже может – а потом удивляются тому, откуда появляются все эти революции.

И, наверное, не зря режиссер Селебрити поставил столь самовольно мыслящего актёра на эту роль последнего царственного Людовика, который вполне возможно, а также по замыслу гениального, с жилкой провидца режиссёра (тогда всё не зря), переосмыслил своё я и склонил свою голову перед топором революции, гильотиной.

Но как говорилось выше, то Людовик последний, был больше склонен к увиливанию от ответов, нежели подставлять свою шею для этого, и он, когда его таким образом застали врасплох, то в первую очередь конечно хотел сослаться на то, что его зовёт режиссёр и быстро покинуть это место. Но учитывая то, что сейчас в его противниках значатся столь опасные монархи, высокорослый монарх Пётр и неимоверно быстрый на расправу Ричард, то побег не решит, а только усугубит его положение. И Людовик последний по режиссёрским меркам, проглотив набежавшую слюну, решается на ответ.

– В вашем монаршем случае, зависть с нашей стороны к вашему царственном положению, это есть подчёркивающий факт вашего величия. – Сказал Людовик последний. Что и говорить, а такой ответ Людовика последнего определённо удивил Ричард. И он, внимательно посмотрев на Людовика, ухмыльнувшись, сказал:

– Да ты никак на роль Тартюфа пробуешься? – И понурый взгляд Людовика последнего был ему ответом.

Между тем, и нашим героям тоже захотелось заглянуть за занавес, и цветочница, уловив эти их взгляды желания, берёт инициативу в свои руки и со своей стороны театральных подмостков, подводит их к занавесу. После чего ею слегка приоткрывается занавес, куда вначале заглядывает она сама, а уж после того как она там быстро осмотрелась, то с её стороны поступает предложение Тише. – Присоединяйтесь. – Отодвинувшись от занавеса, пропуская Тишу, сказала цветочница. – Обратите своё внимание на прямо перед вами находящуюся лоджию на втором ярусе. И только смотрите, но не заглядывайтесь. – С усмешкой сказала цветочница.

Когда же Тиша занял своё место на этом наблюдательном посту, то обойдённый цветочницей в плане первенства Глеб, хотел через свой выразительный взгляд на неё, показать ей, что он не слишком доволен такой избирательностью цветочницы, но стоило ему только посмотреть на неё, то он тут же понял насколько он ошибался на её улыбающийся ему счёт. И теперь Глеб глядя на неё, а она ему отвечала тем же, и думать ни о чём другом не хотел и не мог, кроме как улыбаться ей. Правда этот Тиша, как оказывается, слишком поспешен в своих действиях и уже вернулся назад, и готов уступить своё место Глебу у занавеса. Но что там такого не видел для себя Глеб, если здесь есть всё, что для него и для всей его последующей жизни нужно. О чём бы он и сказал, но не сейчас и не здесь («Лучше всего там, в темноте коридоров», – подумал Глеб, замыслив про себя нечто неспокойное), а как только для этого будет подходящий случай.

И Глеб, так уж и быть, меняется местами с Тишей и прежде чем заглянуть за занавес, сурово смотрит на Тишу, затем на слишком улыбчивую цветочницу («Могла бы хоть немного погрустнеть или сделать вид, всё же расстаёмся взглядами», – с замиранием сердца подумал Глеб), после чего вновь, но уже с подозрением на Тишу, слишком много себе позволяющего во взглядах на цветочницу, смотрит на него, и только после этого заглядывает за занавес.

Ну а там вот так сразу и не разберёшься, что происходит, и не поймёшь, что видишь. И только после того как взгляд Глеба, выхватив из общего плана самую отличительную и главное, чтобы она не шевелилась, подробность – огромную, лысую как бильярдный шар голову, какого-то представительного господина, который был настолько монументален в своём спящем положении, что в самый раз подходил в качестве точки отсчёта, своего рода репер, для взглядов Глеба – он мог спокойно начинать осмотр, не боясь, что потеряется. И конечно Глебу в голову тут же пришла, правда непонятно к какой такой кстати, мысль о точке опоры, о которой так мечтал Архимед.

– Как естествознатель, он был ничего, а вот как философ, то слабоват. – Такого мнения придерживался Глеб о возможностях Архимеда. – Главная точка опоры у тебя в голове, и искать её вовне, глупое занятие. – Уперевшись взглядом в этого бильярдного господина, подумал Глеб о том, куда и до чего может довести эта точка опоры. – Несомненно, до ручки. – Сделал вывод Глеб, без уточнения до какой ручки, писательской или до фигуральной, что не имеет большого значения, так как они всё равно общий итог безрассудного опыта жизни. После чего

он, постепенно перемещаясь по рядам и занимающим их лицам господ зрителей, добрался до последнего ряда и начал свой подъём вверх на балкон. Где вдруг, к полной своей неожиданности, натыкается на направленный на себя бинокль. Отчего Глеб в то же мгновение стремительно одёргивает себя от занавеса и, прикрыв его руками, поворачивается к ожидающим его Тише и цветочнице. Где последняя, заметив, что Глеб чем-то всполошился, спрашивает его:

– Что-то не так?

– Кажется, меня там заметили. – С усмешкой сказал Глеб.

– Публичность страшит. – Улыбнулась в ответ цветочница.

– Вроде того. – Сказал Глеб.

– Понятно. Но вы увидели то, что хотели? – спросила цветочница.

– Я честно сказать, такой целью не задавался. – Сказал Глеб.

– Интересно. – Пристально посмотрев на Глеба, сказала цветочница. Затем немного задержала на нём свой взгляд и спросила. – А что вы всё же там увидели? Или точнее спрошу, что вы там смогли для себя выделить?

– Ничего. – После небольшой паузы, пожав плечами, сказал Глеб. – Хотя одна, бильярдного вида башка, настаивала на том, чтобы я её выделил. – Рассмеявшись, сказал Глеб.

– Знаю такую. – Улыбнулась в ответ цветочница, после чего она поворачивается к как оказывается расстроенному чем-то Тише и, посмотрев на него внимательно, говорит:

– А вас можно и не спрашивать, но я всё же спрошу. Вы их увидели?

– Увидел. – Без настроения сказал Тиша.

– И? – вытянув лицо, коротко спросила цветочница.

– Лучше бы не видел. – С тяжёлым выдохом ответил Тиша.

– А вот здесь вы ошибаетесь. Лучше видеть, чем догадываться. – Сказала цветочница.

– Может и так. – Сказал Тиша.

– Я что-то не пойму, о чём это вы. – На этом месте в разговор вмешался Глеб, который находился в полном непонимании того, как так быстро Тиша и цветочница нашли для себя общий и непонятный для него язык. Ну а Тиша неисправим и он продолжает придерживаться достаточно высокого мнения об умственных качествах Глеба, раз не раскладывает для него всё по полочкам, а используя только местоимения, многозначительно говорит ему. – Они тоже там.

А ведь за этими они, мог, кто угодно стоять, хотя скорее сидеть, если они находятся в зрительном зале. И попробуй тут сообрази, кто из много миллиардного народонаселения планеты, мог скрываться под этим они. Хотя конечно, Глеб несколько сгущает краски и за этими они могли сидеть не все кто угодно, а лишь общие его с Тишей знакомые, и при этом обязательно с билетами – безбилетники могли только стоять и то только в качестве театрального персонала.

– Ну а так как здесь в городе, у нас знакомых не слишком много и все они только недавно стали знакомыми. – Глеб начал судорожно размышлять, в поиске ответов на это заявление Тиши. – При этом все наши общие знакомые настолько нам знакомы, что мы об их именах можем только догадываться и, пожалуй, использование местоимения вместо имени к ним будет вполне обоснованным решением со стороны Тиши. Да уж, задал он мне задачку. – Заволновался Глеб, почувствовав, что упёрся в безответный тупик. Но искоса брошенный им взгляд на цветочницу, каким-то образом вдохновляет его, и Глеб находит для себя ответ.

– И как же я раньше не догадался. – Ахнул про себя Глеб, поразившись тому, как он был слеп, не видя лежащей на поверхности отгадки. – Если все наши знакомые, по своей знакомости носят местоимения вместо имён, то для нас было бы логичным называть их по своим отличительным примечательностям, выдуманным именам, тогда как тех знакомых, кого мы знали по именам, то к ним как раз и применимо использование местоимений. А знаем мы здесь по именам только Анни и Дрейка. Так вот кого он увидел в зале. – Глеб даже слегка потемнел лицом, представив этого, ещё и театрала, Дрейка.

– Он значит, драмы любит. – Со стальными нотками в голосе сказал Глеб. – Тогда мы ему организуем драму событий. – С чем скорее всего, полностью готов был согласиться и Тиша, но он не успевает как-то это выразить, а всё потому, что у него нет чёткого плана или того же драматического сценария, который следует проводить по отношению к заслужившему его Дрейку, а вот у цветочницы по всей видимости что-то подобное есть, и она привлекает внимание к себе, заявив:

– По этой причине, вы и находитесь здесь.

– Внимательно! – одним таким словом можно описать выражения лиц Тиши и Глеба, когда они одновременно перевели свои взгляды на цветочницу. Но цветочница видимо не зря так близко находится к этим театральным подмосткам, – здесь один дух лицедейства чего стоит, – и она, хоть пока ещё не ясно, хорошая актриса ли, тем не менее, но уже много чего для себя подчеркнула. Так она, добившись от зрителя необходимого внимания, что естественно и многим знакомо, начинает вовсю этим пользоваться. И вместо того, чтобы всё обстоятельно и подробно для её слушателей объяснить, пускается в свои иносказания. И не просто так, а с тщательным уверением своих слушателей в необходимости во всём довериться ей.

– Если хотите, чтобы этот господин получил по заслугам, то я готова вам в этом помочь. – Сказала кардинально изменившаяся в серьёзную сторону цветочница.

– О вашем интересе мы, как я понимаю, можем только догадываться. – Имея полное право на сомнения, спросил её Тиша.

– Я не думаю, что знания в этом вопросе, приблизят нас к общей цели. – Сказала цветочница. С чем совершенно не был согласен Глеб, предпочитавший знать конкретику, а не домысливать при его-то огромном воображении, которое его может так далеко завести, что ему будет трудно не испытывать злость, а значит расстроенность, всегда его приводящую к непредсказуемым результатам. Правда если совершённые Дрейком поступки, за которые от него требуют ответа, будут слишком безответственными, то и в этом случае Глеб не сможет за себя ручаться и, пожалуй, распустит руки. Так что будет лучше, если Глеб останется в состоянии не согласия.

– А теперь к делу. – Говорит цветочница, поворачивается и подходит к занавесу, затем отодвигает занавес, и рукой подзывает обоих героев. Когда же Тиша и приткнувшийся к нему Глеб, оказавшись рядом с цветочницей, со своего места заглянули в образовавшуюся щель, то цветочница указующе им сказала. – А теперь найдите наш репер, ту бильярдного вида лысую башку господина Храмского. – Цветочница посмотрела на своих спутников и, обнаружив по их взглядам, что они как вроде, обнаружили эту точку отсчёта, продолжила говорить. – А теперь отсчитайте от него влево четыре места. – Всех погружает небольшая пауза, необходимая для того чтобы проделать эти арифметические действия. – А теперь от этого места отсчитайте два ряда назад. Отсчитали? – На этот раз цветочница посчитала нужным, более утвердительно убедиться, что подсчёт произведён. Когда же Тиша и Глеб, удерживая свой взгляд на объекте наблюдения, утвердительно кивнули ей, то она задаётся вопросом:

– Видите этого господина?

И наши герои не только видят этого указанного цветочницей господина, но и заодно уже, почему-то испытывают к нему чувства отвратительного свойства (При всём при этом, этот тип показался Тише и Глебу чрезвычайно знакомым, что они совершенно не могли вспомнить, где они могли его раньше видеть. – Наверное, собирательный образ негодяя, подлеца и недостойного красивых дам типа. – Решил Глеб). Что невозможно скрыть на своём лице, когда они переводят свои недоумённые взгляды на цветочницу. Цветочница же всё отлично видит и, пожав своими плечиками, как будто оправдываясь, говорит. – Реальность такова, что не мы выбираем для себя поклонников, а они нас. И тут ничего не поделаешь, приходится мириться.

– Даваемая характеристика человеку: «У него отличный вкус», – есть всего лишь отсылка к его потребительскому отношению к жизни и больше ничего нравственного, на чём настаивают эстеты по жизни. – Зло сказал Глеб.

– Но не смиряться?! – в свою очередь вопросительно спросил и поглядел на цветочницу Тиша.

– Вот с этим вы мне, я надеюсь, – цветочница с надеждой в глазах посмотрела на Тишу и Глеба, – и поможете. – И ответ можно было даже не сомневаться, был положителен. Правда Тиша позволил себе вопросительные уточнения. – А какая между ними связь?

– Связь? – задумчиво вопросила саму себя цветочница. – Скажу так. Он ключ ко всему. И если нам удастся обнаружить эту их связь, то тогда мы со своей задачей справимся.

– Звучит не совсем понятно. – Сказал Тиша.

– Я знаю. – Засмеялась в ответ цветочница.

– И что в таком случае будем дальше делать? – спросил Глеб.

– Сейчас скажу. – Почесав свой носик пальцем руки, сказала цветочница. И она бы, наверное, сейчас и сказала, но театр всё-таки живёт по своему времени и, прозвучавший первый звонок, так сказать несоизмеримо с прежним вялым течением, ускорил жизнь людей в этом закулисном мире, заставив цветочницу обратить внимание на появившегося со стороны декораций, величаво и слегка интеллектуально, и всё благодаря своим в синей оправе очкам и завязанному в такую-то жару шарфике на шее, выглядящего господина, как потом выяснилось, режиссёра Селебрити.

– Да что ты будешь делать! – возмущённо выдохнула цветочница, бросив взгляд куда-то вверх. – Вечно времени не хватает. – Цветочница перевела свой взгляд на Тишу и Глеба. – Что же теперь делать, мы ведь так ни о чём не договорились? – всё же риторически, а не как-нибудь иначе спросила цветочница своих визави, продолжая глядеть на них. Ну а они, являясь приглашённой стороной, конечно, следовали в фарватере её решений, и у них было больше вопросов, чем ответов на них.

– Ладно, разберёмся. – Сказала цветочница, похлопав руками свою накидку. – Так. Здесь нам больше не стоит оставаться. – Быстро выговорила цветочница, и под недоумёнными взглядами Селебрити, быстро выдвинувшись в обратную сторону тёмных коридоров, откуда они ранее пришли. Когда же они очень скоро, что при таком-то расстоянии, раз, два и три, легко пройти, достигли той самой двери, служащей образным порталом перехода из одной театральной реальности, в другую, уводящую от этой театральной в бытовую реальность, переходную, опять же реальность, то цветочница каким-то необъяснимым для Глеба образом (а он всего себя противопоставлял такому стечению обстоятельств), оказавшись лицом к лицу к Тише, говорит ему:

– Сегодня вечером, после окончания спектакля, все, – цветочница многозначительно смотрит на Тишу, – будут в ресторане Ритц. Там я буду с этим моим поклонником, бароном Питковским. Так что ваша помощь мне очень понадобится. Так я могу рассчитывать на вас? – ещё раз спросила цветочница, на этот раз обращаясь уже ко всем. И конечно она может рассчитывать на них, даже несмотря на то, что ничего толком не объяснила. Впрочем, цветочница это и сама отлично понимает и поэтому она вытаскивает из секретного кармашка платья небольшой телефон и, протянув его Тише, говорит:

– Вот держите телефон. Я позвоню по нему и проинструктирую вас по поводу наших будущих совместных действий. – И только Тиша берёт этот телефон, как цветочница, кивнув Глебу, разворачивается и уже готова скрыться от них, но Тиша очень вовремя спохватывается и вслед ей кричит. – А как к вам обращаться?

– Аннет! – звучит ответ цветочницы до сих пор в голове Глеба, который сославшись на свою более лучшую коммуникабельность, быстрым маневром перехватил телефон из рук Тиши и, теперь заняв рядом с Тишей место на одной из скамеек бульвара напротив парадного входа в театр, разбавлял свою уверенность в удачном исходе некого своего секретного дела, всегда в этом месте возникающими сомнениями. Ну и конечно, как в таком деле не обойтись без совета от ещё больше сомневающегося в себе друга.

– Как думаешь. – Глеб обратился к своему очень занятому другу Тише, который занимался балансировкой своей ноги усаженной на колени своей напарницы. – Что её могло связывать с этим Дрейком, чёрной бородой?

– Своя история. – Туманно, а вернее просто бессмысленно ответил Тиша. Что совершенно не может устроить Глеба и он, пытается аргументировано разбить это, конечно глупое утверждение Тиши.

– Не все встречи заслуживают того, чтобы так называться. Некоторые встречи служат именно для того, чтобы подготовить те необходимые обстоятельства, служащие фундаментом для возникновения новых историй жизни, с их любовью к ней и ко всем её обстоятельствам. Вот такая круговерть любви и жизни получается. – Не менее запутанно сказал Глеб.

– Я понимаю, что ты хочешь себя в чём-то успокоить. – Сказал Тиша, вернув ногу в исходное положение, на землю. – Но как друг тебе говорю. У тебя ничего не получится. Хотя эта наша заочная встреча с этим поклонником Аннетт, совсем не зря произошла, и скорей всего приведёт к возникновению своей истории.

– Наверное. – С сомнением сказал Глеб.

– И теперь мы можем сами сотворить свою собственную историю. – Сказал Тиша.

– А вот это меня убеждает. – Отвечает Глеб, переведя свой взгляд со своих мыслей на внешнее, на парадный вход театра, в котором с некоторых пор стало для них ясно, что не могло не появиться знакомое лицо одного из тех типов, теперь уже в смокингах.

Глава 8. 1
Театральное фойе

– Он остался верен себе. И прибыл инкогнито прямо из самого Санкт-Петербурга. – Остановившись у одной из колонн в театральном фойе, тихо проговорил своему спутнику лорду Лабану Ротинг, указывая куда-то в сторону центра фойе, где и скопилась основная масса гуляющих во время антракта господ и их леди.

При этом надо понимать, что в такого рода общественных местах, каким является театр, где на премьере спектакля новомодного режиссёра, всегда полно самой, что ни на есть первостатейной великосветской публики, иногда ничего не стоит потеряться и перепутать свою леди и наоборот, и оказаться в ближайших ручных отношениях с другой леди или господином. Чем видимо и пользуются многие из прибывших сюда на премьеру всеми уважаемые господа, которые и рады бы так не путаться и ошибаться, но что поделаешь, раз такова жизнь со своим законами неразберихи. Тем более, это только на один только вечер, а завтра, а некоторые наиболее ответственные перед своими слишком стервозными супругами даже сегодня, всё вернут на круги своя.

– Прямо-таки оттуда? – позволил себе засомневаться лорд Лабан, находясь сегодня в настроении во всём противоречить Ротингу, который весь вечер игнорирует его прямые намёки на кредит.

– Скажем так. Родом может и не оттуда, но то, что он в своих умонастроениях именно оттуда, то в этом я даже не сомневаюсь. – Как-то уж слишком туманно сказал Ротинг, тем самым вызвав у лорда Лабана желание поскорее покинуть этого слишком для него заумного Ротинга. Тем более момент выдался как нельзя удобным, – к ним присоединился Чейз, который сбив Ротинга с прежней мысли, сейчас о чём-то перешептывался с Ротингом. А такое пренебрежение к себе, ни один лорд по своему лордству терпеть не намерен и не имеет права. Так что лорд Лабан, имеет полное право покинуть нарушающего все степени приличий и этикета Ротинга, и отправиться, с некоторых его возрастных пор, ставшее для него самым привлекательным местом в театре, буфет. А так его, конечно, когда он был чуть моложе, всегда привле-

кали гримёрки актрис. А уж сама театральная сцена, была тем последним, что привлекало всех этих господ в театре.

Но лорд Лабан, по какому-то недоразумению или вернее, по своему разумению, на котором требовательно настаивает пустота его карманов, проявляет забывчивость к своей аристократической чести и продолжает пускать воздух из обоих своих ноздрей, ожидая того, что там этот Ротинг с Чейзом надумает. И они надо отдать верности разумений лорда Лабана, надумали как раз в тот момент, когда в переходе между зрительным залом и фойе случилось своё, со своими отличительными звуковыми характеристиками, отдельное столпотворение. При этом даже здесь, отчётливо слышался голос главного возмутителя спокойствия.

– Один единственный вопрос:

«Кому не нравится мой нос»? – на кого-то, а может на всех скопом, обрушился голос не такого уж для многих незнакомца, коим был всем известный задира и кривотолк устоявшихся общественных правил и морали Сирано.

– Всё иди. Вон он там, среди зевак. – Сказал Ротинг, подталкивая Чейза. Чейз же тем временем не спешит рваться вперёд, а проявляет независимость своего мышления, – он достаёт расчёску, зачёсывает назад свои волосы, затем прореживает ею свои усики и только после всех этих манипуляций, от которых Ротингу становится не по себе, направляется в эту гущу событий. И на этом Ротингу, пожалуй, можно было успокоиться, но тут со своими замечаниями лезет этот лорд Лабан и тем самым доводит Ротинга до истерики.

– Что-то уж этот господин выказывает слишком много независимости мышления. – Глядя вслед Чейзу, говорит лорд Лабан. – Я бы ему посоветовал как надо себя вести, если бы не преодолимая пропасть между нами.

– А вот в этом я полностью соглашусь с вами, лорд Лабан. – Нервно сказал Ротинг, еле удержавшись от того, чтобы не дать волю своим рукам, которые, несмотря на всё его лордство, нестерпимо требовали от него пасть жертвой привычки и погрызть ногти.

Между тем, там в гуще событий, они раскручивались вслед за умелыми отрифмованными заявлениями всё того же Сирано, нескучного человека.

–Я дуэлянт. Шутник, повеса,

Поэт, пишу на грани стресса. – Сирано при этих словах бросил внимательный взгляд в ту часть толпы, состоящую в основном из женского пола. Чем вызвал лёгкий переполох в умах некоторых слишком чувствительных к стрессу дам.

– И о дуэлях, господа,

Пишу, памфлеты иногда. – На этот раз Сирано посмотрел в сторону мужской части публики, где многие из стоящих господ, вдруг резко почувствовали зуд в шее, который вынудил их отвернуться, чтобы суметь перенести этот зуд куда-нибудь в другую сторону. Что вызывает свою усмешку у Сирано и он, возвратившись к себе, продолжает развивать свою мысль.

– Не выношу чужой подсказки,

Не выношу телячьей ласки.

В мои дела не суйте нос,

Ко мне Мой накрепко прирос. – Продолжает разить слогом рифмы Сирано вольно и невольно оказавшуюся вокруг него публику. Среди которой находятся и те, – правда пока этого не видит и не слышит не терпящий когда его перебивают на полуслове Сирано, – кто на ухо своему соседу готов делать свои замечания.

Так к одному одинокому, судя по сквозящему на его лице заинтересованному вниманию к происходящему, скорее невольному слушателю, чем кем-то предупреждённому, неожиданно для него и его уха, близко подобрался незнакомец и, не гнушаясь поступиться правилами приличий, а что уж говорить о каком-то этикете, утверждающе проговорил. – Не сочтите за дерзость, – тихо, но вполне отчётливо для имеющего слышащие уши Гоголя (так вскоре прозвали этого господина эти его будущие знакомцы, а он и не возражал, после того как они посетили

буфет, и он посвятил их в одну историю связанную с коньком и гоголем-моголем – а так ли это было на самом деле, то сам представленный этим именем господин, не спешил развеивать сгустившийся по этому поводу туман), сказал ведущий себя за гранью приличий Чейз, – но я вижу, что и вы имеете всё те же лицевые преимущества, что и наш дорогой Сирано. – И, пожалуй, на подобного рода замечание, прозвучи оно в каком другом случае и при других более публично-громких обстоятельствах, единственным должным ответом должен был бы быть вызов на дуэль, но сейчас одинокий зритель Гоголь только усмехнулся, услышав такой даже не намёк в свой адрес и, повернувшись к источнику этих дерзких слов, после небольшого предварительного осмотра, иронично заметил:

– Хм, смешно. По одному только физическому признаку утверждать о соответствующих умственных достоинствах, а что уж говорить о таланте человека. Не слишком ли это смело, для вашего ума, господин…– Гоголь сделал паузу, раздумывая над тем, как обратиться к этому умнику, имевшему неосторожность ставить свою честь под сомнение, после чего с улыбкой поставил точку уже в своём утверждении, – Ломброзо. – И хотя господин Чейз совсем не был упомянутым Гоголем господином Ломброзо, да знакомства с ним он ни по какому счёту не имел, всё же он не стал вдаваться в подробности насчёт его сходства с этим, как ему кажется, мифическим типажом, а продолжил упорствовать в том, в чём хотел.

– Ну, не скажите. – Деланно пожав плечами, усмехнулся в ответ Чейз. – Греческий, а что уж говорить о римском профиле, это своего рода, не только некий отсыл к героическому, зачастую мифическому прошлому под названием начало истории, но и со во временем отлитый в человеческой природе генетический памятник древним героям и даже богам.

– Вы так думаете? – с сомнением посмотрел на Чейза Гоголь.

– И смею утверждать, и не потому, что я в некотором роде смелый, а в некотором, роде отважный человек, – Чейз с долей дерзости во взгляде посмотрел на Гоголя, ожидая от него увидеть недоверие в виде иронической улыбки, но тот вроде бы ничем не выказал сомнение в утверждаемых Чейзом качествах и он продолжил, – а потому, что интуитивно чувствую, что это должно быть так.

– И как я понимаю, то ваша интуиция вас никогда не подводила. – Позволил себе сделать уточнение Гоголь.

– Всё верно. – Не мог не согласиться с этим, до чего же верным замечанием Чейз. Отчего он даже теплеет в душе, и так уж и быть, решает раскрыть перед Гоголем некоторые тайны скрываемые песками истории и культурным слоем, о которых он только благодаря своей всевидящей интуиции и догадался. – Так и то, что родоначальники истории, не зря так отмечены природой в той части лица, о которой мы с вами ведём речь. Где между тем, отчётливо прослеживается эволюция становления политического ума на примере выдвижения на первый план римского профиля и ухода в тень истории греческого профиля, который ещё вчера казалось, что есть предел культурного совершенства человека, а как оказалось, нет. – Чейз перевёл дух и продолжил:

– А всё потому, что эллины слишком увлеклись философией, можно сказать отпустили бразды правления историей и многое пустили на самотёк – на что напрямую указывает их греческий профиль, отличительными чертами которого является линия носа, прямо переходящая в лоб практически без какого-либо выделения переносицы. А вот римляне учли всё это и так сказать, в прямом и переносном смысле, зарубили себе эти уроки истории на носу и в результате чего, появился новый, всем известный тип римского носа с горбинкой.

– Это всё интересно, но как всем из той же истории известно, то и римская империя канула в лету. – Сделал замечание Гоголь. Но Чейз видимо что-то подобное ожидал услышать, и был готов сразить своего собеседника неопровержимыми аргументами, источником которых была всё та же его интуиция.

– Скажу так, – многозначительно посмотрев на Гоголя, сказал Чейз, – всему виной праздность и лень римлян, в результате которых, многие инструменты для продвижения вперёд их идей и политики, начались использоваться не по своему прямому назначению. Что, в конечном счёте, и привело к последующему упадку и падению империи. А вот если бы римляне продолжали использовать свой нос в прежнем качестве, проводником своих интересов в мире, так сказать, быть в каждой дырке затычкой, а не в качестве вешалки, куда они свесили все свои прежние триумфы и, наверное, и ноги бы свесили, если бы была такая возможность, то они бы до сих пор продолжали имперствовать. – С долей патетики сказал Чейз, затем сконцентрировавшись посмотрел на свой нос и со вздохом сожаления произнёс. – А вот я в этом деле, как бы сказал наш общий друг Сирано, остался с носом.

– Прошу прощения, – обратился к Чейзу Гоголь, – я даже не предполагал, какое вы большое значение придаёте этой части лица. Хотя и мне по этой части моего я, в своё время доставалось не мало. В чём я не вижу ничего из рода вон выходящего. Ведь эта часть любого я, всегда находится на острие атаки и нападения, и даже, наверное, грех не использовать эту природную данность.

– Тогда вы меня поймёте, когда я вам скажу, что среди моих уважаемых коллег, ко мне пристала общая, выраженная в двух нечеловеческих словах предвзятость: «Не суй свой нос туда, куда не просят». А я, может быть, не хочу его совать туда, куда другие просят, и тоже есть самодостаточная личность, и желаю сам, без оглядки на мнения других, использовать свой нос по своему, может даже и не предназначению. – С короткой яростью сказал Чейз, посмотрев куда-то вглубь гуляющей публики.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.